
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 1 (138). Февраль, 2014

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	ПААВО ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоенсуу, Финляндия)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук, профессор,
член-корреспондент РАМН (Петрозаводск)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	СУЛКАЛА ВУОККО ХЕЛЕНА
доктор философии, профессор
(Оулу, Финляндия)
МАРЕК ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Л. Н. ТИМОФЕЕВА
доктор политических наук, профессор (Москва)
Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)	МИЛОСАВ Ж. ЧАРКИЧ
ведущий профессор Сербской
Академии наук и искусств (Белград, Сербия)
В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии
архитектуры и строительных наук (Петрозаводск)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

В. А. АЧКАСОВ
доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург)	А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)
Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук, профессор (Петрозаводск)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
А. В. ВОЛКОВ
кандидат философских наук (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
РИХО ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	В. М. ПИВОЕВ
доктор философских наук,
профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 1 (138). February, 2014

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoly V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOLSHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	PAAVO PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAMS Corresponding Member (Petrozavodsk)	I. ROMANOVSKY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	HELENA SULKALA
Doctor of Philosophy,
Professor (Oulu, Finland)
MAREK VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	L. TIMOFEEVA
Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow)
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatiti)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	M. CHARKICH
the Leading Professor of Serbian Academy
of Sciences and Arts (Belgrade, Serbia)
V. ORPHINSKY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy
of Architectural Sciences (Petrozavodsk)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (St. Petersburg)

Editorial Board of the Series "Social Sciences & Humanities"

V. ACHKASOV
Doctor of Political Sciences,
Professor (St. Petersburg)	S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)
T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
A. VOLKOV
Candidate of Philosophic Sciences (Petrozavodsk)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
P. ZAIKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	V. PIVOEV
Doctor of Philosophic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences, Professor (Petrozavodsk)
	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Антощенко А. В.

Годы магистерской подготовки Г. П. Федотова 7

Суни Л. В.

Главное историческое общество Финляндии
(Suomen Historiallinen Seura) 12

Блышко Д. В.

Человек позднего социализма: конструирование
образа Другого (по материалам Рунета) 17

Кривоноженко А. Ф.

Профессорско-преподавательская корпорация
Петроградского университета в 1917–1922 годах ... 21

Иванищева М. В.

Новые данные о керамике каргопольского типа
в Южном Прионежье 24

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Шорохова И. В.

К вопросу о государственном финансирова-
нии театрального искусства в Карелии в конце
1940-х – первой половине 1960-х годов 29

ПЕДАГОГИКА

Тимофеева Г. Ю., Ткачева Т. М.

Оценка сформированности компетенций у сту-
дентов технического вуза: опыт МАДИ 34

ПОЛИТОЛОГИЯ

Цумарова Е. Ю.

Политики идентичности в Республике Карелия 39

ФИЛОЛОГИЯ

Skwarska K.

Синтаксические и семантические характери-
стики русских, польских и чешских глаголов в сло-
варе сочетаемостей VALLEX 42

Шестакова Л. Л.

Устаревшие слова в лексическом фонде поэзии
Серебряного века (по материалам сводного сло-
варя поэтического языка) 47

Маркова Н. В.

К созданию компьютерного толково-грамма-
тического словаря русских говоров Карелии 51

Лебедев А. А.

Предложения с отвлеченной связкой в стихот-
ворных произведениях П. А. Вяземского 54

Романенко С. Н.

К вопросу об унификации форм имен существи-
тельных в дательном падеже единственного чис-
ла (по материалам хозяйственных книг Псково-
Печерского монастыря XVII века) 57

Антонов А. В., Чердникова М. П.

Функция хронотопа в повести «Беспокойство»
братьев Стругацких 61

Тарасов К. Г., Сухов А. О.

Дания и Швеция в «Дневном журнале...» В. И. Даля ... 67

Андреанова И. С.

Эпистолярный жанр в творчестве А. Г. Достоевской ... 70

Алексеева Л. В.

Патриархальный мир русского старообрядчества
в изображении П. И. Мельникова-Печерского
(на материале романа «В лесах») 74

Ахриева Л. М.

Концепция жанра в статьях Ю. Н. Тынянова «Ли-
тературный факт» и «О литературной эволюции» ... 78

Филимонов В. В.

Фольклор в неперидических изданиях обще-
ства изучения Коми края: «Сборник комиссии по
собираанию словаря и изучению диалектов коми
языка» 81

ФИЛОСОФИЯ

Суворова И. М.

Эстетический эскапизм школьника как актуаль-
ная проблема современного образования 86

Абросимова С. О.

Философский анализ восприятия феномена био-
технологий в контексте религиозных ценностей 90

ЭКОНОМИКА

Герасенкова Т. М.

Подходы к определению эффективности иннова-
ционно-инвестиционной деятельности 94

Степанова С. В.

Страны – лидеры дальнего зарубежья по форми-
рованию выездного и въездного потоков Россий-
ской Федерации в начале XXI века 99

Терещенко Д. С.

Значение институциональных факторов для эко-
номического роста стран транзитивного типа 104

Шаталкин И. А.

Проблемы измерения транзакционных издержек
и способы их преодоления 108

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ларичев А. А.

Объединение муниципальных образований
в России, Финляндии и Канаде: процедура и про-
блемы участия местного населения 111

Микаилов С. М.

Особенности формирования региональной под-
системы обеспечения имущественной и антитер-
рористической безопасности 116

Рецензии

Белевских Т. В.

Рец. на кн.: Акулов В. Б. Макроэкономика 121

Юбилей

К 70-летию Ю. В. Линника 122

Информация для авторов

Contents

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор Е. В. Иванова. Корректор С. Л. Смирнова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Ивановой

Подписано в печать 12.02.2014. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 130 экз.). Изд. № 13

Индекс 66094. Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства
Петрозаводского государственного университета
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ АНТОЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ant@psu.karelia.ru

ГОДЫ МАГИСТЕРСКОЙ ПОДГОТОВКИ Г. П. ФЕДОТОВА*

Изучается подготовка Г. П. Федотовым магистерской диссертации по ранней истории христианства в Западной Европе. Основу исследования составляют архивные материалы Петербургского университета. При изучении уникальных фактов биографии начинающего историка выявляются общие принципы подготовки выпускников историко-филологических факультетов российских университетов по магистерской программе в начале XX века. Важным условием отбора выпускников для оставления при кафедре и «подготовки к профессорской деятельности» были задатки исследователя, которые студенты могли продемонстрировать в конкурсных сочинениях. Для магистрантов, специализировавшихся по всеобщей истории, имелась возможность воспользоваться двухгодичной командировкой за границу для проведения исследования в библиотеках и архивах изучаемой страны. Контроль за обучением осуществлялся в виде ежегодных отчетов об исследовании и сдачи магистерских экзаменов. Завершение магистратуры открывало дорогу к преподаванию в университете.

Ключевые слова: Г. П. Федотов, российские университеты в начале XX века, магистерская подготовка

Одним из важных элементов проводимой реформы высшего образования в России является введение двухуровневой системы подготовки выпускников, предполагающей создание магистерских программ в вузах. При обосновании такого изменения ссылки делаются на Болонский процесс, требующий приведения структуры российского высшего образования в соответствие с европейскими стандартами. Правда, при этом забывается тот факт, что в университетах Российской империи существовала магистратура для выпускников, которая была первым шагом на пути «приготовления к профессорскому званию». В данной статье будет рассмотрен (как case study) конкретный случай магистерской подготовки Георгия Петровича Федотова (1886–1951), ставшего впоследствии всемирно известным историком русской средневековой религиозности. Изучение архивных и опубликованных источников велось с применением разработанной им самим методики индивидуализации, при которой за уникальными фактами биографии того или иного исторического деятеля определяются типические черты времени, в данном случае за особенностями овладения магистерской программой начинающим историком выявляются общие принципы магистерской подготовки в до-революционных российских университетах.

Путь в историческую науку Г. П. Федотова не был прямым. Увлечшись в гимназические годы социал-демократической идеологией, он по окончании Воронежской гимназии с золотой медалью в 1904 году поступил в Технологический институт в Петербурге, чтобы быть ближе к рабочим и вести пропаганду среди них [5; V]. Однако возможность заняться их идейным просвещением у него возникла раньше, так как в стране началась

Первая русская революция [3; 88] [4; 35–39]. Ее спад после Декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году послужил причиной разочарования молодого социал-демократа в перспективах своего духовного развития в рамках тех идейных штампов, которые задавались пропагандистской деятельностью. Поэтому в августе 1906 года он принял решение перевестись на историко-филологический факультет (далее – ИФФ) Петербургского университета. Правда, приступить к занятиям Г. П. Федотов не смог, так как был выслан за антиправительственную деятельность в Германию [2].

Здесь, в Берлинском и Иенском университетах, он прослушал ряд курсов по истории, а по возвращении в 1908 году в российскую столицу продолжил учебу в университете, где сосредоточил свои занятия в семинариях И. М. Гревса [1; 161–163]. Именно по его совету Г. П. Федотов подготовил на выпускном курсе конкурсное сочинение «“Исповедь” бл. Августина как исторический источник для его биографии и для истории культуры эпохи», которое было удостоено золотой медали в соответствии с отзывом его научного руководителя. Как свидетельствуют биографии многих выдающихся российских историков, написание так называемого «медального сочинения» еще на студенческой скамье было для многих из них первым шагом в науку, так как зачастую на основе этого профессора рекомендовали своих учеников «к оставлению при кафедре для подготовки к профессорскому званию». Однако в случае с Г. П. Федотовым этому помешали сохранявшиеся связи с социал-демократами Петербурга и Саратова, что было чревато новым арестом. Именно из-за такой угрозы летом 1910 года он вынужден был от-

казаться от сдачи выпускных экзаменов и удовлетвориться свидетельством о прослушанных курсах в университете¹.

Проведя около двух лет на нелегальном положении и даже съездив в Италию по чужому паспорту летом 1911 года, Г. П. Федотов весной 1912 года все же решил явиться в жандармское управление с повинной. В результате министр внутренних дел разрешил ему сдать выпускные экзамены, по итогам которых он получил диплом 1-й степени, что давало право продолжить учебу в магистратуре². Правда, ему пришлось около полугода прожить в Карлсбаде (близ Риги), куда он был направлен под гласный надзор полиции.

По окончании срока административной высылки, 15 февраля 1913 года, И. М. Гревс обратился с ходатайством на ИФФ Петербургского университета, которое поддержал также профессор И. Д. Андреев³. Через месяц Г. П. Федотов был избран «для приготовления к ученой степени» и был «оставлен при кафедре всеобщей истории» сроком на два года, правда, «без стипендии»⁴. Благодаря ходатайству И. М. Гревса и И. Д. Андреева с Г. П. Федотова были сняты подозрения в политической неблагонадежности⁵.

Поскольку темой магистерской диссертации была избрана деятельность епископов меровингской эпохи, причисленных к лику святых, Георгий Петрович в мае 1913 года решил отправиться во Францию, чтобы изучить в Национальной библиотеке Парижа литературу, не доступную в российских столичных библиотеках. Обычно такого рода командировки предоставлялись для специализирующихся на изучении всеобщей истории магистрантов сроком на два года. Нередко на это время предоставлялась стипендия в размере 1200 рублей в год, что соответствовало годовому жалованию доцента или половине годового оклада жалования профессора. В случае с Г. П. Федотовым стипендия не была предоставлена, и ему пришлось ехать, что называется, «за свой счет». В конце июня Г. П. Федотов писал своему учителю: «Вот уже почти месяц как я в Париже, не могу жаловаться ни на погоду, ни на порядки в библиотеке. Здесь так удобно работать, что с грустью думаешь о Петербурге»⁶.

После возвращения Г. П. Федотову предстояло подумать о том, на какие средства он сможет существовать в дороге для проживания в столице Российской империи. Необходимость «подрабатывать» во время учебы была обычным явлением среди магистрантов не только в Петербурге, но и в других университетских городах в случае, если родители были не в состоянии содержать их. Решением финансового вопроса для Г. П. Федотова стало его устройство учителем истории в коммерческое училище М. А. Шидловской. Хотя условия для преподавания были весьма благоприятные (Георгий Петрович вел занятия в двух классах, в одном из которых было 5, а в

другом — 6 учеников), работа, судя по его письмам, не приносила ему удовлетворения. Причина этого заключалась не столько в необходимости без посторонней помощи и опыта начинать педагогическую деятельность, сколько в самом характере этой деятельности, как ее воспринимал Г. П. Федотов. «Почему все становится пошлостью, когда подвергается педагогической обработке? — задавал он риторический вопрос в одном из писем своей давней знакомой Т. Ю. Дмитриевой, которая уже более десяти лет преподавала в гимназии. — Не знаю, как в искусстве, но в науке, правда, что простота хуже воровства»⁷. Выход из создавшегося положения он видел в том, чтобы иметь возможность отложить в сторону «детские книжки» и начать «заниматься своим делом»⁸, под которым подразумевалось диссертационное исследование. Сосредоточить усилия на работе над диссертацией ему позволила годовая стипендия Министерства народного просвещения в размере 1200 рублей, назначенная по ходатайству И. М. Гревса с 1 января 1914 года, а затем дважды продлевавшаяся вплоть до конца 1916 года⁹.

Начавшаяся Первая мировая война не изменила существенно положения Г. П. Федотова. В армию он не был призван как оставленный при университете «для приготовления к профессорскому званию», хотя и прошел военные сборы в звании прапорщика в лагере близ станции Татищево, недалеко от родного Саратова¹⁰. Впрочем, война не позволила ему воспользоваться зарубежной командировкой. Поэтому главные свои усилия в 1914–1915 годы молодой историк сосредоточил на подготовке к магистерским экзаменам и разработке по опубликованным источникам и исследовательской литературе выбранной проблемы. О предварительных результатах исследовательской работы Г. П. Федотов отчитался в ноябре 1914 года.

В традициях Петербургской школы при определении тематики магистерской диссертации Г. П. Федотов отталкивался от источниковой базы. Ею стала агиографическая литература раннего Средневековья, на основе которой должна была изучаться «общая, а особенно религиозная и этическая культура эпохи»¹¹. Центральной фигурой для изучения молодым историком был выбран «святая епископ». Такой выбор свидетельствовал, что ученик шел не столько за учителем, предпочитавшим персонафикацию культурных достижений в жизни и деятельности выдающихся личностей, сколько за другим его учеником — Л. П. Карсавиным, поставившим в своей магистерской диссертации проблему народной религиозности в Средние века.

Георгий Петрович обратился к рассмотрению двух аспектов выбранной проблемы: во-первых, церковно-общественной роли епископа и, во-вторых, его святости. При этом вскоре молодому историку стало очевидно, что именно второй

аспект («епископ как предмет культа») таит в себе новую загадку, которую скорее заметили, нежели разрешили его предшественники. На основе сопоставления наблюдений французских историков Л. Дюшена и И. Делез, а также отечественного исследователя Е. Е. Голубинского Г. П. Федотов отметил определенную параллель в канонизации епископов в Галлии, Византии и Новгороде – ее суммарный характер на ранних этапах христианизации. Это наблюдение он проверил, обратившись к сравнительному рассмотрению галльских, сирийских и антиохийских источников. Результатом сравнения был вывод о том, «что в течение V века списки мучеников и епископов отдельных церквей сливаются»¹². Объяснение такого слияния списков неопределенностью поминальных литургических формул, которое предлагалось французскими историками Л. Дюшеном и П. Баттифолем, не удовлетворяло начинающего русского ученого. Также неудовлетворительной ему показалась концепция немецкого исследователя К. Г. Узенера, по которой христианские святые занимали место греческих богов, так как ею не объяснялся «специфически христианский характер культа», а главное – поклонение живому святому-аскету. Поэтому Г. П. Федотов предпочел двинуться вслед за И. Делез, сосредоточив свое внимание на погребальных надписях Галлии, Испании и Британии. В результате ему открылись запечатленные в них представления не только об участии усопших – святых и праведных, но и «живые ощущения церкви», которая воспринималась тогда как «общение святых», что делало возможным молитвы как «за умерших», так и «к умершим». Особенно заинтересовал начинающего историка культ гробниц, который свидетельствовал об архаической неопределенности народной веры, явно не соответствовавшей богословской определенности отцов IV века, особенно Августина, с богословскими трактатами которого Г. П. Федотов был хорошо знаком.

В отчете магистрант отметил еще один парадокс, открывавший ему важное исследовательское направление. Наряду с культом умерших он указал на неожиданный для него оптимизм живущих, засвидетельствованный в агиографических произведениях. «В общем героическом чувстве борьбы и подвига, проникающем их, останавливают внимание: легкость победы над дьяволом, вера в возможность для всякого творить чудеса и ясное убеждение подвижника в неложности заслуженного им венца (Августинские идеи предопределения и благодати восприняты в их оптимистическом аспекте)»¹³. Видя в этом предпосылки для культа епископа, начинающий историк считал их недостаточными. Важнейшую из них он увидел в центральном для религиозной психологии эпохи понятии «virtus», которым охватывались «духовная мощь

и вместе с тем ее обнаружение, материализация в чуде»¹⁴. Опираясь на вывод предшественников о соотносительности понятий «святость» и «чудо» в сознании того времени, Г. П. Федотов обосновывал этим неизбежность канонизации епископов не только в церковных святцах, но и в народной вере, «так как чудотворение входило в круг повседневных его обязанностей». «С одной стороны, это изгнание бесов в сотрудничестве с младшим клиром, с другой – чудеса силою реликвий, хранимых в церкви. В обоих случаях епископ является органом действующей в церкви благодати, “экономом тайн Божиих”. Отделить личность от живущих в ней сил, признать временный, прижизненный только характер ее призвания, было абстракцией, непосильной для века. Он именно и характеризуется тяготением к конкретному воплощению, к материализации духовных сил в лице и вещи. Но, конечно, эта притягательная сила, оказываемая церковью предпочтительно перед свободными силами духа, действующего в аскетических подвижниках, сама по себе объяснима огромным, универсальным значением, которое в это смутное время разрухи выпало на долю церкви – и это возвращает меня к исходной точке – в лице епископа как стража и спасителя города, вождя и пастыря», – завершал Г. П. Федотов свой отчет об исследовательской работе в 1914 году, демонстрируя тем самым, что его конкретно-исторические исследования позволяют обосновать важный теоретический вывод о специфике религиозности человека раннего средневековья.

Помимо этого Г. П. Федотов опубликовал свои первые статьи, которые поручил ему подготовить для «Нового энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза его учитель¹⁵. И. М. Гревс высоко оценил их, особо отметив статью «Каролингское возрождение», и заключил, что эти публикации «показывают в нем уже образовавшееся умение научно трактовать вопросы с полным знанием и иногда с тонким пониманием дела»¹⁶. Публикация результатов исследования в научных изданиях была характерной чертой подготовки магистрантов в дореволюционных университетах.

Подводя итоги работы в следующем, 1915 году, Г. П. Федотов отметил разработку двух вопросов, непосредственно касавшихся религиозного чувства эпохи: «во-первых, вопрос о культе гробниц и, во-вторых, о характере и формах аскетизма, которым питается монашеская жизнь эпохи»¹⁷.

Магистерская подготовка предполагала не только написание диссертации, но и сдачу экзаменов. Причем в Петербургском университете число их было значительно больше, чем, скажем, в Московском университете, где историки сдавали три экзамена – по политэкономии, русской и всеобщей истории. В столице магистранты

должны были показать свои знания по всем разделам истории. По совету учителя Г. П. Федотов составил программу испытания таким образом, чтобы вопросы по всем предметам были связаны с общим направлением его исследования. Но даже при таком подходе на подготовку и сдачу экзаменов ушел последний месяц 1914 года и весь следующий год. «За истекший 1915 год, – писал в очередном годовом отчете магистрант, – мои работы были почти исключительно сосредоточены на изучении вопросов, избранных для магистерских испытаний, из которых до настоящего времени мною выдержаны пять (все, за исключением русской истории, подготовку к которой я заканчиваю). При выборе тем я руководствовался желанием поставить их в связь с интересующей меня научной областью: духовной культурой средневековья и, более частно, с церковной культурой меровингской Галлии, где я поставил целью изучение вопроса о “святом епископе”. Соответственно с этим планом мною были разработаны следующие экзаменационные темы: 1) по истории церкви вопрос о происхождении епископата в ранней христианской церкви и вопрос о происхождении культа святых¹⁸; 2) по политической экономии – вопрос о землевладении в раннее средневековье¹⁹; 3) по истории Рима – вопрос о западных провинциях империи (Галлии, Британии и Испании)²⁰; 4) по истории средних веков – вопрос о духовной культуре римского общества V века, вопрос о меровингском общественно-политическом строе и религиозной жизни и вопрос о религиозных движениях в Италии XII–XIII веков²¹; 5) по новой истории – вопрос об итальянском Возрождении и католической реформации XVI–XVII вв.²²; 6) по русской истории – церковно-государственные отношения в Киевской Руси, Смутное время, патриарх Никон и политические идеалы декабристов»²³.

Успешная сдача магистерских экзаменов открывала перед Г. П. Федотовым, как и многими

другими начинающими историками, возможность получить должность приват-доцента. Обязательным условием для этого являлось чтение двух пробных лекций. Темы для них были утверждены факультетом 8 октября 1916 года в следующих формулировках: «а) О культе гробниц в Мерovingской Галлии; б) Реестр ломбардских ересиархов и его значение в истории вальденства»²⁴. Примерно через месяц, по прочтении лекций, они были признаны «удовлетворительными», что позволило факультету ходатайствовать перед ректором 26 ноября «о зачислении магистранта Г. П. Федотова в состав приват-доцентов университета по кафедре всеобщей истории»²⁵. На основании этого уже ректор ходатайствовал перед попечителем Петроградского учебного округа о допущении Г. П. Федотова к чтению лекций и ведению практических занятий с весеннего полугодия 1917 года. К ректорскому ходатайству прилагались Curriculum vitae и программа занятий. В последней Г. П. Федотов обосновывал свой выбор в качестве темы для практических занятий меровингской агиографии. Учитывая короткий период занятий – один семестр, начинающий преподаватель считал возможным «исключить постановку всех критических вопросов, касающихся подлинности и датировки житийной литературы и сосредоточиться на немногих бесспорных памятниках с целью вскрыть их культурную содержательность»²⁶. 15 декабря 1916 года канцелярия Петербургского университета уведомила Георгия Петровича, что он допущен к чтению лекций и ведению практических занятий в весеннем семестре 1917 года. Почти одновременно с этим он был принят на службу в должности вольноотрудающегося в историческом отделении императорской Публичной библиотеки²⁷. Казалось, перед ним открывались широкие перспективы преподавания в столичном университете и научных занятий в библиотеке. Однако этому помешала революция.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Проект 13-01-00107 «Апостол древнерусской святости Г. П. Федотов (1886–1951)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47244. Л. 36.

² Там же. Оп. 20. Д. 57. Л. 2.

³ Там же. Оп. 1. Д. 10765. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2, 8.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 313. Л. 1.

⁷ Федотов Г. П. Собрание сочинений. Т. 12: Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М., 2008. С. 189.

⁸ Там же.

⁹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765. Л. 11–12, 15, 23; РГИА. Ф. 733. Оп. 156 (1915). Д. 114. Л. 30.

¹⁰ Федотов Г. П. Собрание сочинений. Т. 12. С. 201–202.

¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765. Л. 17.

¹² Там же. Л. 18 об.

¹³ Там же. Л. 20.

¹⁴ Там же.

¹⁵ [Федотов Г. П.] Григорий Турский // Новый энциклопедический словарь. Т. 15: Гривна – Десмургия. СПб., 1913. Стб. 18–19; [Федото] в Г. Жития святых. I. Жития святых на Западе // Там же. Т. 17: Душевные болезни – жуки. СПб., 1914. Стб. 923–926; [Федото] в Г. Каролингское возрождение // Там же. Т. 21: Каринтин – Кнорринг. Пг., 1914. Стб. 93–96.

- ¹⁶ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10765. Л. 16.
- ¹⁷ Позже сюжет о культе гробниц станет основой для отдельной статьи. См.: Федотов Г. П. Боги подземные. К истории средневековых культов // Россия и Запад. Вып. 1. Пг., 1923. С. 11–35.
- ¹⁸ На экзамене 19 декабря 1914 года Г. П. Федотову был предложен вопрос о происхождении епископата. Ответ был признан «удовлетворительным» (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16180. Л. 165). Данная оценка следовала за высшей оценкой – «весьма удовлетворительно».
- ¹⁹ Ответ Г. П. Федотова на вопрос о формах землевладения франкской монархии в раннее средневековье на экзамене 24 января 1915 года был признан удовлетворительным [9; 1, 3]. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16196. Л. 1, 3.
- ²⁰ На вопросы об эпиграфических источниках по истории Галлии и Германии и о возникновении муниципального строя в этом же регионе 14 февраля 1915 года Г. П. Федотов ответил удовлетворительно. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16196. Л. 5, 7.
- ²¹ На экзамене по средневековой истории Г. П. Федотов отвечал на вопросы: 1) Фома Челанский и «Speculum perfectionis» в их взаимных отношениях как источник для истории раннего средневековья; 2) Цезарий Арелатский в его монашеских идеалах и деятельности. Ответ был признан удовлетворительным. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16196. Л. 14, 18.
- ²² 17 октября 1915 года на экзамене по Новой истории ответ на вопрос «Основные формы итальянского возрождения» был признан удовлетворительным. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16196. Л. 129, 133.
- ²³ Экзамен по русской истории Г. П. Федотов сдавал после написания этого отчета – 19 декабря 1915 года. Ответы на вопросы о церковно-политических отношениях в Киевской Руси и о политической доктрине декабристов были признаны удовлетворительными (см.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16196. Л. 177). Незадолго до этого – 15 декабря – Г. П. Федотов сдал еще один экзамен, о чем сообщал Т. Ю. Дмитриевой открыткой: «Вчера я сдал экзамен у Ростовцева, который был чрезвычайно снисходителен. Гора с плеч свалилась» (см.: Федотов Г. П. Собрание сочинений. Т. 12. С. 195).
- ²⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3 (Т. 4). Д. 16216. Л. 252.
- ²⁵ Там же. Л. 275.
- ²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 490. Л. 95.
- ²⁷ См.: Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1 (1916). Д. 113. Л. 1; Там же. Оп. 1 (1911). Д. 197. Л. 75.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антощенко А. В. Студенческие годы Г. П. Федотова (по новым документам) // Всеобщая история и история культуры: Петербургский историографический сборник. СПб., 2008. С. 157–168.
2. Антощенко А. В. Трагедия любви (Путь Г. П. Федотова к Истории) // Мир историка: Историографический сборник. Вып. 4. Омск, 2008. С. 50–75.
3. Гусакова З. Е. Из биографии философа, историка и публициста Г. П. Федотова // Советские архивы. 1991. № 6. С. 87–89.
4. Катков С., Лукин С. Возвращение: К биографии Георгия Федотова // Годы и люди. Вып. 7. Саратов, 1992. С. 35–48.
5. Федотова Е. Н. Георгий Петрович Федотов // Федотов Г. П. Лицо России. Статьи 1918–1930. 2-е изд.-е. Paris, 1988. С. I–XXXIV.

Antoshchenko A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

YEARS OF GEORGE FEDOTOV'S POSTGRADUATE TRAINING

This article is a case study of George Fedotov's preparation of his master's thesis on early Christian history in Western Europe. The research is based on documents stored at Saint-Petersburg University archives. Exploring unique facts of the historian's biography, the author reveals general principles of postgraduate training at the Departments of History and Philology in Russian universities in the early XXth century. Research skills were an important prerequisite for the selection of graduates in order "to prepare them for professorship". These skills could be demonstrated in their competitive papers. Postgraduate students specializing in world history could take a biennial trip abroad to conduct research in libraries and archives of the studied country. Supervision of training was carried out in the form of annual reports on research and final examinations for a master's degree. Completion of the master's program opened doors to teaching at the university.

Key words: George Fedotov, Russian Universities in the early XXth century, postgraduate students' training

REFERENCES

1. Antoshchenko A. V. George Fedotov's years of undergraduate training [Studencheskie gody G. P. Fedotova (po novym dokumentam)]. *Vseobshchaya istoriya i istoriya kul'tury: Peterburgskiy istoriograficheskiy sbornik* [World history and history of culture. Petersburg historiographical collection]. St. Petersburg, 2008. P. 157–168.
2. Antoshchenko A. V. Tragedy of Love (George Fedotov's Way to History) [Tragediya lyubvi (Put' G. P. Fedotova k Istorii)]. *Mir istorika: Istoriograficheskiy sbornik* [World of Historian: Historiographical compendia]. Is. 4. Omsk, 2008. P. 50–75.
3. Gusakova Z. E. From the biography of the philosopher, historian and publicist George Fedotov [Iz biografii filosofa, istorika i publitsista G. P. Fedotova]. *Sovetskie arkhivy* [Soviet archives]. 1991. № 6. P. 87–89.
4. Katkov S., Lukin S. Return: On the biography of George Fedotov [Vozvrashchenie: K biografii Georgiya Fedotova]. *Gody i lyudi* [Years and Persons]. Is. 7. Saratov, 1992. P. 35–48.
5. Fedotova E. N. George P. Fedotov [Georgiy Petrovich Fedotov]. *Fedotov G. P. Litso Rossii* [The face of Russia]. 2d ed. Paris, 1988. P. I–XXXIV.

Поступила в редакцию 23.12.2013

ЛЕВ ВАЛЬТЕРОВИЧ СУНИ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
suni@karelia.ru

ГЛАВНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО ФИНЛЯНДИИ (Suomen Historiallinen Seura)*

Статья посвящена Финскому историческому обществу (Suomen Historiallinen Seura), его истории и основным направлениям деятельности в наши дни. Дается характеристика структуры Исторического общества, издаваемых им периодических изданий и международных связей.

Ключевые слова: история Финляндии, исторические общества, историческая периодика

В Финляндии сформирована большая группа финских историков, которым предстоит выполнить всестороннее исследование о Финском историческом обществе (ФИО), отмечающем в 2015 году 140 лет со дня своего основания. Составлен общий план исследования, проведены первые рабочие семинары, уточнялись параметры и основные положения проекта, рабочее название которого – «Диалог науки и общества».

Рождение ФИО в 1875 году было неразрывно связано со становлением молодой финской исторической науки, которая стремилась противопоставить иной взгляд господствовавшим теориям о решающей роли шведов и шведской культуры в судьбах Финляндии. Наибольший вклад в разработку новых концептуальных положений о финской национальной истории, которые на годы определили магистральный курс финской историографии, внес Ирём Коскинен (1830–1903), полагавший, что изучение собственного прошлого является не только приращением научных знаний, но и тем духовным фундаментом, на котором строится будущее финской нации.

Становление ФИО происходило постепенно, по мере формирования национальной исторической школы. Затухавшая и вновь возобновлявшаяся на протяжении 1840–70-х годов дискуссия о том, была ли у Финляндии собственная история, являлась тем катализатором, который способствовал как занятиям отечественной историей, так и поиску организационных форм, способных сплотить ряды немногочисленных исследователей. Основанное в 1838 году *Научное общество Финляндии* (Finska Vetenskaps-societet), имевшее в своей структуре отдел «историко-лингвистический», все же было ориентировано, прежде всего, на занятия естественными науками и практически никакой роли в исследованиях по истории Финляндии не играло. К тому же по мере роста шведо-финского противостояния Научное общество стало оплотом «шведской» науки в Финляндии, что позднее с неизбежностью привело к основанию Финской академии наук (1908 год), которая должна была «содействовать

превращению финского языка в язык культуры и науки, способствовать взаимному общению финских ученых и росту молодых исследователей» [17; 100], [18; 565].

В 1864 году по инициативе И. Коскинена в рамках *Общества финской литературы* (основано в 1831 году) создается исторический отдел, призванный сплотить вокруг себя наиболее активных приверженцев финской истории и финских древностей [7; 50–54]. В связи с тем, что рабочим языком отдела большей частью был шведский, Общество финской литературы в марте 1865 года обязало отдел (как свое структурное подразделение) всю деловую документацию и протоколы заседаний вести только на финском языке, что отвечало духу принятого в 1863 году императорского указа об уравнивании шведского и финского языков [4; 93–94].

Основная проблема, связанная с реализацией рождавшихся в отделе исследовательских планов, заключалась в недостатке профессионально подготовленных кадров. В силу этого главное внимание в его деятельности уделялось сбору материалов, организации экспедиционной работы, сохранению памятников старины. Важным достижением стал выпуск с 1866 года серийного издания *«Исторический Архив»* (Historiallinen Arkisto), в котором преимущественно публиковались протоколы заседаний исторического отдела, информация о научной жизни, а также небольшие статьи по истории и археологии.

В 1872 году И. Коскинен внес на рассмотрение сейма предложение о создании Академии по истории и древностям Финляндии и об учреждении специальной должности антиквара (хранителя памятников старины). Согласно разработанному уставу, сенат назначает в Академию (по представлению Общества финской литературы и Научного общества) первых членов, которые избирают в ее состав новых коллег, общим числом 12 человек [20]. Однако планы И. Коскинена встретили активное противодействие со стороны ректора Александровского университета и секретаря Научного общества Финляндии Л. Лин-

делёфа, который мотивировал свою позицию отсутствием профессиональных кадров для планируемой Академии. Вместо ее создания он предложил сконцентрировать все науки, в том числе и гуманитарные, в Научном обществе, возрадив его впоследствии до полноценной Академии. Однако и план Л. Линделёфа, и предложение И. Коскинена, поддержанное в духовном сословии голосами 28 : 6, были отвергнуты остальными сословиями сейма, посчитавшими их несвоевременными. Тем не менее уже в начале марта 1874 года И. Коскинен и его ближайшие соратники (К. А. Боманссон, С. Г. Элмгрен, К. Э. Ф. Игнациус и Ф. И. Раббе) передали в финляндский сенат прошение, в котором на этот раз ходатайствовали об учреждении *Финского исторического общества*, устав которого был принят 25 февраля 1875 года.

Поначалу Историческое общество представляло собою узкую, полужакрытую корпорацию, насчитывавшую (включая председателя, секретаря и кассира, ведавшего также библиотекой и архивом) не более 15 человек. Все руководство избиралось на один год, председатель – без права переизбрания на очередной срок. Стать членом Общества мог только исследователь по истории Финляндии, получивший рекомендацию и прошедший горнило тайного голосования.

Председателем ФИО был избран И. Коскинен. Первыми членами стали видные деятели финской культуры З. Топелиус, фольклорист, поэт и переводчик Ю. Крон, археолог И. Аспелин, историк И. Салениус. Регулярные собрания проводились в основном для рассмотрения текущих дел, научные доклады были редкостью и читались только на годовых (итоговых) собраниях, которые были приурочены ко Дню Портана. Перманентные сложности были связаны с отсутствием собственного помещения. Положение изменилось лишь в 1899 году, когда в Гельсингфорсе был построен Дом научных обществ, куда перебрались Шведское литературное общество, а также Историческое, Научное, Финно-угорское и Географическое [18; 68].

Анализ персонального состава Исторического общества свидетельствует о том, что в его ряды приглашались высокопоставленные представители научной и административной элиты Финляндии. Из «призыва 1875 года» практически все были докторами наук, звание профессора имели 4 человека, ректорами учебных заведений разного уровня и руководителями различных административных структур являлись шестеро, членами сената и депутатами сословного сейма – пятеро. Был даже один губернатор [19; Liite 1. S. 92–93]. И хотя в 1888 году Общество увеличило количество своих членов с 15 до 24, новые вакансии заполнялись по этой же схеме и для молодых исследователей дорога в Общество по-прежнему была заказана. В конечном итоге эта замкнутость привела к появлению в Финляндии

новой организации финских историков – *Исторического объединения* (Historiallinen Yhdistys, основано в 1890 году), которое базировалось на университет и в своих методологических исканиях в известной мере ориентировалось на западноевропейские научные школы. Именно в этой среде родилась идея об учреждении «Исторического журнала», первый номер которого увидел свет в 1903 году [2].

Задумывая Историческое общество как некую миниатюрную модель несостоявшейся Академии, И. Коскинен и его последователи видели свое детище прежде всего как сугубо научное учреждение, хотя концепция национальной финской истории, несомненно, вела к обострению межпартийной борьбы в Финляндии.

И. Коскинен понимал, что на раннем этапе становления исторической науки важнейшую роль приобретают работа в архивах и издание документов, которые должны быть доступны исследователям. В силу этого первые успехи Общества были связаны не с научными исследованиями, а с публикаторской деятельностью.

Начало было положено обширным проектом «*Документальные свидетельства истории Финляндии*» (Todistuskappaleita Suomen historiaan), осуществлявшимся с 1882 по 1915 год и состоявшим из 7 серий, которые включали в себя многочисленные документы об экономической жизни в шведский период, а также по начальному периоду финляндской автономии в составе Российской империи [16].

Некоторые из запланированных проектов (публикация старых налоговых книг, переписка архиепископа Мейнандера и др.) остались в то время нереализованными из-за отсутствия достаточного финансирования. Эта же причина вынуждала прерывать издание уже заявленных документальных сборников.

Члены Общества работали в хранилищах Швеции, Германии, Ватикана, где шли поиск и копирование документов, относившихся к истории Финляндии. В 1902 году Историческое общество исходатайствовало у статс-секретаря Великого княжества Финляндского (ВКФ) фон Плеве разрешение для аналогичной работы в российских архивах. В итоге в распоряжении финских историков оказались материалы, относившиеся к деятельности Боргоского сейма, а также документы Фридрихсгамского мирного договора. После долгих переговоров в 1926–1930 годах Финляндия вернула из СССР архив статс-секретариата по делам ВКФ, который еще в начале XX века был перевезен из Гельсингфорса в Петербург.

Первые научные результаты проделанной поисковой и публикаторской работы стали появляться в начале XX века. В 1910 году была издана двухтомная монография К. В. Раухала «Организация центрального управления Финляндии в 1808–1817 гг.», ставшая его докторской

диссертацией [10]. Его же перу принадлежит обстоятельная история финляндского сената, первый том которой увидел свет в 1915 году, а второй – из-за начавшейся мировой войны, бурных и драматических событий 1917–1918 годов – удалось издать только в 1921 году [11].

Говоря о первых трудах Общества, нельзя обойти вниманием проект, который, подобно птице Феникс, периодически возрождался на волне повышенного общественного интереса финнов к собственной истории. Речь идет о проекте «Свод биографий. Жизнеописания из анналов прошлой и нынешней Финляндии» [6], содержащий более 1000 кратких очерков о наиболее видных исторических личностях Финляндии. Издававшийся отдельными книжками в 1879–1899 годах «Свод биографий» имел несомненный успех в обществе, и уже в 1915 году по инициативе Э. Палмена стали готовиться к совершенно новому изданию, пятитомный вариант которого – «Национальный свод биографий», увидел свет на рубеже 1920–30-х годов [8]. В 1955 году на его основе был издан однотомник «Свод биографий Финляндии» [13]. Но и на этом оказавшая столь востребованной Обществом идея «биографического проекта» себя не исчерпала.

В 1990-х годах Историческое общество Финляндии выступило инициатором еще более грандиозного замысла, реализация которого пришлось на 2003–2007 годы. Десятитомная «Национальная биография Финляндии» [15], написанная большим авторским коллективом, включает в себя шесть тысяч обстоятельных статей, которые в совокупности представляют собой персонализированную историю Финляндии с древнейших времен до современности.

Серьезные перемены в организационной структуре Исторического общества и отчасти в его дальнейшей деятельности пришлось на 1915–1917 годы, когда в его же собственных рядах впервые прозвучала критика относительно замкнутого характера организации, ее скромной роли в исследовании исторического прошлого Финляндии, в оторванности от общественных процессов в стране.

Новый устав и программа Исторического общества были утверждены в ноябре 1917 года. С некоторыми изменениями эти нормы устава действуют и по настоящее время. Во-первых, были сняты ограничения по количественному составу членов Общества, что позволило увеличить его ряды в межвоенный период практически вдвое. Помимо традиционных членов-исследователей появились члены-корреспонденты, избравшиеся из зарубежных ученых, внесших весомый вклад в изучение истории Финляндии. Возникла категория членов – сторонников Общества, не обладавших, однако, правом голоса при принятии решений, а также членов-дарителей (с 1935 по 1970 год), оказывавших Обществу фи-

нансовую поддержку. В его структуре появились почетные члены, а также уполномоченные, представлявшие Историческое общество в финляндской провинции, где рождались местные союзы и ассоциации историков.

Но осталось неизменным старое правило: членом Общества мог быть только исследователь финской истории, что в общем-то отражало ситуацию в исторической науке Финляндии того времени, в которой господствующие позиции занимала национально-государственная школа. Отмена этого ограничения в 1962 году, состоявшаяся на новом этапе развития исторической науки Финляндии, открыла «зарубежникам» двери в Общество и привела к заметному росту его рядов в 1970-е годы.

Программа Исторического общества 1917 года внесла некоторые изменения в издательскую деятельность. Было решено издавать четыре научные серии: 1. «Исторический архив» (Historiallinen Arkisto), в котором по-прежнему публиковались протоколы заседаний Общества, годовые отчеты, доклады, а также небольшие научные работы. К настоящему моменту издано 140 томов (2014 год), содержащих более 1000 разнообразных материалов, относящихся к истории Финляндии. 2. Новая серия «Исторические исследования» (Historiallisia tutkimuksia) была изначально предназначена для крупных работ, монографий, докторских диссертаций. На сегодняшний день (на 2014 год) издано 263 тома, содержание которых позволяет судить о состоянии исторической науки Финляндии на разных этапах ее развития. 3. «Источники по истории Финляндии» (Suomen historian lähteitä) [15] стали своеобразным продолжением закончившейся в 1915 году серии «Документальные свидетельства истории Финляндии» (Todistuskappaleita Suomen historiaan). Опубликованные документы касаются в основном истории Финляндии XVII–XVIII веков. 4. Возобновлена старая серия «Серебряный налог 1571 г.» (v:n 1571 hopeavergoluettelot), издание которой было прервано по финансовым причинам в 1912 году и реализовано только в 1980-е годы.

С годами издательская деятельность Исторического общества расширялась. В 1925 году стала выходить многотомная серия «Справочники», в которой, помимо прочего, опубликована самая полная библиография по истории Финляндии с 1544 по 1990 год [9]. Отказ от продолжения библиографического издания в традиционном книжном формате объясняется, скорее всего, появлением электронных баз данных.

Для послевоенной исторической науки Финляндии, по мере того как она преодолевала изоляционизм национально-государственной школы, все актуальнее становилась задача собственного позиционирования в Европе. С этой целью в 1957 году ФИО стало издавать серию «*Studia*

Historica», в которой на французском, немецком и английском языках публиковались монографии финских исследователей. С началом нынешнего столетия серия была переориентирована на публикацию статей и небольших работ, а монографии на английском языке с 2001 года стали уделом серии «*Studia Fennica Historica*». С 1995 года увидела свет еще одна серия – «*Bibliotheca Historica*», в которой печатаются диссертационные работы финских авторов.

ФИО совместно с Обществом финской литературы и другими научными и культурными организациями страны (Историческое объединение, Союз друзей истории, Финское церковно-историческое общество и др.) принимает также участие в издании монографий и журналов за пределами названных серий. ФИО не является исследовательской организацией, хотя планы по ее созданию в рамках Общества обсуждались. Но действующий устав Общества предусматривает инициирование исследовательских проектов [12]. Среди реализованных в последнее время инициатив можно отметить такие, как трехтомная «История сельского хозяйства Финляндии (2001–2004)», трехтомная «История воспитания и обучения в Финляндии» (2005–2011). Об огромном биографическом проекте, который был дополнен специальными изданиями на русском и английском языках [1], [3], речь шла выше.

Без участия Финского исторического общества в стране не проводится ни одна серьезная конференция по историческим наукам. В 1975 году, в свой столетний юбилей, ФИО, организовав первые общешведские Дни истории, заложило традицию регулярного (каждые три года) обсуждения дел в этой области. С 2010 года Общество начало проводить в разных университетских городах страны Дни изучения истории, которые дополняются различными лекционными курсами о состоянии исторической науки в Финляндии.

На международной арене ФИО, являющееся членом The International Committee of Historical Sciences и его пяти подкомиссий, сотрудничает с зарубежными коллегами также в проведении совместных конгрессов и симпозиумов. С 1923 года участвует в организации регулярных встреч (берущих свое начало с 1905 года) историков Северных стран Европы. Очередная конференция состоится в августе текущего года на базе Восточно-финляндского университета в г. Йоэнсуу. После долгого перерыва, вызванного Второй мировой войной, в 1999 году возобновились Дни Эстонии – конгрессы финских и эстонских историков, начавшиеся еще в 1930-е годы. Тринадцать

советско-финских симпозиумов и семинаров в 1966–1991 годах свидетельствовали о взаимном стремлении историков обеих стран обсудить общие проблемы российско-финляндских отношений. Аналогичные встречи проводились с итальянскими, венгерскими и немецкими учеными.

Одной из форм расширения международных научных связей Исторического общества является избрание в его состав иностранных ученых, которые, как записано в уставе, «своей научной деятельностью содействуют устремлениям Общества и исследованию истории Финляндии» [12]. На сегодняшний день, с момента избрания первого члена-корреспондента в 1950 году, в ФИО приглашено 44 зарубежных историка. Из отечественных исследователей в разные годы в Общество были избраны Е. М. Жуков, А. С. Кан, И. П. Шаскольский, М. Н. Власова, С. Л. Тихвинский, Л. В. Суни, А. И. Рупасов и И. Р. Такала.

В настоящее время ФИО насчитывает в своих рядах около 900 членов, из которых 314 составляют костяк организации, являясь ее членами-исследователями. Первым почетным членом Общества в 1917 году стал Нилс Феллман – исследователь истории и культуры Лапландии. Всего же почетными членами, внесшими огромный вклад в изучение исторического прошлого Финляндии, были избраны 13 человек¹.

Естественно, что в век информационных технологий Общество стремится не отстать от требований времени. Вместе со своими партнерами за рубежом и внутри страны оно принимает участие в создании сетевых ресурсов по истории, поиск которых возможен по электронной базе Исторического общества (www.histseura.fi), сети Агрикола ([Agricola-Suomen historiaverkko](http://Agricola-Suomenhistoriaverkko)) и некоторым другим. Они дают возможность не только следить за новой литературой, но и принимать непосредственное участие в обсуждении всего, что связано с состоянием исторической науки и исторического образования в стране.

Разносторонняя деятельность центрального объединения финских историков самым непосредственным образом связана с развитием исторической науки в Финляндии. Внутри ФИО время от времени звучат голоса о необходимости преодоления синдрома «столичного центра», о поиске организационных форм, которые подняли бы активность членов Общества и расширили его аудиторию. Эти критические самооценки лишней раз свидетельствуют о том, что в самом Обществе постоянно идет поиск решений, направленных на то, чтобы «содействовать изучению и распространению знаний по истории», как это записано в его программных документах.

* Статья подготовлена в рамках МНОЦ «Fennica» по Программе стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Подробные биографические сведения о всех почетных членах и членах-исследователях ФИО см.: [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сто замечательных финнов. Калейдоскоп биографий / Под ред. Т. Вихавайнена; Пер. И. Соломешча. Хельсинки, 2004. 814 с.
2. Суни Л. В. «Historiallinen Aikakauskirja» (к 110-летию старейшего исторического журнала Финляндии) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2013. № 3 (132). С. 12–16.
3. 100 Faces from Finland. A Biographical Kaleidoscope / Edited by Ulpu Marjomaa; Translated by Roderick Fletcher. Helsinki. 2000. 625 p.
4. 15 vuosikymmentä. Kirjallisia dokumentteja erään seuran historiasta. Toimittaneet Hirvonen M., Makkonen A., Nybondas A. Helsinki, 1981. 309 s.
5. Autio V.-M. (toim.). Suomen Historiallisen Seuran matrikkeli 1875–2007. Studia Biographica. 6. Helsinki, 2007. 242 s.
6. Biografinen nimikirja. Elämäkertoja Suomen entisiltä ja nykyisiltä ajoilta, toimittanut Suomen Historiallinen Seura. Helsinki, 1879–1899. 844 s.
7. Blomstedt K. Historiallinen Osakunta. 1864–1875 // Historiallinen Arkisto. XXXIII: 1. Helsinki, 1925. S. 1–62.
8. Kansallinen elämäkerrasto. I–V. Helsinki, 1927–1934.
9. Käsikirjoja. Suomen historiallinen bibliografia. I–IX. Helsinki, 1925–1992.
10. Rauhala K. W. Suomen keskushallinnon järjestämisestä vv. 1808–1817. I–II. Helsinki, 1910. 474 s. + 134 s.
11. Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Senaatti 1809–1909. I–II. Helsinki, 1915–1921. 381 s. + 578 s.
12. SHS: n kevätkokouksen 24.2. ja tutkijakokoukseen 31.3.2003 hyväksymät Suomen Historiallisen Seuran säännöt // Suomen Historiallinen Seura. Jäsenlehti. 2003. № 3.
13. Suomen elämäkerrasto. Helsinki, 1955. 856 s.
14. Suomen historian lähteitä. Helsinki. 1918.
15. Suomen kansallisbiografia. I–X. Helsinki, 2003–2007.
16. Todistuskappaleita Suomen historiaan. Sarjat I–VII. Helsinki, 1882–1915.
17. Tommila P. Suomen historian kirjoitus. Tutkimuksen historia. Helsinki, 1988. 331 s.
18. Tommila P., Tiitta A. (toim.). Suomen tieteen historia. Tieteen ja tutkimuksen yleinen historia 1880-luvulta lähtien. Helsinki, 2002. 700 s.
19. Tuominen U. Suomen Historiallinen Seura. 1875–1975. Helsinki, 1975. 119 s.
20. Österblad K. Yrjö-Koskinen v. 1872 valtiopäivillä // Historiallinen Aikakauskirja. 1930. № 3. S. 289–290, 293.

Suni L. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MAIN HISTORICAL SOCIETY OF FINLAND

The article is concerned with the history and main contemporary activities of the Finish Historical Society (Suomen Historiallinen Seura). The structure, periodicals, and international relations of the Finish Historical Society are described.

Key words: Finnish history, historical societies, historical periodicals

REFERENCES

1. *Sto zamechatel'nykh finnov. Kaleydoskop biografii* / Pod red. T. Vihavaynena; Per. I. Solomeshcha [One hundred remarkable Finns. A Biographical Kaleidoscope / Ed. by T. Vihavainen; Transl. by Ilja Solomeshch]. Helsinki, 2004. 814 p.
2. Suni L.V. "Historiallinen Aikakauskirja" (the 110th anniversary of the oldest Historical Journal of Finland) ["Historiallinen Aikakauskirja" (k 110-letiyu stareyshego istoricheskogo zhurnala Finlyandii)]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Obshchestvennye i humanitarnye nauki"* [Scientific Journal "Proceedings of Petrozavodsk State University". Social Sciences & Humanities]. 2013. № 3 (132). P. 12–16.
3. 100 Faces from Finland. A Biographical Kaleidoscope / Edited by Ulpu Marjomaa; Translated by Roderick Fletcher. Helsinki, 2000. 625 p.
4. 15 vuosikymmentä. Kirjallisia dokumentteja erään seuran historiasta. Toimittaneet Hirvonen M., Makkonen A., Nybondas A. Helsinki, 1981. 309 s.
5. Autio V.-M. (toim.). Suomen Historiallisen Seuran matrikkeli 1875–2007. Studia Biographica. 6. Helsinki, 2007. 242 s.
6. Biografinen nimikirja. Elämäkertoja Suomen entisiltä ja nykyisiltä ajoilta, toimittanut Suomen Historiallinen Seura. Helsinki, 1879–1899. 844 s.
7. Blomstedt K. Historiallinen Osakunta. 1864–1875 // Historiallinen Arkisto. XXXIII: 1. Helsinki, 1925. S. 1–62.
8. Kansallinen elämäkerrasto. I–V. Helsinki, 1927–1934.
9. Käsikirjoja. Suomen historiallinen bibliografia. I–IX. Helsinki, 1925–1992.
10. Rauhala K. W. Suomen keskushallinnon järjestämisestä vv. 1808–1817. I–II. Helsinki, 1910. 474 s. + 134 s.
11. Rauhala K. W. Keisarillinen Suomen Senaatti 1809–1909. I–II. Helsinki, 1915–1921. 381 s. + 578 s.
12. SHS: n kevätkokouksen 24.2. ja tutkijakokoukseen 31.3.2003 hyväksymät Suomen Historiallisen Seuran säännöt // Suomen Historiallinen Seura. Jäsenlehti. 2003. № 3.
13. Suomen elämäkerrasto. Helsinki, 1955. 856 s.
14. Suomen historian lähteitä. Helsinki. 1918.
15. Suomen kansallisbiografia. I–X. Helsinki, 2003–2007.
16. Todistuskappaleita Suomen historiaan. Sarjat I–VII. Helsinki, 1882–1915.
17. Tommila P. Suomen historian kirjoitus. Tutkimuksen historia. Helsinki, 1988. 331 s.
18. Tommila P., Tiitta A. (toim.). Suomen tieteen historia. Tieteen ja tutkimuksen yleinen historia 1880-luvulta lähtien. Helsinki, 2002. 700 s.
19. Tuominen U. Suomen Historiallinen Seura. 1875–1975. Helsinki, 1975. 119 s.
20. Österblad K. Yrjö-Koskinen v. 1872 valtiopäivillä // Historiallinen Aikakauskirja. 1930. № 3. S. 289–290, 293.

Поступила в редакцию 23.12.2013

ДМИТРИЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ БЛЫШКО

аспирант кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
dblyshko@gmail.com

ЧЕЛОВЕК ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА: КОНСТРУИРОВАНИЕ ОБРАЗА ДРУГОГО (по материалам Рунета)*

На основе анализа обсуждений советского прошлого в социальных сетях Рунета ставится вопрос о прагматике репрезентации советского человека в постсоветской коллективной памяти. На материале развернутых нарративов и обсуждений рассматривается способ конструирования этого образа. Выделяются основные темы, по которым противопоставляются советский и постсоветский человек: здоровье, образование, профессионализм, следование букве закона, альтруизм, отношение к деньгам, к другим народам, свобода. Прагматика репрезентации советского человека заключается в использовании его образа в конструировании идентичности нарратора.

Ключевые слова: советский человек, репрезентация, постсоветская идентичность

И. Калинин и К. Келли, делая обзор исследований современной российской культурной памяти, отмечают засилье в работах концепции ностальгии, указывая, что неправомерно одним термином описывать весь спектр воспоминаний о советском прошлом [4]. Попытки представить репрезентацию советского прошлого в рамках одной модели – ностальгии [1], травмы коллективной памяти [4], [5], коммерциализации [9] или меланхолии, представляются неплодотворными. Рассмотрение отдельных аспектов памяти позволит, на мой взгляд, точнее понять феномен в целом, не сводя его к самым общим клише.

В рамках конструктивистского подхода проблема соотношения исторической реальности и ее репрезентации отходит на второй план. На первое же место – вопрос взаимовлияния современности и представлений о прошлом. Интересно было бы выяснить прагматику репрезентации советского прошлого в произведениях массовой культуры и в повседневной коммуникации.

В современных исследованиях внимание уделяется таким темам воспоминаний о советском, как: изменения в потребительской сфере, исчезновение одних вещей, символов и появление других [3]. Интерес к вещам связывается с важностью осмысливаемой разницы между состояниями ребенка и взрослого. С точки зрения других авторов [5], их респонденты испытывают жалость об утрате социальных и политических характеристик советского общества (порядок, трудовая дисциплина, социальные гарантии государства и пр.). В рамках теории травмы коллективной памяти [5] прагматика воспоминаний представляется в предотвращении забвения преступлений советской власти. Исследования, направленные на выявление прагматики нарративов о советском прошлом, несмотря на разницу подходов, объединены общей установкой: современная репрезентация советского прошлого постулирует явно или

подразумевает имплицитно противопоставление советского и постсоветского. Именно результат сравнения двух эпох, который предстает как «зазор», и является операционализируемым содержанием исторического описания.

В статье рассматривается противопоставление образов советского и постсоветского человека. Человек как категория осмысления выбран потому, что многие воспоминания имеют «антропологическую» направленность: они обращены преимущественно к повседневности, к реалиям жизни «простого» человека. Образ советского человека будет рассматриваться на примере положительных его трактовок, так как позитивная трактовка данного образа преобладает над негативной в исследуемых источниках.

Репрезентация советского человека рассматривается на материале обсуждений прошлого в 27 сообществах социальных сетей Рунета (коллективных блогов и сети «ВКонтакте»), а также на материалах 9 личных блогов, затрагивающих эту тематику. Тематические сообщества выступают аккумулятором воспоминаний, спланивающих пользователей со схожим отношением к советскому прошлому и желающих артикулировать это отношение. Рассматриваются только самые крупные сообщества (от 5 тысяч до 20 тысяч участников), в названии которых содержатся такие указания на тематику группы, как: «Наша Родина – СССР»¹, «Советский Союз»², «Музей “20-й век”»³ и др. Наряду с развернутыми описаниями прошлого в статье рассматриваются и их коллективные обсуждения внутри сообществ. Тогда как создание развернутого нарратива требует от автора значительных затрат времени и сил, большинство участников общения охотнее участвуют в обсуждении чужих текстов, чем создают свои.

Описание советского человека в современных обсуждениях прошлого в социальных сетях очень близко повторяет образ, составленный

в «Моральном кодексе строителя коммунизма». Можно предположить, что это является следствием тиражирования данного образа в советских медиа, которое повлияло как на людей, живших в СССР, так и на тех, чье знакомство с советским обществом опосредовано произведениями массовой культуры. Из современного образа советского человека ушли на второй план такие черты, как преданность делу коммунизма, которую заменили более абстрактные «идеалы и высокая цель в жизни», и нетерпимость к врагам коммунизма, т. е. наиболее идеологически нагруженные пункты⁴. К моральным качествам строителя коммунизма в современных описаниях добавляются указания на физическое здоровье и высокий уровень образования, свойственные советскому человеку⁵.

Важным для рассказчиков оказывается создать положительный образ Другого – советского человека. «Другим» он может быть назван потому, что противопоставляется современному человеку по ряду параметров: здоровье, образование, профессионализм, следование букве закона, альтруизм, отношение к деньгам, к другим народам, свобода и пр. Советский человек находится на полюсе «правильного поведения», а постсоветский – на противоположном. Это совпадает с интерпретацией Ф. Р. Анкерсмитом [2] смысла ностальгии о прошлом: наиболее важным в таких текстах оказывается нежелание субъекта находиться там и тогда, где и когда он находится в настоящий момент. Можно добавить, что он не хочет еще и быть тем, кем он является сейчас. Противопоставление современного общества образу советского человека позволяет рассказчикам показать, что конкретно им не нравится в образе современного человека.

Третьим образом в нарративах о советском прошлом выступает образ самого рассказчика. Сформулировав свое отношение к современным людям и противопоставив им советского человека, авторы репрезентации прошлого выбирают одну из двух стратегий конструирования собственной идентичности в этом пространстве: 1) полное или частичное ассоциирование себя с советским человеком; 2) акцент внимания на советское как на альтернативу современному.

Под полным ассоциированием себя с советским человеком понимается ситуация, когда автор, указывая на положительные черты советского человека, говорит о том, что сам он остается советским по духу, и значит, ему свойственны те же черты. Например, О. С. инициировала в тематической группе обсуждение вопроса о том, кто еще считает себя советским человеком. Здесь важно указать на позицию О. С., считающей, что «этот опрос для всех, даже для тех, кто родился после 93 года». Из этого обсуждения видно, что советским человеком может себя считать и тот, кто не жил в СССР, а значит, основное содержа-

ние этого понятия – набор определенных человеческих черт. Под частичным ассоциированием себя с советским человеком понимается стратегия включения образа предка в собственную идентичность по примордиалистскому сценарию. В таком случае постсоветский человек, сохраняя осознание себя как современного человека, приписывает себе черты советского человека опосредованно, через факт родства с ним. Этот способ конструирования идентичности был показан, например, В. А. Касамарой и А. А. Сорокиной [5]. Они продемонстрировали на материале проведенных опросов, что современный россиянин ассоциирует себя с советским человеком, встраивая в образ современной России такие характеристики советского общества, как военная и политическая мощь, высокий производственный потенциал. Однако желание ассоциировать себя с былым величием страны совершенно не предполагает желание информантов возрождать Советский Союз. Сожаление о невозвратимой утрате прошлого сочетается обычно с ориентацией на сегодняшние интересы и желанием строить свою жизнь в соответствии с новыми условиями [7].

На материале воспоминаний, размещенных в Рунете, можно дополнить картину конструирования примордиалистской идентичности, предложенную В. А. Касамарой и А. А. Сорокиной: человек часто стремится изменить свой образ за счет исторического ресурса не столько в «политическом» ракурсе, сколько в плане моральных качеств, желании сохранить «советские» представления о добре, зле и справедливости. Неприятие современного общества подразумевает желание избавиться себя от ощущения присутствия в нем, поэтому практика регулярной репрезентации позднего социализма может подразумевать функцию эскапизма. Но сами авторы не говорят о желании максимально сократить контакты с современным обществом. Скорее, они желают исправить современное общественное представление о советском обществе, если считают его неправильным, потому что неверная репрезентация наносит вред их собственному образу.

Вторым способом использования фигуры Другого (советского человека) является поиск альтернативы современному образу жизни, не подразумевающей идентификации себя с человеком прошлого. Пользователи, как имеющие, так и не имеющие собственного опыта жизни в СССР, видят в конструируемой картине прошлого альтернативу современному обществу. Они подчеркивают, что сегодня российское общество ориентируется на западные образцы морали и поведения. Это создает ощущение ценностной гомогенности мира, определить свое место в котором для них становится невозможно. Пользователь *ex_vonnaz94* подчеркивает, что «у многих людей, не видевших совка, сложилось

ощущение, что то, что сейчас, – это единственно возможный вариант, что жить в либеральной по-мойке – это естественно и закономерно. Вопрос не в том, плох совок или нет, он другой, а значит, ДРУГОЕ возможно в принципе»⁶. В указанной цитате не говорится о том, что автор претендует на приписывание себе позитивных черт советского человека, или о том, что он предлагает воплотить советский проект в жизнь. Для него оказывается важным просто знать, что существует альтернатива современному образу жизни, что создает некую систему координат, в которой он может лучше понять свое место.

Погружение постсоветского человека в воспоминания при такой трактовке становится похожим на путешествие этнографа Нового времени в страну «благородных дикарей». Как на долю XVII века выпало определение места «дикаря» среди других народов и культур, одновременно с которым европеец определял и свое место в мире, соотнося себя с этим Другим [8], так и на долю человека постсоветского выпала необходимость поиска Другого не в иных странах, а в своем прошлом. При такой интерпретации конструирование образа советского человека перестает выглядеть как попытка уйти от реальности или желание возвысить себя за счет освоения в символической форме чужих достижений. Основной целью восприятия и изучения в таком случае становится сам субъект познания, который ищет смысл существования [8], растворяющийся не в открывшемся многообразии мировой культуры, как было в Новое время, а наоборот, теряющийся в сужающемся спектре альтернатив современности. Сравнение современного общества с советским позволяет вывести современное бытие из категории единственно возможного и естественного в категорию одного из возможных способов существования. В таком случае размышления о роли денег, например, перестают выглядеть только lamentацией об утраченной чистоте человеческих отношений. Особо подчеркивается, «что без денег никуда – это не оправдание. В советское время деньги были тоже важны, но оставалось место для настоящей дружбы, бескорыстной взаимной помощи, для любви, наконец!»⁷. Сравнение современной роли денег с ролью денег в советском прошлом позволяет респондентам увидеть самим и показать другим пользователям, что есть альтернативы современному «западному» отношению к материальному.

Обращение к Другому может рассматриваться еще и как попытка найти опору для конструирования собственной идентичности человеком, который испытывает потребность отделить себя от современного, неприятного ему общества, но при этом не соотносящего себя с объектом познания. Используя схему, предложенную М. де Серто [10] для описания этнографических текстов, можно заключить, что рассказчик, совершая

путешествие из «своего» мира в мир «чужого», сталкивается с фигурой Другого. Первоначальное противопоставление своего и чужого в этот момент изменяется: автор обнаруживает в себе положительные черты, не присущие его родному обществу, но присущие Другому. В тот же момент он осознает негативные черты своего «цивилизованного» общества как чужие, ему лично не присущие, или неприятные.

Так и постсоветский человек, проживая в современном обществе, соответствует его требованиям на уровне повседневных практик. Но, обращаясь к образу Другого (советского человека), он понимает, что их роднят общие ценности, представления о том, как должно быть устроено общество. При этом создатели текстов о прошлом далеко не всегда стремятся показать, что они и на уровне повседневных практик готовы претворять в жизнь иную модель поведения. Речь идет только о том, чтобы на уровне риторики выразить свою приверженность иной ценностной схеме. Этого достаточно для того, чтобы идентичность человека изменилась. После символического путешествия и встречи с советским благородным дикарем постсоветский человек возвращается в современность, обладая знанием о том, что можно жить иначе. И у него появляется возможность противопоставить себя современному обществу, показывая, что на уровне если не практик, то ценностей он не принадлежит этому миру, а находится между фигурами Чужого Своего (человека постсоветского) и Своего Чужого (советского человека): «Я мечтаю хотя бы на один день очутиться в старой России, в СССР... Все было легко и поверхностно, не нужно было скрывать любовь за бесконечными интригами, благим матом и изменами, все было на виду и очень просто. <...> Сейчас все по-другому, люди озлобели, одичали, стали гнаться и интересоваться только деньгами, компьютерами с Интернетом, сексом и прочими развлечениями. Где эта милая романтика? Красивые балы? <...> И почему-то всегда получается так, что, когда я смотрю фильм, будь то “Белый Бим Черное ухо” или “Бриллиантовая рука”, – я плачу, потому что вижу совершенно других людей, другое время, другие ценности. Все было по-другому. Я как будто бы на несколько часов окунаюсь в тот мир и чувствую его полностью. Но другая моя половина просто уже понимает, что сейчас такого уже нет...»⁷ (М. Ж.).

Автор данного сопоставления современности и прошлого не оговаривает вопрос о следовании «старым ценностям». Но признание их как важных позволяет ей несколько иначе строить свой собственный образ. Поэтому процедура рассказывания о периоде позднего социализма становится путем к изменению репрезентации рассказчика. Таким образом, прагматика репрезентации советского человека заключается в использовании его в конструировании идентичности нарратора.

* Статья подготовлена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Наша Родина – СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://blogs.privet.ru/community/sssr_lenin_060
- ² Советский Союз [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/sov_union
- ³ Музей «20-й век». Назад в СССР. Режим доступа: <http://20th.su/2011/10/06/zapaslivost-sovetskix-lyudej/#more-5201>
- ⁴ Наша Родина СССР. 1945–2013 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-9771_20958947?post=23499; Рожденный в СССР – ностальгия по надежде!!! [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-15862424_22226207?offset=20
- ⁵ Босоное.ру [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://bosonogoe.ru/blog/1467.html>; Вернемся на время в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-1977815_16082591; Хочу в СССР! [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vsssr.com/blogs/21>
- ⁶ Германуш. Воспоминания о совке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://germanyuch.livejournal.com/33434.html>
- ⁷ Рожденные в СССР [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vk.com/topic-9516744_24866326

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Р. Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
2. Анкерсмит Ф. Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
3. Галина М. Ностальгия в сети // Знамя. 2008. № 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/1/gal18.html>
4. Калинин И., Келли К. Советская память / память о советском // Неприкосновенный запас. 2009. № 2 (64). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1.html>
5. Касамара В. А., Сорокина А. А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 18–31.
6. Ланкаускас Г. Выжить в Бункере: неностальгическая память о социализме в Литве // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/la20-pr.html>
7. Левада Ю. А. «Человек ностальгический»: реалии и проблемы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2002. № 6 (62). С. 7–13.
8. Федин А. В. Идея «благородного дикаря» в «иезуитских реляциях» XVII в. // Диалог со временем. 2010. № 32. С. 65–93.
9. Holak S. L., Matveev A. V., Havlena W. J. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy // Journal of Business Research. 2007. № 60 (6). P. 649–655.
10. Certeau Michel de. The Writing of History / Translated by Tom Conley. Columbia University Press, 1988.

Blyshko D. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PERSON OF LATE SOCIALISM: IMAGE CONSTRUCTION (ON MATERIALS OF RUNET)

The article deals with the problem of pragmatics in representing a person of Late Socialism in the post-Soviet collective memory. The research is based on multiple narrations about the Soviet past collectively discussed on the sites of Russian-speaking social networks. The main characteristic features helping to compare images of the Soviet and the post-Soviet person are highlighted: health care, education, professionalism, law abidance, altruism, freedom, attitude toward money and other nations. The paper argues that the image of the Soviet person is used primarily as a resource material instrumental in narrator's identity construction.

Key words: Soviet person, representation, post-Soviet identity

REFERENCES

1. Abramov R. N. Time and space of nostalgia [Vremya i prostranstvo nostalgii]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Journal of Sociology]. 2012. № 4. P. 5–23.
2. Ankersmit F. R. *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and tropology. The rise and fall of metaphor] / Per. s angl. M. Kukartseva, E. Kolomoets, V. Kataeva. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2003.
3. Galina M. Nostalgia in Internet [Nostal'giya v seti]. *Znamya* [Standard]. 2008. № 1. Available at: <http://magazines.russ.ru/znamia/2008/1/gal18.html>
4. Kalinin I., Kelli K. Soviet memory / memory of the Soviet [Sovetskaya pamyat' / pamyat' o sovetskom]. *Neprikosnovennyy zapas* [Debates on Politics and Culture]. 2009. № 2 (64). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2009/2/pa1.html>
5. Kasamara V. A., Sorokina A. A. Postsoviet nostalgia in everyday discourse of Russians [Postsovetskaya nostalg'giya v povsednevnom diskurse rossiyen]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 2011. № 6. P. 18–31.
6. Lankauskas G. Survive in a bunker: not a nostalgic memory of socialism in Lithuania [Vyzhit' v Bunkere: nenostal'gicheskaya pamyat' o sotsializme v Litve]. *Neprikosnovennyy zapas* [Debates on Politics and Culture]. 2011. № 6 (80). Available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/la20-pr.html>
7. Levada Ju. A. "Nostalgic person": Realities and Challenges ["Chelovek nostalg'gicheskii": realii i problemy]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2002. № 6 (62). P. 7–13.
8. Fedin A. V. The idea of the "noble savage" in the "Jesuit relational" of XVII century [Ideya "bлагородного dikarya" v "iezuitskikh relyatsiyakh" XVII v.]. *Dialog so vremenem* [Dialog with time]. 2010. № 32. P. 65–93.
9. Holak S. L., Matveev A. V., Havlena W. J. Nostalgia in post-socialist Russia: Exploring applications to advertising strategy // Journal of Business Research. 2007. № 60 (6). P. 649–655.
10. Certeau Michel de. The Writing of History / Translated by Tom Conley. Columbia University Press, 1988.

Поступила в редакцию 04.07.2013

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО
аспирант кафедры исторического регионоведения исторического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
krivfed@yandex.ru

ПРОФЕССОРСКО-ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКАЯ КОРПОРАЦИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В 1917–1922 ГОДАХ

Рассматривается переломный период, когда проходила коренная реорганизация политической власти в России и связанные с ней преобразования в системе высшего образования. Революция 1917 года вызвала радикальные перемены в положении профессорско-преподавательского корпуса вузов. Наиболее ярко этот процесс прослеживался на примере профессорско-преподавательской корпорации Петроградского университета как одного из наиболее крупных центров российской высшей школы. Революция и условия Гражданской войны значительно ухудшили социальное и материальное положение сотрудников университета. Противостояние власти и профессорской корпорации на почве разного понимания проблем организации работы университета в новых условиях завершилось упразднением университетской автономии, которая была центром в системе ценностей профессорско-преподавательской корпорации университета. В 1922 году профессора лишились исключительного права на управление Петроградским университетом.

Ключевые слова: высшая школа, профессура, Петроград, университетская автономия

Российская революция 1917 года стала началом коренных изменений в социально-экономической, политической и культурной жизни России. Петроградский университет напрямую испытал на себе все изменения революционной эпохи. Целью исследования является реконструкция развития профессорско-преподавательской корпорации университета в 1917–1922 годы. Источниковой базой послужили фонды Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук, отдела рукописей Российской национальной библиотеки.

Современная историографическая ситуация характеризуется отсутствием комплексных исследований, посвященных изучению положения ученых Петроградского университета в период Гражданской войны. Данная тема частично рассматривается в ряде общих очерков [1] по истории университета, а также в исследованиях, посвященных развитию высшей школы Петрограда [5] рассматриваемого периода. Кроме того, положение вузовской профессуры является одним из сюжетов в целом ряде статей, посвященных взаимоотношениям интеллигенции и власти [3].

Февральская революция 1917 года абсолютным большинством профессоров и приват-доцентов была воспринята с подъемом¹. Профессура Петроградского университета с энтузиазмом поддержала первые инициативы нового правительства, связанные с демократизацией системы высшего образования. Представители университета не раз участвовали в совещаниях, посвященных этой проблеме². Однако ощутимых результатов в данном направлении не

было достигнуто. Кроме того, в период обсуждения реформы в очередной раз обострились противоречия между профессурой и студенчеством университета в связи с требованием студентов разрешить им активно участвовать в делах вуза [7; 41]. Эту же цель преследовали и младшие преподаватели, ранее полностью подчиненные профессуре³. Большая часть профессуры, приват-доцентов и студенчества осудили насильственный захват власти большевиками в октябре 1917 года⁴. Петроградский университет присоединился к бойкоту советской власти, который длился до весны 1918 года⁵.

Значительный удар по положению профессуры университета был нанесен декретом Совета народных комиссаров (СНК) от 1 октября 1918 года⁶. Входящий в состав Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса) историк М. Н. Покровский, который являлся одним из соавторов этого документа, считал, что необходимо «изменить профессорский состав, разбив его кастовый характер и деление на привилегированные группы»⁷. Вместо всех упраздняемых данным декретом ученых званий вводились лишь два: профессор и преподаватель. Приват-доценты, которые имели это звание не менее 3 лет, автоматически становились профессорами⁸. После этих изменений в профессорскую корпорацию университета влились многие молодые преподаватели, что увеличило число сторонников советской власти.

После революции 1917 года значительно ухудшились бытовые условия профессоров. Постоянно росли квартплата и стоимость дров для отопления⁹. В то же время резко ухудшилось

продовольственное положение. Профессора находились во второй категории по распределению продуктов питания, что предполагало наличие у них меньшего пайка, чем у рабочих и детей, снабжавшихся по первой категории. Например, по карточкам первой категории на день выдавалось 1,75 фунта (800 г) картошки, а по второй – 1,5 (680 г) [1; 378]. К концу 1918 года ситуация изменилась. Власть приняла декрет о мерах к улучшению положения ученых. Профессора и преподаватели университета были переведены в первую категорию по распределению продуктов, а их жилищам была гарантирована неприкосновенность¹⁰. Несоблюдение декрета об улучшении положения ученых проявлялось в периодических попытках местных властей реквизируют квартиры профессоров. В сентябре 1919 года из своей квартиры на Петроградской стороне местным комитетом бедноты мог быть выселен профессор университета, историк С. Ф. Платонов. Ситуацию спасло лишь личное вмешательство руководителя Наркомпроса в Петрограде З. Г. Гринберга¹¹.

Голод, который свирепствовал в Петрограде в годы Гражданской войны, значительно отразился на численности профессорско-преподавательского состава университета. В. А. Крачковская, жена известного востоковеда, профессора университета И. Ю. Крачковского, вспоминала впоследствии, что голод во время Гражданской войны довел ее мужа до той же степени физического истощения, как и во время блокады Ленинграда в 1942 году¹². В начале зимы 1919 года за 3 недели университет потерял 7 профессоров и преподавателей¹³. Известный в будущем социолог П. А. Сорокин назвал 1918–1920-е годы самыми ужасными для профессуры и преподавателей университета: «...профессура буквально умирала от голода и холода»¹⁴. С 1918 по 1921 год Петроградский университет потерял скончавшимися не менее 42 своих сотрудников. 54 % из них были профессорами¹⁵.

В столь тяжелых условиях на помощь профессуре университета пришла корпоративная этика. В октябре 1919 года был создан фонд взаимопомощи профессоров и преподавателей университета. Взносы, которые делали члены фонда, хранились на сберегательной книжке профессора С. П. Глазенапа, возглавлявшего фонд и занимавшегося всей его финансовой отчетностью¹⁶. Период с 1917 по 1922 год был отмечен значительными колебаниями в численности профессорско-преподавательского состава университета. Эти изменения были связаны прежде всего с высоким уровнем смертности в голодающем Петрограде, переездом целого ряда сотрудников университета во вновь открывающиеся учебные заведения, эмиграцией. В 1916 году численность профессорско-преподавательского состава университета составляла 362 человека,

а в начале 1922 года – 428. Однако лишь 38 % из них работали в университете с 1917 года¹⁷.

До 1922 года старая профессура Петроградского университета, отстаивая принципы автономии высшей школы, по-прежнему руководила вузом. При этом необходимо заметить, что консервативность профессоров дореволюционной закалки в вопросе реформирования высшего образования часто сосуществовала с демократическими настроениями. В частности, на рабочем факультете, созданном при университете в 1919 году, преподавали профессора Л. В. Щерба, Н. А. Буш, А. А. Ухтомский [4; 170].

Советская власть, остро нуждаясь в специалистах, перешла в 1921 году в решительное наступление на высшую школу. Новый университетский устав ликвидировал ее автономию. Управление вузами переходило от Совета профессоров к Правлению, в состав которого входили не только профессора, но и представители местной власти, политических объединений, профсоюзов и других организаций¹⁸.

Профессура Петроградского университета, следуя примеру своих коллег из Москвы, где профессора Московского университета устроили забастовку против введения нового устава, встретила протестом предложенный Главным управлением профессионального образования (Главпрофобром) новый состав Правления¹⁹. Переговоры делегатов университета с представителями Главпрофобра достигли лишь частичного компромисса: вузу было разрешено представить своих кандидатов в Правление, однако в Москве подчеркнули, что пользующийся значительным авторитетом в университете профессор В. М. Шимкевич не будет утвержден в должности ректора²⁰. В апреле 1922 года Наркомпрос занял более жесткую позицию по вопросу о введении нового устава. Под большим давлением ректором Петроградского университета был избран симпатизировавший властям Н. С. Державин, а в состав Правления вошел ряд большевиков²¹. Осенью 1922 года из страны, в ходе кампании по выдворению интеллигенции, оппозиционной власти, были высланы профессора Л. П. Карсавин, Б. Н. Одинцов, П. А. Сорокин, которые занимали наиболее принципиальные позиции по поводу сохранения автономии университета [6; 257].

После революции профессура пыталась сохранить свое неограниченное влияние на внутриуниверситетские дела, но в 1922 году была упразднена университетская автономия, которая была одной из доминант в системе ценностей профессорской корпорации университета. Профессора лишились исключительного права на управление университетом. Все это привело к тому, что в 1922 году дореволюционная профессорско-преподавательская корпорация Петроградского университета перестала существовать.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 30 об.
- ² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 27. Д. 83. Л. 9.
- ³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 79.
- ⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 111 об.
- ⁵ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 2.
- ⁶ О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР // Сб. декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 72.
- ⁷ ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. Д. 1. Л. 36–37.
- ⁸ О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных ученых и высших учебных заведений РСФСР // Сб. декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 73.
- ⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 61. Л. 1.
- ¹⁰ Декрет о мерах к улучшению положения ученых // Северная коммуна. 1918. 27 октября. С. 1.
- ¹¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585. Оп. 1. Ед. хр. 1147. Л. 2.
- ¹² Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПФ АРАН). Ф. 1026. Оп. 7. Д. 27. Л. 69.
- ¹³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 116. Л. 65.
- ¹⁴ С о р о к и н П. А. Современное состояние России. Прага: [б. и.], 1923. С. 77.
- ¹⁵ Скорбная летопись // Русский исторический журнал. 1921. Кн. 7. С. 229.
- ¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 283. Оп. 2. Ед. хр. 54.
- ¹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 149. Л. 12–23.
- ¹⁸ Положение о высших учебных заведениях // Профессионально-техническое образование в России за 1917–1921 гг.: Юбилейный сборник / Под ред. О. Г. Аникст. М.: Гос. изд-во, 1922. С. 66.
- ¹⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 211.
- ²⁰ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 16. Л. 226.
- ²¹ ЦГА СПб. Ф. 2556. Оп. 1. Д. 319. Л. 8.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Ленинградского университета: Очерки / Под ред. В. В. Мавродина. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969. 663 с.
2. История социалистической экономики СССР: В 7 т. Т. 1: Советская экономика в 1917–1920 гг. / Под ред. В. А. Виноградова и др. М.: Наука, 1976. 448 с.
3. К а з а н и н И. Е. Власть и научно-педагогическая интеллигенция в России (1918–1922) // Вестник ВолГУ. Сер. 4. 2003. Вып. 8. С. 20–32.
4. К р и в о н о з х е н к о А. Ф. Деятельность рабочего факультета Петроградского университета в 1919–1922 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2012. Вып. 4. С. 166–171.
5. К у п а й г о р о д с к а я А. П. Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти. Л.: Наука, 1984. 197 с.
6. Ш и л о в А. В. Из истории Петроградского университета: судьба ученых в послеоктябрьский период // Петербургские чтения-97. СПб., 1997. С. 254–257.
7. К о н е ч н ы P. Builder and Deserters: Students, State and Community in Leningrad. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. 358 p.

Krivosozhenko A. F., Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation)

PROFESSORIAL CORPORATION OF PETROGRAD UNIVERSITY IN 1917–1922

The article is concerned with the critical period of radical reorganization in Russian political power and related transformations in the system of higher education. The Revolution of 1917 sparked off dramatic changes in the standing of the university professorial staff. Most vividly, this process can be observed on the example of one professorial corporation belonging to Petrograd University. The university professorial corporation was considered one of the largest educational centres in Russia. The Revolution and subsequent Civil war considerably impaired both social and financial position of the university staff. Perpetual confrontation between the new reign and professorial staff led to annihilation of the university's autonomy, which was one of the central values of the mentioned professorial corporation. The confrontation was based on different understanding of university management. As a result, in 1922 the university professorial staff was deprived of its exclusive right to manage Petrograd University.

Key words: higher school, professorate, Petrograd, university autonomy

REFERENCES

1. *Istoriya Leningradskogo universiteta: Ocherki* [History of the Leningrad university: Sketches]. Leningrad, LGU Publ., 1969. 663 p.
2. *Istoriya sotsialisticheskoy ekonomiki SSSR: V 7 t. T. 1: Sovetskaya ekonomika v 1917–1920 gg.* [History of socialist economy of the USSR: In 7 vol. Vol. 1: The Soviet economy in 1917–1920]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 448 p.
3. Kazanin I. E. The power and the scientific and pedagogical intellectuals in Russia (1918–1922) [Vlast' i nauchno-pedagogicheskaya intelligentsiya v Rossii (1918–1922)]. *Vestnik VolGU* [Journal of Volgograd State University]. Ser. 4. 2003. Is. 8. P. 20–32.
4. Krivosozhenko A. F. Working Faculty of Petrograd University in 1919–1922 [Deyatel'nost' rabocheho fakul'teta Petrogradskogo universiteta v 1919–1922 gg.]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik St. Petersburg University]. Ser. 2. 2012. Is. 4. P. 166–171.
5. Kupaygorodskaya A. P. *Vysshaya shkola Leningrada v pervye gody Sovetskoy vlasti* [The higher school of Leningrad in the first years of the Soviet power]. Leningrad, Nauka Publ., 1984. 197 p.
6. Shilov A. V. From the history of Petrograd university: destiny of scientists during the postoctober period [Iz istorii Petrogradskogo universiteta: sud'ba uchenykh v posleoktyabr'skiy period]. *Peterburgskie chteniya-97* [Petersburg readings-97]. St. Petersburg, 1997. P. 254–257.
7. Konetsny P. Builder and Deserters: Students, State, and Community in Leningrad. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1999. 358 p.

Поступила в редакцию 21.11.2013

МАРИНА ВИКТОРОВНА ИВАНИЩЕВАсоискатель отдела палеолита, Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
*marin-ivanishhev@yandex.ru***НОВЫЕ ДАННЫЕ О КЕРАМИКЕ КАРГОПОЛЬСКОГО ТИПА В ЮЖНОМ ПРИОНЕЖЬЕ**

В настоящее время о происхождении и датировке керамики каргопольского типа нет однозначного мнения. Одни исследователи считают ее самостоятельным типом раннеолитической керамики, другие видят в ней разновидность ямочно-гребенчатой керамики развитого неолита. Анализируются новые материалы с неолитического поселения Сойдозеро-1, исследованного в 2007 году в Вытегорском районе Вологодской области. В результате типологического анализа керамической коллекции, включающей керамику ямочно-гребенчатую, каргопольского типа, гребенчато-накольчатую, гребенчатую и сперрингс, восстанавливается последовательность в заселении исследованного участка. Анализ состава формовочных масс керамики указывает на различия в технологии изготовления ямочно-гребенчатой керамики и керамики каргопольского типа. Отмечается взаимодействие различных в культурном отношении групп населения, изготавливавших гребенчатую керамику и керамику каргопольского типа, что привело к появлению гибридных сосудов. На основании анализа керамической коллекции и планиграфических наблюдений делается вывод о раннеолитическом возрасте керамики каргопольского типа на поселении Сойдозеро в Южном Прионежье.

Ключевые слова: Южное Прионежье, Сойдозеро, керамика каргопольского типа, ранний неолит

Территория Южного Прионежья в границах современного Вытегорского района Вологодской области, площадь которого 13,5 тыс. квадратных километров, занимает промежуточное положение между Восточным Прионежьем, Юго-Восточной Карелией, Каргопольем Архангельской области и непосредственно примыкает к южному и юго-восточному берегам Онежского озера. Изучение неолитических памятников началось здесь с открытия в 1871 году И. С. Поляковым стоянки древних людей на берегу озера Тудозеро и было продолжено А. Я. Брюсовым, Г. А. Панкрусевым, Ю. А. Саватеевым [3; 11–14].

В 2007 году Вытегорским отрядом Северо-русской археологической экспедиции под руководством А. М. Иванищева были проведены разведочные работы на озере Сойдозеро, на северо-востоке района. Было обнаружено поселение эпохи неолита Сойдозеро-1. При исследовании памятника разведочным шурфом 16 квадратных метров впервые в Южном Прионежье была обнаружена керамика каргопольского типа, что и послужило основанием вновь вернуться к вопросу о месте этого типа керамики среди неолитических древностей Севера.

К керамике каргопольского типа принято относить посуду, обладающую своеобразным набором признаков. Ее отличают тонкостенность, небольшие размеры, тщательное заглаживание или лощение поверхности, хороший обжиг, своеобразная орнаментация. Последняя состоит из ряда сквозных проколов или глубоких ямок под венчиком. Торцы венчиков украшены насечками или гребенчатым штампом по одному или обоим краям. Историография вопроса рассмотрена

Н. В. Лобановой, ею же составлена карта ареала распространения керамики данного типа и концентрации памятников с этой керамикой [12; рис. 1]. Впервые на данную керамику обратила внимание М. Е. Фосс на поселениях в бассейне реки Онеги, отнеся время ее бытования к эпохе железного века. На ранний характер упомянутой керамики в рамках неолита указывал А. Я. Брюсов, выделив ее в отдельный тип на стоянке Караваевской. Он же первым дал описание этого своеобразного типа керамики, отметив наличие плоских днщ и определив ее назначение как столовой посуды [1; 102–103].

По данным исследователей, ареал распространения данного типа керамики охватывает на западе побережье Онежского озера и Юго-Восточное Прибеломорье, на севере – реку Юлу, на юге – озера Лача и Воже, на востоке – реку Вычегду [12; 93]. Каргопольская керамика обнаружена на поселениях водораздельных озер в бассейнах Пинеги, Вычегды и Печоры [7; 168]; в левобережье Ваги на Пуйском озере; на побережье Белого моря (Яреньга) и на памятниках Городецкого озера в низовьях Печоры¹; в Восточном Прионежье в материалах стоянки Андозеро-2², южнее озера Белого.

Датировка и генезис каргопольской керамики решается исследователями неоднозначно. На памятниках Европейского Северо-Востока (далее – ЕСВ) каргопольскую керамику исследователи выделяют как самостоятельный тип неолитической посуды [2; 11]. Каргопольскую керамику ЕСВ отличает значительная степень орнаментации гребенчатым штампом. Узоры вертикального зигзага, наклонных рядов и длин-

Распределение керамики по типам на поселении Сойдозеро-1

Керамика	ЯГК	Сперрингс	Гребенчато-накольчатая	Гребенчатая	Каргопольская (с лощением / без лощения)	Без орнамента	Всего
Количество фрагментов	71	3	5	12	52 / 4	11	158
Количество сосудов	12	2 + мисочка	1 (2?)	5 (6?)	10 + 1 гибридный / 2	4	38 (40)
В %	32	5	5	13	29 / 5	11	100

ных оттисков зубчатого штампа в виде пунктира сопоставимы с гребенчатой керамикой второго и третьего этапов верхневожжской культуры. На основании этого каргопольская керамика относится к последней трети V – первой половине IV тыс. до н. э. [7; 169]. В составе примеси к тесту в сосудах каргопольского типа в этом регионе, наряду с дресвой, отмечается наличие включений шамота и органики [7; 168–169].

Карельские исследователи связывают зарождение каргопольской керамики с носителями ямочно-гребенчатой керамики (далее – ЯГК) [12; 94] и относят время бытования каргопольской керамики в Карелии к развитому этапу этих древностей [11; 209] или объясняют ее проникновение в Карелию контактами с каргопольской культурой Восточного Прионежья [8; 124–125].

Поселение Сойдозеро-1 было обнаружено на мысу в истоке реки Сойды из озера на ее левом берегу. Его размеры – 40 x 100 м, площадь – около 0,4 га. По характеру культурного слоя и выявленных объектов поселение принадлежит к памятникам многократного заселения. Культурный слой в виде рыже-желтого песка мощностью 0,4–0,7 м вмещает остатки стоянок и поселений эпохи неолита. В культурном слое обнаружены орудия из кремня, сланца и лиддита: скребки, пластины и их сечения, ножи, пилки, точильные бруски, наконечники, резцы, нуклеусы; поделки из глины – всего 84 предмета. Конструкции в основании рыже-желтого песка представлены массивным и четырьмя небольшими очагами.

На Сойдозере каргопольская керамика встречается совместно с ямочно-гребенчатой, сперрингс, гребенчато-накольчатой и гребенчатой керамикой и выделена типологически (см. таблицу). В шурфе обнаружены фрагменты не менее чем от 12 сосудов, обладающих признаками керамики каргопольского типа. В их числе – фрагменты двух небольших сосудов с диаметром венчика 12 см, орнаментированные в верхней части сдвоенными глубокими ямчатыми наколами, в ряде случаев сквозными. Поверхность сосудов тщательно заглажена. Один из сосудов имеет орнамент по торцу венчика мелкими ямками (рис. 1:1), другой изготовлен из теста с примесью песка и органики (рис. 1:2). Аналогичное украшение венчика и такой же рецепт формовочной массы зафиксирован у сосудов с ямочной орнаментацией выявленного комплекса ЯГК,

сопоставимой с ранним этапом древностей этого типа в Карелии и Восточном Прионежье [5; 61–62].

Вторую группу составляют фрагменты венчиков и стенок с лощением от 10 сосудов, орнаментированных в бордюрной зоне рядом сквозных проколов и насечками по краям торцов венчиков (рис. 1:4–14). Один фрагмент венчика с лощением не имел орнамента (рис. 1:12). Часть черепков имела окрас охрой. Толщина стенок 0,4–0,5 см. Часть из них, по-видимому, принадлежала пряموстенным сосудам (рис. 1:4–8), другая – небольшим чашевидным сосудам (рис. 1:9–12) и сосуду-мисочке (рис. 1:13). Один фрагмент, скорее всего, являлся частью плоского дна (рис. 1:14). В составе формовочной массы зафиксирована средняя и крупная дресва в небольшой концентрации. При сравнении формовочных масс керамики каргопольского типа с лощеной поверхностью и ямочно-гребенчатой с поселения Сойдозеро-1 Ю. Б. Цетлин указал, что для изготовления этих типов керамики использовались различные залежи глин.

В нашем случае обращает на себя внимание некоторое отличие между группами керамики, объединяемой в тип каргопольской. Сосуды со сдвоенным наколом не имеют лощения, близки по форме к сосудам с орнаментацией средних

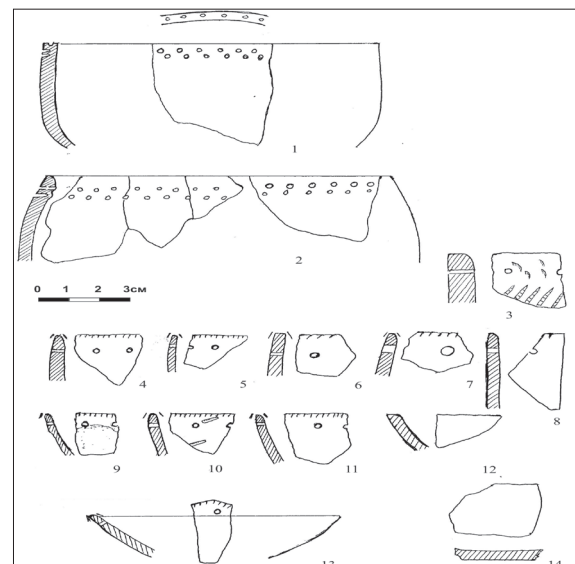

Рис. 1. Керамика каргопольского типа поселения Сойдозеро-1

размеров ямками (диаметром до 0,3 см) в верхней части, как правило, также тонкостенных. Возможно, что эта группа является своеобразным переходным типом от малоорнаментированной керамики к орнаментации с большим участием ямок. Группа керамики с лощением представляется довольно ранней. В Волго-Окском междуречье на стоянках Окаево 18 и Окаево 5 тычково-накольчатая посуда первого этапа верхневолжской археологической культуры (далее – АК) представлена пряموстенными сосудами с подлощенной поверхностью и приплюснутым дном с поясками каплевидных наколов по зоне венчика и с насечками на его торце [14; 14; рис. 3:4]. На ранний характер керамики каргопольского типа на Сойдозере указывает ее стратиграфическое положение. В рыже-желтом слое она обнаружена во всех горизонтах выборки и не имеет планиграфической привязки к выявленным объектам. Это позволяет предположить, что культурный слой поселения с керамикой каргопольского типа был нарушен устройством очагов, часть из которых связана с более поздним поселением с ЯГК.

Мы считаем, что для датировки каргопольской керамики на Сойдозере важно наличие гибридного сосуда. Это небольшой фрагмент венчика, орнаментированный рядами гребенчатого штампа и тычковыми вдавлениями инструмента с гладким округлым завершением. С керамикой каргопольского типа его объединяют наличие сквозного прокола под венчиком, подлощенная поверхность (рис. 1:3).

На Сойдозере среди неолитической керамики обнаружена группа керамики с гребенчатой орнаментацией. Она включает фрагменты не менее чем от 5 (6) сосудов (см. таблицу), в числе которых венчики, стенки и придонная часть плоскодонного сосуда (рис. 2). Тесто большинства черепков плотное, имеет примесь дресвы, в одном случае – органики (рис. 2:4). Сосуды с гребенчатой орнаментацией имеют толщину стенок 0,5–0,6 см, на поверхности некоторых черепков зафиксирован окрас охрой. Венчики прямые, одной толщины со стенками или утоньшены кверху. Орнамент выполнен короткими отпечатками тонкой и широкой гребенки, неглубокими ямчатыми наколами, насечками. Торцы некоторых венчиков украшены насечками или отпечатками гребенчатого штампа. На одном сосуде под венчиком нанесен поясск сквозных проколов (рис. 2:3). Данная группа керамики сопоставима с раннеолитической керамикой типа Тудозеро-V в Южном Прионежье, орнаментированной гребенчатыми штампами и естественными орнаментами, время бытования которой определяется концом VI–V тыс. до н. э. [4]. Нужно отметить, что плоскодонных сосудов с гребенчатым орнаментом на Тудозере не выявлено. Для датировки гребенчатой сойдозерской керамики уместно привести более широкие

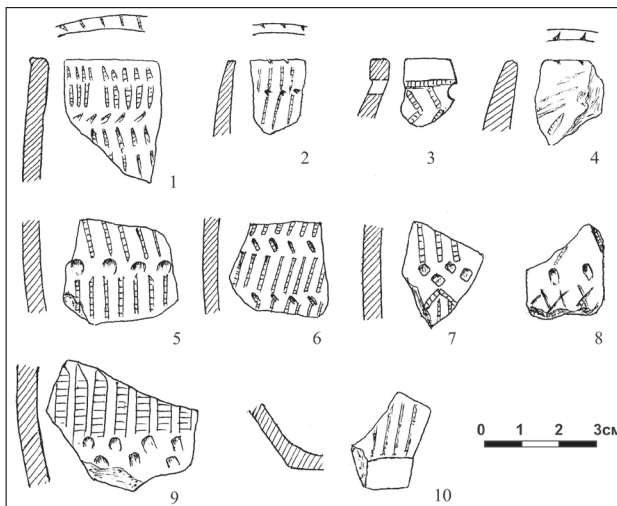

Рис. 2. Гребенчатая керамика поселения Сойдозеро-1

анalogии. По замечанию Е. Л. Костылевой, на втором этапе верхневолжской культуры при развитии короткой гребенчатой орнаментации практически исчезают плоскодонные сосуды [10; 56]. Рубеж первого и второго этапов верхневолжской АК относят к середине V тыс. до н. э. [14; 18]. По-видимому, близким к этому времени следует датировать данную группу керамики и гибридный каргопольский сосуд. На Сойдозере-1 стратиграфическое положение указанной керамики, так же как и каргопольской, не связывается с какими-либо объектами, фрагменты этой посуды найдены во всех пластах выборки.

На основе анализа керамики можно предположить, что в эпоху неолита мыс на Сойдозере был первоначально освоен в раннеолитическое время носителями различных культурных традиций. Взаимодействие носителей гребенчатой керамики с населением, изготавливавшим керамику каргопольского типа, отражает наличие гибридного сосуда. Важным является, что на основе этого подтверждается раннеолитический возраст керамики каргопольского типа и факт ее самостоятельного существования в Южном Прионежье.

В Восточном Прионежье на стоянках, где обнаружена керамика каргопольского типа, в составе коллекций присутствует и гребенчатая керамика, сопоставимая с раннеолитической. Это справедливо для стоянки Караваевской, исследованной А. Я. Брюсовым³ [1; 114–135; табл. 8–12] и для стоянки Андозеро-2, исследованной С. В. Ошибкиной [13; 42–47]. Доказательством являются находки, сделанные Н. В. Косоруковой в Восточном Прионежье при раскопках торфяниковой стоянки Караваиха-4 на реке Еломе (бассейн озера Воже). Фрагмент невысокого сосуда-мисочки с пояском неправильных ямок – наколов под венчиком и насечками по его торцу, с примесью дресвы и органики в тесте обнаружен в слое сапропеля выше основного

комплекса находок, в том числе и гребенчатой керамики, украшенной оттисками длинного и короткого гребенчатого штампа и естественных орнаментов. Стоянка связана с устройством рыболовных сооружений в ранненеолитическое время. По деревянным деталям сооружений получены радиоуглеродные даты в интервале от 7030–6670 и 6030 ВР (в некалиброванных значениях). Возможно, последняя соотносится с фрагментом сосуда, близкого к каргопольскому типу керамики [9; 46].

По формальным признакам керамика каргопольского типа Южного Прионежья близка к накольчатой керамике раннего неолита лесной зоны, в составе которой исследователи выделяют неорнаментированную керамику, имеющую лишь ряд ямок под венчиком, в том числе сквозных. Ее происхождение связывают с лесостепными и степными культурами Среднего и Нижнего Поволжья. Фиксируются неоднократные волны проникновения этого населения в лесные районы [15]. На сопредельной с Юго-Восточным Прионежьем территории подобная керамика обнаружена в бассейне Сухоны, где ее существование определяется в рамках 7000–6000 ВР (в некалиброванных значениях). На поселении Векса на верхней Сухоне в ранненеолитическом слое, датированном 6950–6650, наряду с тычково-накольчатой керамикой, изготовленной из илоподобного сырья, есть сосуды с примесью дресвы с малой степенью орнаментации, со сквозными проколами под венчиком и без орнамента. На поселении Березовая Слободка

на нижней Сухоне неорнаментированная плоскодонная тонкостенная керамика с подлощенной поверхностью и примесью шамота в тесте имеет дату 6200 (по керамике) [16]. Что касается керамики каргопольского типа Южного и Восточного Прионежья, то можно предположить тот же юго-восточный вектор заимствования, механизм которого должен уточняться. Вероятно распространение этого импульса с территории, занятой населением верхневолжской АК. Можно полагать, что в Восточном и Южном Прионежье, как и на сопредельных территориях, древнейшая керамика была представлена гребенчатой и накольчатой традициями.

В Восточном Прионежье группы населения, изготавливавшие гребенчатую керамику, появляются в конце VI тыс. до н. э. согласно приведенным ранее радиоуглеродным определениям стоянки Караваиха-4. В Южном Прионежье это население оставило группу памятников с керамикой типа Тудозеро-V. Керамика каргопольского типа на этих территориях появляется, по видимому, не позднее середины V тыс. до н. э. и бытует достаточно длительное время. Контакты между разнотипными группами населения в рамках раннего неолита отражают появление гибридных сосудов как в Южном Прионежье на Сойдозере, так и в бассейне Сухоны на поселении Березовая Слободка [6; 280].

Автор выражает благодарность А. Г. Едовину за предоставленную информацию и Ю. Б. Цетлину, выполнившему определение части коллекции с поселения Сойдозера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Устное сообщение А. Г. Едовина.

² Фонды Музея археологии Череповецкого музейного объединения. Коллекция керамики и каменного инвентаря. Стоянка Андозеро-2. Раскопки С. В. Ошибкиной. 1971, 1974, 1975 годы. Без номера.

³ Фонды музея археологии Череповецкого музейного объединения. Караваиха. Шурф. 1940. Р-1431, № 1359, 393, 609, 423, 459, 486, 427 и др.; Караваиха, 1952. Р-2457, № 639, 354, 383, 421, 427 и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Брюсов А. Я. Караваевская стоянка // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, 1961. С. 72–162.
- Волокитин А. В., Карманов В. Н. Ранний неолит Европейского Северо-Востока // Российская археология. 2004. № 2. С. 5–14.
- Иванищев А. М. Древности Вытегории // Краеведческий альманах «Вытегра». Вып. 1. Вологда: Русь, 1997. С. 11–42.
- Иванищева М. В., Иванищев А. М. Хронология памятников раннего неолита Южного Прионежья // Проблемы хронологии и культурных взаимодействий в неолите Евразии. СПб.: Ин-т истории материальной культуры РАН, 2004. С. 61–69.
- Иванищева М. В., Иванищев А. М. Неолитическая керамика поселения Сойдозеро-1 в Южном Прионежье // Археология Севера. Вып. 3. Череповец: Изд-во Череповецкого музейного объединения, 2010. С. 58–73.
- Иванищева М. В. Комплексы с тычково-накольчатой керамикой в нижнем Посухонье // Известия Самарского научного центра РАН. Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2009. Т. 11. № 6 (32). С. 277–281.
- Косинская Л. Л. Керамика каргопольского (пинезжско-вычегодского) типа // Археология Республики КОМИ. М.: ДиК, 1997. С. 168–169.
- Косменко М. Г. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск: РИО КарНЦ РАН, 1992. 222 с.
- Косорукова Н. В. Переход от мезолита к неолиту в бассейне озера Воже (новые материалы) // Русская культура нового столетия: проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда: Книжное наследие, 2007. С. 41–52.
- Костылева Е. Л. Ранненеолитическая керамика Верхнего Поволжья // Тверской археологический сборник. Вып. 1. Тверь: Тверской объединенный музей, 1994. С. 53–57.
- Лобанова Н. В. Карельская культура ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита (некоторые итоги изучения) // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь: Тверской объединенный музей, 1996. С. 198–211.
- Лобанова Н. В. Каргопольская керамика на поселениях Карелии // Археология Севера. Вып. 1. Петрозаводск: Riso-Press, 1997. С. 85–95.
- Ошибкина С. В. Неолит Восточного Прионежья. М.: Наука, 1978. 227 с.

14. Энговатова А. В., Жилин М. Г., Спиридонова Е. А. Хронология верхневолжской раннеолитической культуры // Российская археология. 1998. № 2. С. 11–21.
15. Vybornov A., Zaretskaya N., Ivanishcheva M., Karmanov V., Kostylyova E., Lytschagina E., Nedomolkina N., Oinonen M., Possnert G. Chronological problems of Neolithization in the East European forest-steppe (from Cis-Urals to the Upper Volga River basin) // The 7th international symposium “Radiocarbon and Archaeology”, 8–13 April 2013. Gent, Belgium. Book of abstracts. Gent: Gent universiteit, 2013. P. 46–48.
16. Ivanishcheva M. V., Nedomolkina N. G. The Early Neolithic of the eastern Lake Onega region and the Sukhona River basin (northwestern Russian Plain) // The 7th international symposium “Radiocarbon and Archaeology”, 8–13 April 2013. Gent, Belgium. Book of abstracts. Gent: Gent universiteit, 2013. P. 48–49.

Ivanishcheva M. V., Institute of History of Material Culture of RAS (St. Petersburg, Russian Federation)

NEW DATA ON KARGOPOLSKAYA CERAMICS IN SOUTH PRIONEZH'E

At present, there is no unanimous understanding on the origin of the so-called Kargopol type of pottery. Some researchers see it as an independent type of The Early Neolithic pottery, others are prone to think that this is a variety of pit-comb pottery dating back to The Middle Neolithic period. The article analyses some new data based on the investigations of 2007 on Neolithic settlement of Soydozero-1 located in Vytegra District of Vologda Region. According to the typological analysis of ceramic collections, which included pit-comb, Kargopol type, comb-pickings, comb, and ceramics, the sequence of land settlement was reconstructed. Analysis of the molding compounds indicates differences in technologies for both pit-comb and Kargopol type of ceramics. Interactions among culturally different groups of people manufacturing comb ceramics and Kargopol type ceramics were noted by the author. This interaction led to appearance of hybrid types of vessels. Based on the analysis of ceramic collections and planigraphic observations the author makes a conclusion about The Early Neolithic Age of Kargopol ceramics found in Soydozero-1 settlement (Southern Onega Lake Environs).

Key words: Southern Onega region, Soydozero, Kargopol type ceramics, Early Neolithic

REFERENCES

1. Bryusov A. Ya. Karavaevskaya site [Karavaevskaya stoyanka]. *Sbornik po arkheologii Vologodskoy oblasti* [Collection on archeology of the Vologda region]. Vologda, 1961. P. 72–162.
2. Volokitin A. V., Karmanov V. N. Early Neolithic of European Northeast [Ranniy neolit Evropeyskogo Severo-Vostoka]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2004. № 2. P. 5–14.
3. Ivanishchev A. M. Antiquities Vytegorii [Drevnosti Vytegorii]. *Kraevedcheskiy al'manakh "Vytegra"* [Local History Almanac "Vitegra"]. Is. 1. Vologda, Rus' Publ., 1997. P. 11–42.
4. Ivanishcheva M. V., Ivanishchev A. M. Chronology of early Neolithic monuments in Southern Prionezh'e [Khronologiya pamyatnikov rannego neolita Yuzhnogo Prionezh'ya]. *Problemy khronologii i kul'turnykh vzaimodeystviy v neolite Evrazii* [Problems of chronology and cultural interaction in the Neolithic of Eurasia]. St. Petersburg, Institut istorii material'noy kul'tury RAN Publ., 2004. P. 61–69.
5. Ivanishcheva M. V., Ivanishchev A. M. Pottery of Neolithic settlement Soydozero-1 in Southern Prionezh'e [Neoliticheskaya keramika poseleniya Soydozero-1 v Yuzhnom Prionezh'e]. *Arkheologiya Severa* [Archaeology of the North]. Is. 3. Cherepovets, Cherepovetskoe muzeynoe ob'edinenie Publ., 2010. P. 58–73.
6. Ivanishcheva M. V. Complexes with the poked-pricked ceramics in the Lower Sukhona River [Kompleksy s tychkovonakol'chatoy keramikoy v Nizhnem Posukhon'e]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN* [Proceedings of the Samara Scientific Center]. Samara, Samarskiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2009. Vol. 11. № 6 (32). P. 277–281.
7. Kosinskaya L. L. Ceramics Kargopol (Pinega-Vychehda) type [Keramika kargopol'skogo (pinezhsko-vychehgodskogo) tipa]. *Arkheologiya respubliki KOMI* [Archaeology of the Komi Republic]. Moscow, DiK Publ., 1997. P. 168–169.
8. Kosmenko M. G. *Mnogosloynnye poseleniya Yuzhnoy Karelii* [Multilayer settlements of South Karelia]. Petrozavodsk, RIO KarNTS RAN Publ., 1992. 222 p.
9. Kosorukova N. V. Transition from the Mesolithic to the Neolithic in the Lake Vozha (new materials) [Perekhod ot mezolitika k neolitu v bassejne ozera Vozhe (novye materialy)]. *Russkaya kul'tura novogo stoletiya: problemy izucheniya, sokhraneniya i ispol'zovaniya istoriko-kul'turnogo naslediya* [Russian culture of the new century: problems of study, preservation and using of historical and cultural heritage]. Vologda, Knizhnoe nasledie Publ., 2007. P. 41–52.
10. Kostyleva E. L. Early Neolithic pottery of the Upper Volga region [Ranneneoliticheskaya keramika Verkhnego Povolzh'ya]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver archaeological collection]. Is. 1. Tver', Tverskoy ob'edinenyny muzey Publ., 1994. P. 53–57.
11. Lobanova N. V. Karelian culture of pit-comb pottery of Neolithic (some results of the study) [Karel'skaya kul'tura yamochno-grebenchatoy keramiki epokhi neolita (nekotorye itogi izucheniya)]. *Tverskoy arkheologicheskoy sbornik* [Tver archaeological collection]. Is. 2. Tver', Tverskoy ob'edinenyny muzey Publ., 1996. P. 198–211.
12. Lobanova N. V. Kargopolskaya ceramics in settlements of Karelia [Kargopol'skaya keramika na poseleniyakh Karelii]. *Arkheologiya Severa* [Archaeology of the North]. Is. 1. Petrozavodsk, Riso-Press Publ., 1997. P. 85–95.
13. Oshibkina S. V. *Neolit Vostochnogo Prionezh'ya* [Neolithic of East Onega Lake region]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 227 p.
14. Engovatova A. V., Zhilin M. G., Spiridonova E. A. Chronology of the Upper Volga Early Neolithic culture [Khronologiya verkhnevolskoy ranneneoliticheskoy kul'tury]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 1998. № 2. P. 11–21.
15. Vybornov A., Zaretskaya N., Ivanishcheva M., Karmanov V., Kostylyova E., Lytschagina E., Nedomolkina N., Oinonen M., Possnert G. Chronological problems of Neolithization in the East European forest-steppe (from Cis-Urals to the Upper Volga River basin). The 7th international symposium “Radiocarbon and Archaeology”, 8–13 April 2013. Gent, Belgium. Book of abstracts. Gent: Gent universiteit, 2013. P. 46–48.
16. Ivanishcheva M. V., Nedomolkina N. G. The Early Neolithic of the eastern Lake Onega region and the Sukhona River basin (northwestern Russian Plain). The 7th international symposium “Radiocarbon and Archaeology”, 8–13 April 2013. Gent, Belgium. Book of abstracts. Gent: Gent universiteit, 2013. P. 48–49.

Поступила в редакцию 18.11.2013

ИРИНА ВИКТОРОВНА ШОРОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
shorohova@petrsu.ru

К ВОПРОСУ О ГОСУДАРСТВЕННОМ ФИНАНСИРОВАНИИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА В КАРЕЛИИ В КОНЦЕ 1940-Х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1960-Х ГОДОВ

Анализируются изменения в государственном финансировании театрального искусства в Карелии в конце 1940-х – первой половине 1960-х годов и их влияние на условия работы Музыкально-драматического (Театра русской драмы), Финского драматического театров и Петрозаводского театра кукол. На примере затрат театров республики на новые постановки, содержание зданий, оплату труда актеров и гастрольных поездок показаны особенности жизни и работы театральной интеллигенции Карелии в условиях плановой экономики. Специфика театральных постановок заключается в их визуальной привлекательности для массового зрителя. Оформление спектаклей, особенно на исторические темы, требовало больших затрат. Значительные средства уходило на содержание большого творческого коллектива и здания, в котором размещался театр. В условиях плановой экономики самостоятельно покрывать все расходы карельские театры не могли. Основными причинами убыточности работы театральных коллективов стали высокие плановые показатели по количеству обслуженных зрителей и показанных спектаклей. Единственным средством выживания театрального искусства КФССР, а потом КАССР в исследуемый период стала государственная дотация. Значительное ее сокращение и переход на бездотационную работу в конце 1940-х – начале 1950-х годов пагубно сказались на развитии театрального искусства в Карелии. Возвращение к качественно и интересно оформленным постановкам произошло только к середине 1950-х годов, когда государственная финансовая помощь театрам была восстановлена. Однако уже с рубежа 1950–1960-х годов началось постепенное сокращение расходов на содержание театральных коллективов. Это заставило театры Карелии самостоятельно зарабатывать деньги. Увеличение их доходов достигалось путем формирования «облегченного репертуара» с дешевыми костюмами и декорациями.

Ключевые слова: Музыкально-драматический театр, Финский драматический театр, Петрозаводский театр кукол, плановая экономика, театральное искусство, политика в области культуры, государственная дотация, репертуар

В конце 1940-х – первой половине 1960-х годов в Петрозаводске работало три профессиональных театра. На базе Театра русской драмы в 1955 году был создан Музыкально-драматический театр. Жители республики получили возможность смотреть не только драматические спектакли, но и балетные, опереточные постановки, слушать оперы. Классические драматические спектакли русских, советских и иностранных авторов, постановки по пьесам национальных драматургов СССР и Финляндии осуществлял Финский драматический театр. Художественные и педагогические функции театра хорошо сочетал в работе Петрозаводский театр кукол.

В указанный период в Советском Союзе не было четкой продуманной финансовой политики в области культуры. Она подчинялась текущим задачам. Театральная интеллигенция имела большую зависимость от государственной поддержки. Работа театров требовала значительных финансовых вложений. В 1950-е – первой половине 1960-х годов расходы на культуру и искусство в Карелии возросли почти в три раза: в 1950 году они составляли 24,8 млн рублей, а в 1965 – уже 64,6 млн рублей¹.

Увеличений государственного финансирования было связано и с завершением восстановительного периода после Великой Отечественной войны, и с новыми задачами по развитию советской и карельской культуры. Для Декады карельского искусства и литературы, проходившей в Москве в 1959 году, театральные коллективы республики готовили специальный репертуар. Оформление спектаклей должно было соответствовать важности этого события. Поэтому в 1959 году резко возросли расходы театров, а также размеры дотаций им. Только на новые постановки Музыкально-драматический театр потратил 397 тыс. рублей, Финский драматический театр – 531 тыс. рублей, а Петрозаводский театр кукол – 30,7 тыс. рублей². Основные средства поступали из федерального бюджета, но в процессе подготовки и проведения Декады были задействованы и деньги республики.

Крупным затратным проектом для карельского бюджета стала реконструкция здания Финского драматического театра. К 1960 году на эти цели было потрачено 221 192 рубля, а за девять месяцев 1960 года – еще 263 936 рублей. Декоративное оформление интерьера теа-

тра стоило 21 460 рублей, его телефонизация – 2 063 рубля³.

В послевоенное время государственная дотация на содержание театральных предприятий ежегодно составляла до 2,8 млн рублей (в ценах тех лет). Со второй половины 1940-х годов в целях экономии средств государственная финансовая поддержка театрального искусства стала сокращаться. На рубеже 1940–1950-х годов была предпринята попытка перевода театров на бездотационную работу. Заместитель министра финансов КФССР П. Семенов сообщал в Министерство культуры республики, что «Постановлением Совета Министров СССР от 4 марта 1948 года № 527 “О сокращении государственной дотации театрам и мерах по улучшению их финансовой деятельности” театры республики сняты с государственной дотации и переведены на полную самоокупаемость»⁴. Так, в том же 1948 году была полностью снята дотация с республиканского Театра русской драмы и почти наполовину сокращена дотация Карело-Финскому драматическому театру. Если последний в 1948 году получил около 918 тыс. рублей в качестве государственной помощи, то в 1950 году она составила всего 533 тыс. рублей⁵.

Театрам пришлось перестроить свою работу. Они резко сократили текущие расходы и затраты на новые постановки. Однако, как сообщал министр культуры КФССР И. И. Цветков председателю Совета Министров республики П. С. Проконену, ежегодно театры допускали убытки в пределах 500–600 тыс. рублей⁶. Малонаселенность республики и Петрозаводска не позволяла ведущим театрам Карелии работать безубыточно. Поэтому власти республики старались по возможности выделять небольшие средства на развитие театрального искусства края.

Находясь в составе СССР, Карелия не могла полностью самостоятельно принимать решения по финансовым вопросам. Так, трудности в работе Театра русской драмы в начале 1950-х годов решались при участии Совета Министров СССР. В 1953 году И. И. Цветков, описывая бедственное положение республиканского Театра русской драмы, констатировал, что «в настоящее время без оказания временной финансовой помощи коллектив не имеет возможностей для нормальной работы»⁷. Для начала сезона в октябре 1953 года театру требовалось дополнительно выделить 80 тыс. рублей.

В 1955 году, чтобы выправить тяжелое финансовое положение вновь созданного Музыкально-драматического театра, правительство КФССР стало хлопотать в Совете Министров СССР о выделении ему дотации за счет бюджета Карелии. Специальным постановлением за подписью В. М. Молотова размер государственной дотации Музыкально-драматического театра в тот год составил 582 тыс. рублей⁸.

В результате значительного сокращения государственной дотации театрам в первой половине 1950-х годов их финансовое положение во всем Советском Союзе было настолько тяжелым, что стали регулярными задержки в выдаче заработной платы артистам [2; 64].

Министерство культуры КФССР постоянно просило Совет Министров республики выделять деньги на выплату зарплаты актерам. Неизменные просьбы о финансовой помощи театрам республики заставляли ее руководство обращаться за разрешением этого вопроса в Совет Министров СССР. Так, в 1954 году только после распоряжения Совета Министров СССР Министерство финансов республики выделило 80 тыс. рублей «на погашение задолженности» по зарплате работникам театров⁹.

Сокращение государственной дотации театрам республики в конце 1940-х годов отрицательно сказалось и на состоянии театрального репертуара. Особенно трудным было положение театров во время подготовки новых постановок, когда требовалось значительное обновление костюмов и декораций или создание нового оформления спектакля.

Театры Карелии самостоятельно не справлялись с оплатой всех постановочных расходов. В начале 1950-х годов в аналитической записке Управления по делам искусств Министерства культуры республики указывалось, что Карело-Финский драматический театр «до перехода на бездотационную работу имел довольно большой запас костюмов и материалов на костюмы». В документе отмечено, что «за последние годы этот запас совершенно не пополнялся», а «костюмы шились и перешивались по несколько раз». В таком же положении находился и Театр русской драмы. В заключение следовал вывод о том, что оба театра «очень остро нуждаются в пополнении гардероба»¹⁰.

Поскольку театры Карелии не могли работать совсем без государственной финансовой поддержки, то к середине 1950-х годов государственная помощь театрам республики на осуществление новых постановок стала поступать на специальные открытые в Госбанке счета «на постановочные расходы»¹¹. В 1957 году в связи с недостатком у театров Карелии наличных денежных средств Министерству торговли КАССР предписывалось все три профессиональных театра Карелии прикрепить к одному из магазинов Петрозаводска «для упорядочивания снабжения их шелковыми, шерстяными и хлопчатобумажными тканями для постановочных нужд... по безналичному расчету»¹².

Постепенно в середине 1950-х годов театры Карелии вернули на государственную дотацию. Ее объем был разным для каждого из трех театральных коллективов. Он зависел от количества премьер, данных театром за год, от размеров

труппы и активности гастрольной деятельности театрального коллектива [3; 74]. Музыкально-драматический театр как самый большой театральный коллектив Карелии получал самую большую сумму дотации. В 1957 году она составила 630,3 тыс. рублей¹³. Финансовая государственная помощь Петрозаводскому театру кукол была самой маленькой. В конце 1950-х годов она составляла всего 90–91 тыс. рублей¹⁴.

Размер государственной дотации не всегда покрывал убытки, которые несли театры в результате своей деятельности. Так, в 1958 году убытки Музыкально-драматического театра превысили государственную дотацию на 22,6 тыс. рублей¹⁵. Сумма перерасхода покрывалась из республиканского бюджета. В объяснительной записке к балансу Финского драматического театра в 1956 году в причинах перерасхода средств указано, что убытки театра были обусловлены объективными причинами: ростом затрат на выплату заработной платы актерам в связи с их работой в выходные и праздничные дни, а также непредусмотренными расходами во время гастролей театра в Прибалтике¹⁶.

Во второй половине 1950-х годов первая причина была общим местом в обосновании убытков, допущенных театрами Карелии. Ее дополняли, как правило, ссылки на нереальность выполнения показателей планов по количеству показанных спектаклей и числу обслуженных зрителей. Статья расходов театральных коллективов республики на новые постановки была одной из самых значительных. Музыкальные и балетные спектакли из-за сложности декораций и множества костюмов стоили дороже драматических постановок. Создание балетов «Сампо» и «Снегурочка» обошлось Музыкально-драматическому театру в 300 и 280 тыс. рублей соответственно, а драматический спектакль «Трасса» стоил 40 тыс. рублей¹⁷. Тем не менее возвращение на государственную дотацию позволило театрам Карелии улучшить положение с выплатой заработной платы актерам и повысить качество оформления спектаклей.

В конце 1950-х годов в связи с экономией государственных средств снова началось сокращение государственной поддержки театральных предприятий. Власти Карелии начали сокращать штаты театров республики и уменьшать их фонды заработной платы. С февраля 1959 года в Петрозаводском театре кукол упразднили должность инспектора сцены. Финский драматический театр лишился пяти артистов, Музыкально-драматический театр – по одному артисту драмы, балета и хора и помощника главного режиссера по литературной части¹⁸. Это решение директор Музыкально-драматического театра С. П. Звездин объяснил тем, что сумма государственной дотации театру в 1959 году составила 2 млн рублей, из которых 750 тыс. было

необходимо потратить на содержание помещений театра. Поэтому экономия средств достигалась путем сокращения фонда заработной платы актеров, который составлял 250 тыс. рублей¹⁹. А руководство Финского драматического театра старалось уменьшить расходы за счет экономии средств на содержание здания театра²⁰.

Экономия расходов в деятельности театров Карелии коснулась и выпуска театральных афиш и рекламы спектаклей. С 1959 года Министерство культуры республики могло запретить их выпуск, если он требовал «больших затрат средств»²¹. В конце 1950-х годов из-за нехватки финансовых средств театрам Карелии приходилось неоднократно обращаться с просьбами в Министерство культуры КАССР о дополнительном финансировании. Эти просьбы в большинстве случаев оставались без удовлетворения. Так, директор Музыкально-драматического театра С. П. Звездин «неоднократно просил Министерство культуры о выделении ассигнований на строительство склада объемных декораций». «Существующий склад декораций грозит обвалом с человеческими жертвами, – отмечалось в очередном обращении дирекции театра к министру культуры республики И. М. Петрову. – Часть декораций из-за отсутствия места на складе хранится под открытым небом»²². Решить эту проблему за счет государственной помощи руководству театра в рассматриваемый период времени так и не удалось.

В результате уменьшения государственной дотации с начала 1960-х годов резко сократились гастроли театров республики. Театры стали ориентироваться на «обслуживание трудящихся своей области, края, АССР». От них также требовалось «резко сократить состав работников, направляемых на гастроли, особенно обслуживающий персонал, бережно расходовать средства на гастролях, добиваясь высокой посещаемости спектаклей»²³. Театральным коллективам Карелии пришлось активизировать выездную деятельность по республике и сократить количество гастролей по регионам СССР. Театральные постановки пользовались большой популярностью в районах республики, поэтому выездные спектакли карельских театров приносили доход. Выездная деятельность давала неплохие заработки и актерам [1].

Размер оплаты суточных во время выездов по Карелии в 1950-е годы не был стабильным. Он колебался от 15 рублей в 1953 году до 28 рублей в 1957 году. Но размер суточных выплат не устраивал актеров. На партийных собраниях они неоднократно говорили о том, что «надо экономить не на людях, а на других вещах»²⁴.

Возмещение квартирных расходов артистам карельских театров во время выездов также не было устойчивым. В разные годы оно колебалось от 5 до 14 рублей в сутки²⁵. Артист Петроза-

водского театра кукол Ю. И. Андреев на производственном совещании в 1962 году так описал условия жизни на гастролях и выездах: «Очень неудобно, когда в комнате 6 человек. Кто курить хочет, а некоторые не курят, а вот и задыхайся: кто отдыхать лег, а другие занимаются кто чем, и никакого нет отдыха»²⁶.

Оплата квартирных расходов во время выездов по Карелии часто вовсе не производилась, поскольку ни в одном рабочем поселке не было свободного жилья. Актеры жили в спортзалах, отгороженные друг от друга простынями²⁷. Если условия выездов и гастролей позволяли расселить актеров в благоустроенные комнаты, квартиры или дома, то при распределении жилья учитывалось положение артиста. Артистка Финского драматического театра Е. П. Корнилова вспоминала, что «молодежь селили по 5–6 человек в комнате, а более заслуженные актеры получали отдельные комнаты и номера в гостинице»²⁸.

На протяжении всего периода «оттепели» театрам Карелии приходилось самостоятельно зарабатывать часть средств. В 1959 году после очередного сокращения объема государственных дотаций театрам пришлось серьезно задуматься о своем финансовом положении. Уже на следующий год директор Музыкально-драматического театра С. П. Звездин поставил перед актерами задачу: думать не только о творчестве, но и о том, «какое денежное выражение оно примет по итогам сезона»²⁹.

В начале 1960-х годов профессиональные театры Карелии оказались в ситуации, когда им необходимо было иметь в репертуаре новые политически ангажированные спектакли. Они не пользовались зрительской популярностью. Сборы от таких постановок не могли обеспечить содержание больших коллективов. Добиваться выполнения финансового плана театрам Карелии приходилось путем постановок легких «спектаклей водевильного типа». Зритель шел именно на эти спектакли. Выручка от них помогала театрам Карелии выполнять плановые показатели.

Однако за «облегченный репертуар» театры республики подвергались критике со стороны вышестоящих и партийных инстанций. Так, в докладной записке Н. В. Магницкого, составленной для Совета Министров КАССР в 1962 году, отмечалось, что театры республики практикова-

ли «скоропелый коммерческий подход к спектаклям», что вело к их «низкому художественному уровню». Проверка Министерства культуры КАССР установила, что театральное искусство Карелии «скатывается к халтуре». Многие спектакли выпускались без генеральных репетиций, с одного прогона. Н. В. Магницкий утверждал, что «коммерческий подход к спектаклям» приводил к снижению их художественного уровня и заставлял театр осуществлять идеологически слабые, но коммерчески успешные постановки³⁰. Но поскольку с начала 1960-х годов немаловажным показателем успешности работы театров стало выполнение ими финансового плана, то партийным органам приходилось мириться с наличием легких жанров в репертуаре карельских театральных коллективов.

Таким образом, в конце 1940-х – первой половине 1960-х годов развитие театрального искусства в Карелии во многом определялось размером государственных дотаций профессиональным театрам. Оформление спектаклей, особенно на исторические темы, требовало больших затрат. Кроме того, значительные средства уходили на содержание большого творческого коллектива и здания, в котором размещался театр. В условиях плановой экономики самостоятельно покрывать все расходы карельские театры не могли. Основными причинами убыточности работы театральных коллективов стали завышенные плановые показатели по количеству обслуженных зрителей и показанных спектаклей. Единственным средством выживания стала государственная дотация. Значительное ее сокращение и переход на бездотационную работу в конце 1940-х годов пагубно сказались на развитии театрального искусства в Карелии. Возвращение к качественно и интересно оформленным постановкам произошло только к середине 1950-х годов, когда государственная дотация театрам была восстановлена. Однако уже с рубежа 1950–1960-х годов началось постепенное сокращение расходов на содержание театральных коллективов. Это заставило театры Карелии самостоятельно зарабатывать деньги. Увеличение их доходов достигалось путем формирования «облегченного репертуара». Но и тогда дирекциям театров приходилось просить дополнительное финансирование на непредвиденные и текущие расходы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карельская АССР. 60 лет: Статистический сб. Петрозаводск: Карелия, 1980. С. 11; Карельская АССР за 50 лет: Статистический сб. Петрозаводск, 1967. С. 12.

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-3017 (Фонд Министерства культуры и по связям с общественностью РК). Оп. 1. Д. 37/257. Л. 11–11 об.

³ НА РК. Ф. Р-1627 (Фонд Государственного Музыкально-драматического театра). Оп. 3. Д. 6/66. Л. 1–6.

⁴ НА РК. Ф. Р-2994 (Фонд Министерства культуры КФСР). Оп. 1. Д. 5/31. Л. 25.

⁵ НА РК. Ф. Р-3065 (Фонд Государственного Финского драматического театра). Оп. 1. Д. 2/35. Л. 3; Д. 3/47. Л. 82.

⁶ НА РК. Ф. Р-2994. Оп. 1. Д. 5/31. Л. 65–66.

⁷ НА РК. Ф. Р-2994. Оп. 1. Д. 5/31. Л. 18.

⁸ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 2. Д. 2/32. Л. 12; Ф. Р-1394 (Фонд Совета Министров КАССР). Оп. 6. Д. 447/2201. Л. 166.

⁹ НА РК. Ф. Р-2994. Оп. 1. Д. 5/31. Л. 61.

- ¹⁰ НА РК. Ф. Р-2994. Оп. 1. Д. 5/31. Л. 4–6.
- ¹¹ НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 447/2201. Л. 167.
- ¹² НА РК. Ф. Р-3075 (Фонд Петрозаводского театра кукол). Оп. 1. Д. 2/21. Л. 37.
- ¹³ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 1/3. Л. 7; Д. 2/14. Л. 2; Д. 2/18. Л. 1–2; Д. 2/28. Л. 1–2; Д. 4/44. Л. 12; Д. 6/67. Л. 9; Д. 8/92. Л. 18; Оп. 4. Д. 1/6. Л. 10, 12; Д. 2/21. Л. 12; Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 1/21. Л. 1, 23; Д. 2/35. Л. 3; Д. 3/40. Л. 20; Д. 3/47. Л. 82; Д. 3/48. Л. 21; Д. 6/77. Л. 27; Д. 9/112. Л. 2, 14; Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 10/75. Л. 46; Д. 61/394. Л. 42, 59.
- ¹⁴ НА РК. Ф. Р-3075. Оп. 1. Д. 3/33. Л. 5.
- ¹⁵ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 4/4. Л. 2, 9 об.
- ¹⁶ НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 9/112. Л. 27–29.
- ¹⁷ НА РК. Ф. П-131 (Фонд первичной партийной организации Музыкально-драматического театра Петрозаводского ГК КПСС). Оп. 5. Д. 4. Л. 5.
- ¹⁸ НА РК. Ф. Р-3075. Оп. 1. Д. 3/29. Л. 8–7 а.
- ¹⁹ НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 4. Л. 54.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 13/166. Л. 4.
- ²¹ НА РК. Ф. Р-3017. Оп. 1. Д. 34/229. Л. 54; Ф. Р-3075. Оп. 1. Д. 3/28. Л. 5.
- ²² НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 7/72. Л. 17.
- ²³ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 3. Д. 5/49. Л. 43–46.
- ²⁴ НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 9. Л. 5.
- ²⁵ НА РК. Ф. Р-1627. Оп. 2. Д. 2/17. Л. 8; Д. 3/27. Л. 13; Д. 2/33. Л. 12; Оп. 3. Д. 3/29. Л. 34; Ф. Р-3065. Оп. 1. Д. 9/109. Л. 40; Ф. Р-3075. Оп. 1. Д. 4/42. Л. 7.
- ²⁶ НА РК. Ф. Р-3075. Оп. 1. Д. 3/39. Л. 2.
- ²⁷ Запись беседы с Э. А. и Д. С. Утикеевыми, сделанная автором 28 сентября 2004 года.
- ²⁸ Запись беседы с Е. П. Корниловой, сделанная автором 25 февраля 2005 года.
- ²⁹ НА РК. Ф. П-131. Оп. 5. Д. 5. Л. 18.
- ³⁰ НА РК. Ф. П-3 (Фонд Карельского рескома Компартии РСФСР). Оп. 13. Д. 119. Л. 101, 102.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А да м о в и ч И. В. Материальное положение писательской и театральной интеллигенции Карелии в период хрущевской «оттепели» // Север. 2007. № 3–4. С. 190–202.
2. З е з и н а М. Р. Советская художественная интеллигенция и власть в 1950–1960-е годы. М.: Диалог-МГУ, 1999. 368 с.
3. Ш о р о х о в а И. В. Культурная политика в Карелии и Финский драматический театр в период хрущевской «оттепели» // Материалы международной российско-финляндской научной конференции «Россия и Финляндия в многополярном мире: 1809–2009». Сб. ст. Петрозаводск, 2009. С. 73–75.

Shorokhova I. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON STATE FUNDING OF THEATRICAL ART IN KARELIA: END OF 1940s – FIRST HALF OF 1960s

The aim of the article is to identify stages and methods of theatrical art funding in Karelia by the State at the end of the 1940s through the first half of the 1960s. The purpose of the research is to determine the effect generated by the state grant volume on the working conditions of the Music and Drama Theatre (Theatre of Russian Drama), Finnish Drama Theatre, and Petrozavodsk Puppet Theatre. Characteristic features of the life of Karelian theatrical intelligentsia, working in conditions of planned economy, are revealed. Conclusion were made based on the research of expenses directed to support new productions, buildings' maintenance, actors' salaries, and road tours. It was found out that decoration of performances, especially the ones dealing with historical problems, required considerable investments. Besides that, huge financial resources were spent on the theatres' creative staff and on buildings' maintenance. In conditions of planned economy, Karelian theatres could not cover all necessary expenses by themselves. Low profitability of theatrical ensembles in Karelia was caused by high plan indices reflecting the number of served spectators and given performances. As a result, theatrical life in KFSR and later in KASSR could no longer survive without financial support from the State. Significant reduction of the state financial support at the end of the 1940s resulted in stagnation and deterioration of the theatres' performance. Subsequent renewal of the state financial support in 1950s lead to sturdy revival of the studied industry. However, at the beginning of 1960s the state financial aid was reduced again and Karelian theatres had to earn money by themselves. Some increase in the income of the theatres was achieved by planning "light repertoire" with cheap costumes and inexpensive decorations.

Key words: Music and Drama Theatre, Finnish Drama Theatre, Petrozavodsk Puppet Theatre, planned economy, theatrical intelligentsia, cultural policy, state grant, Khrushchev's Thaw

REFERENCES

1. A d a m o v i c h I. V. Financial position of literary and theatrical intelligentsia in Karelia in the period of Khrushchev's "thaw" [Material'noe polozhenie pisatel'skoy i teatral'noy intelligentsii Karelii v period khrushchevskoy "ottepeli"]. Sever [North]. 2007. № 3–4. P. 190–202.
2. Z e z i n a M. R. Sovetskaya khudozhestvennaya intelligentsiya i vlast' v 1950–1960-e gody [Soviet art intelligentsia and power in the 1950s and 1960s]. Moscow, Dialog-MGU Publ., 1999. 368 p.
3. S h o r o k h o v a I. V. Cultural policy in Karelia and Finnish drama theatre during the Khrushchev "thaw" [Kul'turnaya politika v Karelii i Finskiy dramaticheskiy teatr v period khrushchevskoy "ottepeli"]. Materialy mezhdunarodnoy rossiysko-finlyandskoy nauchnoy konferentsii "Rossiya i Finlyandiya v mnogopolyarnom mire: 1809–2009" [Materials of the international Russian-finnish scientific conference "Russia and Finland in a multipolar world: 1809–2009"]. Petrozavodsk, 2009. P. 73–75.

Поступила в редакцию 23.12.2013

ГАЛИНА ЮРЬЕВНА ТИМОФЕЕВА

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики энерго-экологического факультета, Московский государственный автомобильно-дорожный технический университет (Москва, Российская Федерация)
galina.omega@gmail.com

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ТКАЧЕВА

кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики энерго-экологического факультета, Московский государственный автомобильно-дорожный технический университет (Москва, Российская Федерация)
tmkach@rambler.ru

ОЦЕНКА СФОРМИРОВАННОСТИ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ТЕХНИЧЕСКОГО ВУЗА: ОПЫТ МАДИ

Рассматриваются виды контроля сформированности компетенций и типы заданий, используемых для этих целей: в виде тестов с несколькими ответами, с излишними данными и недостатком информации, с противоречивыми данными, на определение общего объема знаний выпускника, памяти и примеров использования этих заданий, с многовариантными или уникальными ответами, в условиях неопределенности (то есть компетентностно ориентированные профессионально направленные задания), на прагматическое использование решений в профессиональной деятельности и др. Сформированность оценивается путем сравнения действий выпускника, лежащих в основе проявления конкретной компетенции, а также путем изучения способов решения заданий. Показано, что использование компетентностно ориентированных профессионально направленных заданий изменяет отношение студентов к изучению физики в лучшую сторону. Сравнение экзаменационных оценок студентов, обучавшихся с использованием подобных заданий на практических занятиях и обучавшихся без них, подтверждает важность использования и значения для оценки сформированности компетенций.

Ключевые слова: компетенция, контроль, компетентностно ориентированное профессионально направленное задание, мотивация, инженерная деятельность

ВВЕДЕНИЕ

Значение инженерно-технического образования и науки как ключевых факторов развития инновационной экономики России и приоритетов ее политики признано на уровне целого ряда основополагающих государственных документов.

В Московском автомобильно-дорожном институте (МАДИ) разрабатывается комплекс мероприятий, ведущих к совершенствованию используемых образовательных программ и новых педагогических технологий. В 2011 году в МАДИ создана лаборатория инженерно-педагогических исследований, задачами которой являются диверсификация образовательных программ в инженерном образовании и освоение дополнительных образовательных программ, которые в совокупности с основными образовательными программами (ООП) позволяют сформировать компетенции, необходимые для успешной профессиональной работы [5]. Одним из вариантов повышения качества образования является переход на Федеральные государственные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения, созданные на основе компетентностного подхода. Нами рассматриваются возможности контроля сформированности компетенций у студентов, связанные с предметными знаниями и их применением.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЗАДАНИЯ И ВИДЫ КОНТРОЛЯ

Виды контроля

В качестве контроля сформированности компетенций наиболее часто используются традиционные виды контроля: письменные контрольные работы, ответы на тесты, домашние задания, коллоквиумы, экзамены. Дополнительной формой контроля сформированных компетенций могут стать выполнение проектного задания или участие в деловой игре, а также участие в диспутах и дискуссиях в течение учебного процесса.

Главным требованием к средству оценки является валидность – способность данного средства оценки измерять определенную компетенцию. Кроме того, необходимо наличие точности и надежности, то есть устойчивости данного средства оценки к воздействию случайных внешних факторов.

Составление заданий является основой подготовки тестов, контрольных работ, экзаменов и всех перечисленных выше форм контроля. Методологическим ключом к построению банка заданий является связь между компетенциями и успешным решением задач профессиональной деятельности.

Задание можно определить как цель или задачу, поставленную перед кем-либо для выпол-

нения. Соответственно процесс выполнения, поиска решений требует творческого мышления и позволяет проявить сформированные в процессе учебы компетенции. Таким образом, желательно, чтобы контрольные и учебные задания моделировали в учебной ситуации деятельность по решению профессиональной задачи, например, имитационные задания, воспроизводство алгоритмов решения задачи [2], анализ кейсов, деловые и ролевые игры, проектные задания и т. д.

Задания могут быть разной направленности и разного уровня сложности. Например, стандартный тест множественного выбора (выбор правильного ответа из предложенного перечня) одновременно будет и заданием на воспроизводство правильного ответа, и заданием с высоким уровнем определенности (определены и условия, и правильный результат). Стандартный кейс (достаточно полное описание ситуации с необходимоостью выдвигания решения той или иной проблемной ситуации) будет в обоих случаях отнесен к продвинутым заданиям. Главное, что должно проявляться у учащегося при выполнении задания, описанного в кейсе, – умение использовать полученные знания для решения практической задачи. Тестовые задания разного типа и разной сложности используются на кафедре физики МАДИ для контроля качества усвоения физики студентами как в процессе обучения, так и в виде контроля остаточных знаний после завершения учебной программы [4]. Задания, приведенные ниже, взяты как раз из таких тестовых и проектных заданий.

Примеры заданий на сформированность компетенций при изучении физики

I. Задания на общий объем полученных знаний, память и их последующее использование

- Знание фактов: *Назвать авторов законов идеальных газов: изотермического, изобарного, изохорного. Рассказать суть законов.*

- Знание связей: *Назвать и объяснить связь законов сохранения в механике и симметрии пространства и времени.*

- Прагматическое использование (в профессиональной деятельности): *Диоды и гетеропереходы в полупроводниковых структурах, их применение в автомобиле.*

- Владение методами исследований в конкретной области: *Знание теории погрешностей, умение определить необходимые погрешности на практике.*

- Творческий уровень (самостоятельное получение нового знания, новых связей): *Студенческая инженерная группа МАДИ и ее участие в международном проекте «Формула Студент» [3].*

II. Задания профессионального характера

- Интенсивность или завершенность действия (полностью или частично решена поставленная задача): *Определить коэффициент жесткости*

рессор из теоретических представлений, полученных из учебной литературы, и сопоставить с параметрами реальных рессор для конкретного вида и марки легкового автомобиля.

- Масштабность воздействия (количество объектов, на которые оказывается воздействие при решении профессиональной задачи, задействованные ресурсы, масштабы проблемы и последствия принятого решения): *Определить звуковое давление, ударную волну, стоячую звуковую волну на выходе глушителя в системе отвода выхлопных газов.*

- Количество времени, затраченного на решение задачи: *Провести расчет перемещения центра масс в груженом грузовике при торможении от скорости 100 км/ч (время, потраченное студентом на решение: от 0 до ∞. Решается по выбору студента на повышение оценки).*

- Уникальность принятого решения или действия (насколько оно было творческим или стандартным, типичным): *Найти работу при адиабатическом расширении.*

III. Задания в условиях неопределенности (компетентностно ориентированные)

- Задания с лишними данными (данных больше, чем необходимо для решения): *Груз массой m на длинной нити длиной l совершает свободные гармонические колебания. Надо определить, как изменится после увеличения длины нити частота колебаний.*

- Задания с противоречивыми данными: *К чему приводят электромагнитная теория света и теорема классической физики о равномерном распределении энергии системы по степеням свободы, будучи применены к тепловому равновесному излучению? Варианты ответов: 1) формуле Планка, представляющей распределение энергии в спектре излучения абсолютно черного тела; 2) гипотезе квантов; 3) тепловой смерти Вселенной; 4) ультрафиолетовой катастрофе.*

- Задания, в которых данных недостаточно для решения: *Определить напряженность шара, заряженного равномерно с объемной плотностью заряда $\rho = 2 \text{ нКл/м}^3$, на расстоянии от центра шара: а) $r = R/2$; б) $r = 2R$; в) разность потенциалов между центром и поверхностью шара.*

- Многовариантные задания (имеют несколько вариантов решения): *Дана схема энергетических уровней атома водорода с численным указанием величины энергии на каждом из рассмотренных уровней, а также условно изображены переходы электрона с одного уровня на другой, сопровождающиеся излучением кванта энергии. В ультрафиолетовой области спектра эти переходы дают серию Лаймана, в видимой области – серию Бальмера, в инфракрасной области – серию Пашена. Найти отношение минимальной частоты серии Лаймана к максимальной частоте линии в серии Бальмера.*

• Комплексные задания (состоят из нескольких частей различной сложности): *При выстреле орудия снаряд вылетел из ствола с угловой скоростью $\omega = 200 \text{ с}^{-1}$ под углом $\alpha = 60^\circ$ к горизонту. Момент инерции снаряда относительно его продольной оси $J = 15 \text{ кг} \cdot \text{м}^2$, расстояние между колесами орудия $l = 1,5 \text{ м}$, время движения снаряда в стволе $t = 2 \cdot 10^{-2} \text{ с}$. Найти силы давления Земли, действующие на колеса во время выстрела.*

МЕТОДЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СФОРМИРОВАННОСТИ КОМПЕТЕНЦИЙ И ПРИМЕРЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНО НАПРАВЛЕННЫХ ЗАДАНИЙ. ДЕЙСТВИЯ УЧАЩЕГОСЯ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ОСВОЕННЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

Проверяя сформированность той или иной компетенции, нужно определить действия студента в процессе выполнения конкретного задания (см. табл.). Оценка этих действий может быть проведена в баллах. Конкретные действия

учащегося и их расшифровка взяты из таблицы, приведенной в работе [1].

Максимально возможное количество баллов за все действия, указанные в таблице, – 18. Одним из вариантов контроля учебных достижений учащихся является введение балльно-рейтинговой системы. Результатом такого контроля являются определенным образом взвешенные баллы, выставленные преподавателем в ходе всех видов учебной работы, предусмотренных рабочей программой дисциплины «Физика». В частности, баллы за решение профессионально направленных заданий являются дополнительными баллами, которые позволяют студентам получить отличную оценку по окончании семестра с учетом шкалы баллов: 80 % от максимально возможного значения – «отлично», 70 % – «хорошо», 55 % – «удовлетворительно».

Приведем два примера компетентностно ориентированных профессионально направленных заданий с изложением возможных компетенций,

Соответствие компетенций* и действий учащегося на примере работы с профессионально ориентированной информацией

Действия учащегося	Расшифровка действий	Компетенции
Правильно употребляет и проводит понятийный и логический анализ содержания (максимальное количество баллов – 6)	формирует понятийный аппарат, необходимый для ответа	использует основные законы естественнонаучных дисциплин в профессиональной деятельности, применяет методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования (ОК-10, 220700)
	показывает правильное понимание профессиональной лексики	обладает знанием базовой и специальной лексики, основной терминологии своей специальности, владеет навыками устной и письменной речи, перевода общего и профессионального текста, техниками общения с иностранным партнером (ОК-4, 190600)
	владеет системой профессиональных понятий	целенаправленно применяет базовые знания в области математических, естественных, гуманитарных и экономических наук в профессиональной деятельности (ОК-9, 150700)
Выявляет причинно-следственные связи, внутрипредметные и межпредметные связи (максимальное количество баллов – 6)	понимает связь теории с практикой	способен участвовать в разработке математических и физических моделей процессов и производственных объектов (ПК-17, 220700)
	видит проблему в системе других наук и других проблем	способен к систематическому изучению научно-технической информации, отечественного и зарубежного опыта по соответствующему профилю подготовки (ПК-17, 151000)
	определяет круг научных знаний, необходимых для решения профессиональных проблем	обладает способностью выявить естественнонаучную сущность проблем, возникающих в ходе профессиональной деятельности, привлечь для их решения соответствующий физико-математический аппарат (ПК-2, 220400)
Анализирует и представляет профессионально ориентированную информацию (максимальное количество баллов – 6)	структурирует профессиональную информацию	владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, критическому осмыслению, систематизации, прогнозированию, постановке целей и выбору путей их достижения, умением анализировать логику рассуждений и высказываний (ОК-7, 190110)
	умеет провести ретроспективный анализ проблемы	владеет культурой мышления, способен к обобщению, анализу, критическому осмыслению, систематизации, прогнозированию, постановке целей и выбору путей их достижения, умеет анализировать логику рассуждений и высказываний (ОК-7, 190109)
	четко и логично излагает научную теорию	свободно владеет литературной и деловой письменной и устной речью на русском языке, навыками публичной и научной речи, умеет создавать и редактировать тексты профессионального назначения, анализировать логику рассуждений и высказываний (ОК-14, 150700)

Примечание. * – компетенции приведены в редакции ФГОС, направление подготовки и шифр компетенции указаны в скобках. Используются ФГОС ВПО для направлений: 220700 – Автоматизация технологических процессов и производств; 190600 – Эксплуатация транспортно-технологических машин и комплексов; 150700 – Машиностроение; 151000 – Технологические машины и оборудование; 220400 – Управление в технических системах; 190110 – Транспортные средства специального назначения; 190109 – Наземные транспортно-технологические средства.

которые можно проконтролировать при решении этих заданий путем проверки действий студента в период решения и поиска ответов на сопровождающие решение вопросы.

Компетенции при направлении подготовки 190110 «Транспортные средства специального назначения» (профиль подготовки «Наземные транспортные средства и комплексы аэродромно-технического обеспечения полетов авиации» (специалист)):

- использует основные законы естественно-научных дисциплин в профессиональной деятельности, применяет методы математического анализа и моделирования, теоретического и экспериментального исследования (ОК-10);

- способен использовать законы и методы математики, естественных, гуманитарных и экономических наук при решении профессиональных задач (ПК-1).

Пример 1. Задача: *К ободу колеса с силой 500 Н прижимается тормозная колодка. Коэффициент трения равен 0,5. Радиус колеса равен 10 см. Найти тормозящий момент относительно оси колеса.*

Действия студента: 1. Определяет, что такое тормозящий момент. 2. Определяет, что такое сила трения. 3. Выписывает необходимые формулы и делает расчет. 4. Ищет информацию о качестве тормозных колодок. 5. Ищет информацию, каким образом передается усилие от водителя на тормозную колодку. 6. Ищет информацию, достаточно ли иметь коэффициент трения 0,5, чтобы получить устойчивое торможение.

Первые три действия заставляют повторить уже пройденный материал по механике, остальные действия связаны с профессиональным интересом студента: большинство студентов, решавших эту задачу, справились с ней очень хорошо, нашли много интересного про устройство тормозной системы автомобиля, с вдохновением рассказывали об этом, сравнивали тормозные системы разных автомобилей. Оценка их действий была привязана к баллам, о которых говорилось выше (максимальное количество баллов – 10, как за контрольную работу).

Пример 2. Задача: *При использовании бензина в качестве топлива и алюминия для изготовления поршня мотора (масса 2360 г, удельная теплоемкость алюминия 920 Дж/кг) рассчитать массу сгоревшего бензина, если температура днища поршня в нижней мертвой точке равна 400 °С, а удельная теплота сгорания бензина равна 44 МДж/кг.*

Действия студента: 1. Определяет, каков процесс нагрева поршня. 2. Определяет формулу для нахождения количества теплоты при сгорании топлива. 3. Ищет информацию о влиянии нагрева поршня на работу двигателя. 4. Ищет информацию о том, какие материалы еще ис-

пользуются для изготовления поршней. 5. Ищет информацию об охлаждении поршня во время работы двигателя.

Для решения этой задачи также пришлось повторить пройденный материал из курса физики. Но в этой задаче больше профессиональных вопросов, поэтому энтузиазма было меньше, так как оказалось, что найти необходимые сведения труднее, чем в задачах про тормозную систему. Однако интерес оказался также довольно сильным. Баллы выставались и за решение задачи (максимальное количество баллов – 10, как за контрольную работу).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Сформированность вышеуказанных компетенций оценивали у студентов 1-го курса после I семестра обучения физике. В исследовании участвовали 97 (2011/12 учебный год) и 117 (2012/13 учебный год) человек. Каждый год создавали по две группы (44 и 53) и (64 и 53). Группы из 53 человек получали компетентностно ориентированные профессионально направленные задания (контрольные группы). Студенты контрольных групп участвовали в дискуссиях по решению задачи и обсуждали найденные ответы на общие профессионально направленные вопросы по теме. Стандартными названы группы, в которых практические занятия проводились по традиционной схеме: устный опрос по теории, решение задач по теме. Количество экзаменационных оценок менялось: происходило уменьшение количества оценок «2» и «3» и увеличение количества оценок «4» и «5», полученных студентами контрольных групп, по сравнению с количеством экзаменационных оценок, полученных студентами стандартных групп.

В 2012 году получен более заметный результат, чем в 2013. Эта разница является следствием разницы в начальной подготовке абитуриентов 2012 и 2013 годов. Решение и обсуждение вышеприведенных заданий, выполнение самостоятельного поиска необходимого материала позволили улучшить показатели успеваемости студентов. Количество оценок «хорошо» увеличилось на 8–12 %, чуть больше, чем на 3 %, выросло количество оценок «удовлетворительно» и «неудовлетворительно» несколько уменьшилось.

Следует отметить, что компетентностно ориентированные, а также профессионально направленные задания требуют использования знаний в условиях неопределенности, за пределами учебной ситуации, организуют деятельность студента. В некорректных или неопределенных заданиях проверяется умение учащегося анализировать условие задачи.

Проведение оценки компетенций с использованием вышеприведенных заданий позволяет преподавателю выявить мотивированных и рав-

нодушных студентов, разбудить в любознательных студентах желание узнать больше, быстрее начать делать что-то в профессии своими руками. Рождение интереса стимулирует и лучшую успеваемость, и дает удовлетворение от учебы.

ВЫВОДЫ

Задания разной направленности и уровня сложности позволяют сформировать компетен-

ции, оценить степень их сформированности по характеру деятельности обучающегося и использованным им приемам решения поставленной задачи, задания профессиональной направленности улучшают успеваемость, усиливая мотивацию к изучению физики. Осознанное использование учебного материала формирует и усиливает мотивацию к получению выбранной профессии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Колычева М. В., Татарина Е. Г. Опыт внедрения оценки общих и профессиональных компетенций выпускников на государственной итоговой аттестации // Интернет-конференция «Проблема оценки общих и профессиональных компетенций в контексте внедрения ФГОС». Москва, 2010 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ckpom.portalspo.ru/stat3.php>
2. Одинцова Н. И., Кургаева Н. Е. Физика. Практический курс подготовки к экзаменам, зачетам. М.: ЗАО «РОСМЭН-ПРЕСС», 2006. 288 с.
3. Сазонова З., Сафроненков С. Проект «Формула Студент» – развитие мотивации студентов к обучению // Труды 37-го Международного симпозиума Международного общества по инженерной педагогике (IGIP) «Компетенции инженера – традиции и инновации». Москва, 2008. С. 163–165.
4. Смык А. Ф., Тимофеева Г. Ю., Ткачева Т. М. Методические указания к самостоятельной работе студентов по физике (тестовые задания). М.: МАДИ, 2013. 135 с.
5. Ткачева Т. М. Образовательная среда как фактор повышения качества образования: опыт МАДИ // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: Психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования). 2013. № 1 (23). С. 86–93.

Timofeeva G. Yu., Moscow State Automobile and Roads Construction Technical University (Moscow, Russian Federation)
Tkacheva T. M., Moscow State Automobile and Roads Construction Technical University (Moscow, Russian Federation)

ASSESSMENT OF COMPETENCIES' DEVELOPMENT IN STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITY: MADI EXPERIENCE

Various types and multiple examples of competencies' control and assessment are considered. Assignments helping to reveal the level of different competencies' development are presented. The assignments include: multiple choice tests; tests with excessive and insufficient volume of provided information; tests with incompatible data; tasks revealing the depth of students' general knowledge and ability to use it in conditions of professional challenge for the purpose of finding effective solutions; tasks revealing students' memory strength; assignments with various solutions or a unique one. Students' behaviour and methods used by them in the process of task solving in new dynamic conditions are described. These methods demand deep professional knowledge, creativity, resourcefulness, and quick thinking. Introduction and employment of competency-based and professionally oriented tasks in the process of practical training can increase progress in students' performance. As a result, the students demonstrate higher interest in learning Physics and become capable of deeper understanding of the role and significance played by Physics in technique. Comparison of the exam results demonstrated by the two students' groups (one of them solved competency-based and professionally oriented tasks, the second group had a traditional form of practical classes) supports the above-mentioned statement. Employment of competency-based and professionally oriented tasks is very useful and important for the achievement of targeted effectiveness in the assessment process. These tasks are instrumental in deeper understanding of learning material and strengthening students' learning motivation.

Key words: competency, control, assessment, competency-based and professionally oriented task, motivation, engineering activity

REFERENCES

1. Kolychева M. V., Tatarinova E. G. Assessment Implementation Experience for Common and Vocational Competencies during the State Final Attestation [Opyt vnedreniya obshchikh i professional'nykh kompetentsiy na gosudarstvennoy itogovoy attestatsii]. *Internet-konferentsiya "Problema otsenki obshchikh i professional'nykh kompetentsiy v kontekste vnedreniya FGOS"* [Internet Conference "Assessment Problem for Common and Vocational Competencies in context of the State Federal Standards Implementation"]. Moscow, 2010. Available at: <http://ckpom.portalspo.ru/stat3.php>
2. Odintsova N. I., Kurgaeva N. E. *Fizika. Prakticheskiy kurs podgotovki k ekzamenam, zacetam* [Physics. Practical Training for Exams and Tests]. Moscow, ZAO "ROSMEN-PRESS" Publ., 2006. 288 p.
3. Sazonova Z., Safronenkov S. Project "Formula Student" – Development of Students Motivation to Learning [Proekt "Formula Student" – razvitiye motivatsii studentov k obucheniyu]. *Trudy 37-go Mezhdunarodnogo simpoziuma Mezhdunarodnogo obshchestva inzhenernoy pedagogiki (IGIP) "Kompetentsii inzhenera – traditsii i innovatsii"* [Proc. of the 37th International IGIP Symposium "Engineering Competencies – Traditions and Innovations"]. Moscow, 2008. P. 163–165.
4. Smyk A. F., Timofeeva G. Yu., Tkacheva T. M. *Metodicheskie ukazaniya k samostoyatel'noy rabote studentov po fizike (testovye zadaniya)* [Methodic Instructions for students' self-work on Physics (test tasks)]. Moscow, MADI Publ., 2013. 135 p.
5. Tkacheva T. M. Educational Environment as a Factor of Education Quality Upgrading: MADI Experience [Obrazovatel'naya sreda kak faktor povysheniya kachestva obrazovaniya: opyt MADI]. *Izvestiya Baltiyskoy gosudarstvennoy akademii rybopromyslovogo flota: Psihologo-pedagogicheskie nauki (teoriya i metodika professional'nogo obrazovaniya)*. 2013. № 1 (23). P. 86–93.

Поступила в редакцию 27.08.2013

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ЦУМАРОВА

аспирант кафедры политологии и международных отношений факультета политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
tsumarova@gmail.com

ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Дается анализ политики идентичности в Республике Карелия (РК). В регионах она рассматривается как деятельность региональных акторов по формированию представлений о «мы-сообществе» в административно-территориальных границах. Регион понимается как составная часть национального государства. Выделяются два основных типа региональной идентичности: эксклюзивная и инклюзивная. Эксклюзивная идентичность направлена на противопоставление региона национальному государству. Инклюзивная идентичность предполагает рассмотрение региона как неотъемлемой части государства. Выделены несколько этапов трансформации политики идентичности. Делается вывод о формировании в РК инклюзивной идентичности в связи с низкой долей титульного населения, экономической зависимостью от федерального центра и полицентричным политическим режимом.

Ключевые слова: политика идентичности, Республика Карелия, региональная идентичность

Формирование региональной идентичности является составным элементом российской политической действительности, важным пунктом в политической повестке дня региональных политических элит и гражданского общества. Деятельность региональных акторов по формированию региональной идентичности (то есть представлений о «мы-сообществе») в административно-территориальных границах субъекта Федерации в научной литературе обозначается термином «политика идентичности».

Специфика политики идентичности в регионе обусловлена прежде всего особым статусом последнего как составной части национального государства. Региональные элиты вынуждены заниматься формированием так называемого регионального патриотизма и одновременно демонстрировать принадлежность региона к единому государству. Формируемая региональная идентичность может вступать в конфронтацию с идентичностью общегосударственной в случае, когда культивируется исключительность региона. И, напротив, она может встраиваться в общую систему идентификаций при утверждении региона как составной части государства. Другими словами, в разных контекстах региональные политические элиты могут использовать разные стратегии при формировании политики идентичности. По М. Китингу, политические смыслы региональной идентичности могут варьироваться «от устройства регионального лобби в политике через требования автономии вплоть до полного отделения» [2; 75]. Используя терминологию У. Бека [1; 230–231, 235], можно выделить два типа региональной идентичности, которые могут быть целью политики идентичности. Первый тип – эксклюзивная идентичность – строится на противопоставлении регио-

нальной и общегосударственной идентичности, для нее характерно исключение регионального «мы-сообщества» из границ «мы-сообщества» национального государства. Региональные элиты в данном случае заинтересованы в обретении максимальной автономии либо полного суверенитета и могут вступать в открытую конфронтацию с центральным правительством. Они могут придерживаться и противоположной стратегии в формировании политики идентичности, которую можно обозначить как инклюзивную. В данном случае политика идентичности в регионе направлена скорее на гармонизацию региональной и общегосударственной идентичности. Регион воспринимается как неотъемлемая часть государства, и содержание политики идентичности направлено, с одной стороны, на формирование регионального «мы-сообщества», а с другой – на встраивание его в сообщество более крупного масштаба (национального государства). Формирование инклюзивной идентичности может быть частью рациональной стратегии региональных акторов, для которых принадлежность к единому государству несет больше выгод, чем возможная независимость.

Среди факторов, определяющих выбор той или иной стратегии, можно выделить долю титульного населения, статус региона, географическое положение, экономические характеристики региона, а также характер политического режима. Анализ исследовательской литературы позволил выявить, что эксклюзивная идентичность в большей степени характерна для республик с доминирующим титульным населением, географически удаленных от центра, экономически сильных, моноцентричных регионов. Тогда как инклюзивная идентичность чаще всего формируется в регионах (экономически зависимых от

центра) с доминирующим русским населением и полицентричным политическим режимом.

Политика идентичности в РК может быть разделена на три основных этапа. Первый этап начался с момента принятия Декларации о государственной независимости РК 9 августа 1990 года и продлился до весны 1998 года, когда В. Степанов проиграл выборы на должность Председателя Правительства РК. Этот период можно охарактеризовать как время институционального оформления политического сообщества в республике и конкуренции между стратегиями политики идентичности. Основное внимание политических акторов было направлено на определение основных правил игры как внутри региона, так и во взаимоотношениях республики с федеральным центром. Одновременно был начат процесс символического оформления политического сообщества, связанный с разработкой и принятием официальной символики [7]. Окончательный выбор символов ознаменовал утверждение стратегии инклюзивной идентичности, поскольку символика была направлена на демонстрацию принадлежности РК к Российскому государству.

Второй этап политики идентичности относится к периоду нахождения у власти С. Катанандова (1998–2010). В это время был учрежден День Республики – важный элемент ритуализации принадлежности к сообществу, который задал доминирующие рамки интерпретации истории Карелии как части России. День Республики преследует две важные цели: он направлен внутрь сообщества с целью объединения всех жителей республики и формирования чувства гордости за Карелию, а также становится частью имиджевой программы, направленной вовне. Главной задачей в этом случае является продвижение РК в общероссийском и даже международном пространстве. Несмотря на то, что предвыборная программа С. Катанандова в 1998 году включала в себя идею опоры на собственные силы, РК не стремилась дистанцироваться от российского государства. Напротив, С. Катанандов всегда демонстрировал лояльность и поддержку всем инициативам федерального центра, даже тем, которые значительно сокращали возможности региональных лидеров [6]. Тем не менее после отмены прямых губернаторских выборов в середине 2000-х годов активность в проведении политики идентичности значительно снизилась.

Наконец, третий этап связан с приходом к власти назначенных руководителей региона: А. Нелидова в 2010 году и А. Худилайна в 2012 году. С одной стороны, в это время в публичном дискурсе вновь появилась идея об уникальности Карелии как части финно-угорского мира (см.: http://www.gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0818_18.html), что, однако, не означало возрождения стратегии формирования эксклюзивной идентичности. Обращение

к национальным особенностям республики использовалось главой региона в качестве своего ресурса для поиска поддержки внутри региона. С другой стороны, политические элиты продолжали подчеркивать принадлежность республики к России, к ее многонациональному народу. Это подтверждается, в частности, в процессе разработки программы празднования 100-летия Карелии в 2020 году «Моя Карелия – Моя Россия» (см.: http://gov.karelia.ru/gov/News/2013/10/1011_09.html?print=).

Специфика формирования представлений о «мы-сообществе» в РК заключается в том, что в республике не было основы для создания доминирующего регионального мифа, то есть разделяемого всего представления о республике [5; 114]. В публичном пространстве региона не существует единой версии образа «мы-сообщества». Тем не менее политические акторы постоянно возвращаются к идее о необходимости формирования образа региона как для консолидации населения внутри республики, так и для позиционирования Карелии в российском и международном пространстве: «Крайне важно определить для себя: какая Карелия нам нужна? Какой мы хотим ее видеть?.. Будет ли это Карелия промышленная, заводская? Или Карелия как центр здоровья, лечения, сосредоточения силы? А может, Карелия как центр духовности? Пока на эти вопросы ясных ответов нет» [4].

Формируя представления о «мы-сообществе», политические элиты республики опираются на существующие особенности региона, которые не зависят от деятельности органов государственной власти. В частности, образ региона включает в себя указания на природные, географические характеристики Карелии, которые воспринимаются в качестве важного достояния, бренда республики. Кроме этого, большое внимание уделяется экономическим, культурным и символическим особенностям Карелии. При этом особое место в политике идентичности занимает артикуляция уникальной финно-угорской культуры и одновременно древних традиций православия. Образ «мы-сообщества» во многом конструируется также на основе обращения к жителям территории, которые наделяются особыми качествами. При этом доминирующим критерием принадлежности к сообществу оказывается проживание на территории республики, а не этнические, языковые, религиозные и другие характеристики человека. Процесс формирования представлений о «мы-сообществе» направлен не только на демонстрацию уникальности республики, но и на артикуляцию тесной связи Карелии с Россией. Карелия рассматривается как один из самобытных регионов, которые составляют Россию [3].

Анализ политики идентичности в РК свидетельствует о формировании в регионе инклюзив-

ной идентичности. Дискурс об эксклюзивности, хотя и присутствует в публичном пространстве, занимает маргинальное положение. Среди факторов, обусловивших выбор инклюзивной идентичности, можно отметить низкую долю титульного населения, экономическую зависимость от федерального центра, а также отсутствие доминирующего актора. Необходимость привлечения дополнительных средств привела к утверждению гибких границ сообщества, которые позволили встраивать его в сообщества более крупного масштаба. Приграничное положение Карелии, которое могло бы способствовать формированию эксклюзивной идентичности, в целом способствовало развитию международных связей, которые рассматривались как в качестве возможности решения экономических

проблем, так и утверждения особого положения республики в составе России. Доминирование русских в этнической структуре населения, наряду с экономической зависимостью, не позволило политическим элитам региона вести активный торг с федеральным центром за дополнительные полномочия, что было характерно для большинства других национальных республик России. При этом статус Карелии как национальной республики позволил получить определенные преимущества по сравнению с административно-территориальными образованиями. Актуализация этнического своеобразия республики в 1990-е годы была связана с процессом разработки официальной символики, а в 2010-е – с необходимостью поиска поддержки со стороны назначенных губернаторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бек У. Что такое глобализация? М., 2001. 304 с.
2. Китинг М. Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6. С. 67–116.
3. Мы очень любим свой город // Курьер Карелии. 2003. 19 июня.
4. Новая страничка в имидже Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0812_11.html
5. Ноженко М., Белокурова Е. Северо-Запад России: регион или регионы? СПб.: НОРМА, 2010. 164 с.
6. С. Катанандов одобряет предложения президента РФ по укреплению власти, высказанные на расширенном совещании правительства страны [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://gov.karelia.ru/gov/News/2004/09/0914_08.html
7. Цумарова Е. Символизация пространства как инструмент политики идентичности в регионе (на примере Республики Карелия) // «Город невест?» Брендинг территорий и региональные идентичности: Материалы всероссийской научной конференции (Иваново, 12–13 сентября 2013 года). Иваново: Изд-во ИвГУ, 2013. С. 102–104.

Tsumarova E. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IDENTITY POLICY IN REPUBLIC OF KARELIA

The policy of identity adopted by the Republic of Karelia is analyzed. The policy of identity pursued by the regions is understood as actions of political elite aimed at shaping the “we-community” perception within administrative-territorial boundaries. Regions are defined as integral constituents of the national state. There are two distinguished types of regional identity normally adopted by the regions: exclusive one and inclusive one. The exclusive type of the policy of identity focuses on the region’s opposition to the national state. The inclusive type of the policy of identity involves consideration of the region as an integral part of the state. Analysis of the policy of identity introduced in the Republic of Karelia helped to distinguish several transformation stages of its development. An inclusive type of the policy of identity is adopted by the Republic of Karelia. The choice is conditioned by the low level of indigenous population, economic dependence upon the Federal centre, and polycentric regime.

Key words: identity politics, Republic of Karelia, regional identity

REFERENCES

1. Bek U. *Chto takoe globalizatsiya?* [What is globalization?]. Moscow, 2001. 304 p.
2. Keating M. The new regionalism of Western Europe [Novyy regionalizm v Zapadnoy Evrope]. *Logos* [Logos]. 2003. № 6. P. 67–116.
3. We love our city very much [My ochen’ lyubim svoy gorod]. *Kur’er Karelii* [Courier Karelia]. 2003. 19 June.
4. *Novaya stranichka v imidzhe Karelii* [New page in the image of Karelia]. Available at: http://gov.karelia.ru/gov/News/2010/08/0812_11.html
5. Nozhenko M., Belokurova E. *Severo-Zapad Rossii: region ili regiony?* [North-Western Russia: region or regions?]. St. Petersburg: NORMA Publ., 2010. 164 p.
6. S. Katanandov odobryaet predlozheniya prezidenta RF po ukrepleniyu vlasti, vyskazannye na rasshirennom soveshchanii pravitel’sva strany [S. Katanandov agree with the president’s proposals for strengthening the power vertical expressed at government meeting]. Available at: http://gov.karelia.ru/gov/News/2004/09/0914_08.html
7. Tsumarova E. Symbolization of space as an instrument of identity politics in the region (case of the Republic of Karelia) [Simvolizatsiya prostranstva kak instrument politiki identichnosti v regione (na primere Respubliki Karelia)]. “*Gorod nevest?*” *Brending territori i regional’nye identichnosti: Materialy vserossiyskoy nauchnoy konferentsii (Ivanovo, 12–13 sentyabrya 2013 goda)* [“City of brides?” Branding territories and regional identities: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (Ivanovo, 12–13 September 2013)]. Ivanovo: IvGU Publ., 2013. P. 102–104.

Поступила в редакцию 24.01.2014

KAROLINA SKWARSKA

старший научный сотрудник, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики (Прага, Республика
Чехия)
skwarska@slu.cas.cz

СИНТАКСИЧЕСКИЕ И СЕМАНТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ, ПОЛЬСКИХ И ЧЕШСКИХ ГЛАГОЛОВ В СЛОВАРЕ СОЧЕТАЕМОСТЕЙ VALLEX*

Словарь валентностей чешских глаголов VALLEX создается в Институте общей и прикладной лингвистики математико-физического факультета Карлова университета (МФФ УК) в Праге с 2001 года. Доступен в печатной (2008 год) и электронной (бесплатно в Интернете) версиях. В настоящее время в Славянском институте Академии наук в Праге ведется работа по описанию русских и польских эквивалентов некоторых чешских глагольных лексических единиц в этом словаре. Статья показывает основные принципы выбора единиц для эквивалентации – способность вступать в разного рода лексикализованные альтернативы; называет проблемы, связанные с описанием русских и польских лексических единиц: правильный выбор эквивалента, понятие видовой пары в словаре, применение чешской системы диатез к описанию русских и польских глаголов. В словаре VALLEX, расширенном за счет описания польских и русских единиц, можно найти много материала для сопоставительного изучения морфологических, синтаксических и семантических свойств глаголов в исследуемых языках: различия в форме актантов или свободных дополнений, в возможности поверхностной реализации актантов, в возможности образовать грамматикализованную или лексикализованную альтернативу.

Ключевые слова: синтаксические свойства глагола, семантические свойства глагола, валентность, словарь валентностей, сопоставительное изучение славянских языков

Словари валентностей глаголов¹ создаются с конца 60-х годов XX века. Всем известна немецкая традиция разработки таких словарей, сначала одноязычных, позднее двуязычных. С тех пор возникли также одноязычные словари валентностей разных славянских языков, однако до сих пор не был издан двух- или трехязычный словарь славянских языков, включающий информацию о свойствах чешских глаголов². Выбор конкретных глаголов, которые будут описаны в данном двухязычном словаре, всегда чем-то ограничен, будь то семантический класс глагола [1], [5] или (как единицы описания в словаре VALLEX) синтаксическо-семантические признаки глаголов.

Valenční slovník českých sloves VALLEX (VALency LEXicon) создается в Институте общей и прикладной лингвистики математико-физического факультета Карлова университета в Праге с 2001 года. Словарь предназначен для преподавателей, переводчиков, журналистов и т. п., но он разработан таким образом, что его можно использовать также и для целей автоматического перевода. Печатная версия была издана в 2008 году, электронная версия бесплатно доступна в Интернете [12]. В основе этого словаря валентностей лежит теория функционального генеративного описания, в особенности подход к проблематике валентностей, разработанный прежде всего Я. Паневоу [17], [18], [19], [20]. Концепция словаря опирается на теоретические работы М. Лопатковой, З. Жабокртского и В. Кеттнеровой (ср., например, [6], [7], [8], [9],

[10], [11], [23], [27]). VALLEX дает информацию о 2730 чешских глагольных лексемах³. В начале работы над VALLEX было выбрано 2500 самых частотных глаголов в Чешском национальном корпусе⁴, позже было добавлено небольшое количество дополнительных глаголов (видовые пары, омонимы и т. п.).

В словарной статье представлены отдельные лексические единицы одной лексемы. В рамках описания лексической единицы даны ее морфологические, синтаксические и семантические характеристики и характеристики ее дополнений (управляемых этим глаголом компонентов). В словарной статье приводится фрейм – модель валентностей данного глагола с указанием формы и степени облигаторности дополнений. Форма приведена у так называемых актантов (ACT – актер, PAT – пациент, ADDR – адресат, ORIG – источник, EFF – результат)⁵ и у некоторых свободных дополнений (например, INTT – цель), но не приводится у дополнений места, направления, времени и т. п., для которых типичной реализацией являются прежде всего наречия. Актанты – это такие семантические участники, которые могут вступать в отношения только с некоторыми глаголами и они неповторимы (т. е. с одним глаголом в одной конструкции не могут быть связаны, например, два ORIG, кроме сочетания с отношениями координации). Свободные дополнения могут соединяться с любым глаголом, у некоторых глаголов это дополнение может дублироваться (*Брат приехал вчера вечером* – два дополнения времени) [17; 32].

Как было сказано выше, словарь содержит также информацию об облигаторности данного актанта / свободного дополнения. Кроме облигаторных (obl) актантов различают факультативные (opt), ср. чеш. *bát se* [рус. бояться]: АСТ (1; obl) PAT (2, inf, aby, zda, že, cont; opt), кроме облигаторных свободных дополнений – типичные (typ), ср. чеш. *blahopřát* [рус. поздравлять] АСТ (1; obl) PAT (4; obl) CAUS (k + 3; typ), чеш. *cítit se* [рус. чувствовать себя] АСТ (1; obl) MANN (; obl)⁶. Описание валентностной структуры данной лексической единицы не может, конечно, содержать перечень всех типичных свободных дополнений, поэтому указаны только некоторые из них (особенно те, которые могут быть полезны для целей автоматического перевода). Словарная статья содержит парافразу значения данной лексической единицы (синоним), примеры, информацию о контроле, о возможности вступать в так называемые диатезы или о способности образовать рефлексивные формы другого типа, у некоторых лексических единиц – о семантическом классе предиката.

В настоящее время в рамках совместного проекта Института общей и прикладной лингвистики МФФ УК и Славянского института Академии наук Чешской Республики в Славянском институте ведется работа по описанию русских и польских эквивалентов некоторых чешских глаголов в словаре VALLEX. Выбор глаголов основывается на их способности вступать в конструкции, которые находятся между собой в отношениях лексикализованной альтернативы. Альтернатива – это отношение двух конструкций, обозначающих одну и ту же ситуацию, но отличающихся друг от друга соответствием участников ситуации и единиц семантического плана и – вследствие этого – единиц семантического и синтаксического планов. Таким образом, одна и та же ситуация оказывается структурирована различным образом. Средства структурирования могут быть лексико-семантические (лексикализованные альтернативы) или грамматические (грамматикализованные альтернативы, диатезы – см. ниже) [6; 81], [8]. Лексикализованные альтернативы носят:

а) конверсивный характер – лексико-семантические конверсии, например: *Otec vyložil auto.* – *Otec vyložil kufry z auta* [рус. Отец разгрузил машину. – Отец выгрузил чемоданы из машины];

б) неконверсивный характер:

– разное выражение участника ситуации, например: рус. *Павла поселили в общежитие.* – *Павла поселили в общежитии;*

– структурный распад участника ситуации, например: чеш. *Viděl tatínka přicházet.* – *Viděl, jak tatínek přichází* [*Он видел папу приходить. – Он видел, как папа приходит] [6], [8], [11], [20].

После подбора чешских лексических единиц производится поиск эквивалентных русских и польских лексических единиц и их подробное описание. В качестве примеров в словаре приводятся контексты из Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [2] и Национального корпуса польского языка (Narodowy Korpus Języka Polskiego, далее – NKJP) [15], иногда используются примеры из Интернета или носителей языка.

При разработке русской и польской частей необходимо обращать внимание на несколько проблем:

а) Эквиваленты. Двух- и трехязычный словарь валентностей должен прежде всего содержать синтаксическую и семантическую информацию о валентностных свойствах глагола в данном языке. В то же время важны также межязыковые отношения: для потенциальных сопоставительных исследований необходим тщательный подбор эквивалентов.

б) Видовые пары русских и польских эквивалентов. Важно, что члены видовой пары отличаются друг от друга только видом, лексическое значение у них одинаковое⁷.

в) Грамматикализованные альтернативы (диатезы). Одной из характеристик лексической единицы является ее способность вступать в разные типы так называемых диатез.

В характеристику глагольной лексической единицы входит также описание возможности ее дополнений вступать в отношения взаимности (reciprocity). Описание осложняется тем, что разные языки выражают это явление при помощи различных средств. Концепция словаря VALLEX исходит из системы чешского языка, в котором выражению этих отношений в большой степени служат грамматические средства, включая форму глагола, между тем как в русском языке используются прежде всего лексические средства (друг друга). Необходимо искать решения, каким образом можно сохранить в словаре информацию о взаимности, не нарушая первоначальной концепции.

В словаре можно найти много материала для сопоставительного изучения морфологических, синтаксических и семантических свойств глаголов в исследуемых нами языках:

а) разница в форме: чеш. *schovávat se* АСТ (1; obl) PAT (**před** + 7; opt) LOC (; typ) DIR3(; typ) ~ рус. *прятаться* АСТ (1; obl) PAT (**от** + 2; opt) LOC (; typ) DIR3(; typ);

б) разница в возможности поверхностной реализации актанта: у глаголов, обозначающих очищение поверхности предмета от другого предмета, в польском языке, в отличие от чешского, можно в некоторых случаях на поверхностном языковом уровне выразить и реализацию устраняемой субстанции: ср. польск. *oblupywać, obłupać* [рус. чистить, очистить], *obierać, obrać*

[рус. чистить, очистить] АСТ (1; obl) PAT (4; obl) **ORIG (z + 2; opt)**, в отличие от чеш. *oloupat* АСТ (1; obl) PAT (4; obl). *Oblupal go [kasztan] z zielonej luski i podał Helenie* (NKJP). – *Oloupal kaštan a podał ho Heleně*;

в) разница в диатезах: главная проблема при описании русских и польских лексических единиц заключается в том, что в русском и польском языках существуют глагольные конструкции (особенно возвратные), которые нельзя отнести ни к одной из этих диатез, ср. рус.: *Издалька как бы лучше выдилось и ценилось* (НКРЯ) [3; 185–186]; также польские возвратные структуры типа *A sprząta się głównie butelki po alkoholu* (NKJP) [рус. Убирают прежде всего бутылки из-под алкоголя] вряд ли можно отнести к деагентной (с рефлексивной глагольной формой) диатезе чешского типа (при изменении диатезы в чешских и русских структурах первичный объект в винительном падеже трансформируется в объект в именительном падеже, в отличие от этого в польском языке объект сохраняет форму винительного падежа⁸);

г) разница в возможности образовать лексикализованную альтернативу: русские и польские глаголы движения не обладают способностью образовать альтернативу с разным выражением

участника ситуации ~ место, которое является точкой отправления или целью. На семантическом уровне место реализовано в чешском языке в виде пациенса или дополнения направления DIR1 «откуда» или DIR3 «куда»: чеш. *vyjít* АСТ (1; obl) **DIR3(; obl)**⁹ *Pavel vyšel na kopeč*. – АСТ (1; obl) **PAT (4; obl)** *Pavel vyšel kopeč*. В польском и русском языках возможна только структура АСТ (1; obl) **DIR3(; obl)**: польск. *wyjsć*: *Paweł wyszedł na górę*. – рус. *подняться*: *Павел поднялся на пригорок*.

Благодаря описанию русских и польских эквивалентных глагольных значений словарь валентностей чешских глаголов VALLEX может стать базой для сопоставительных описаний морфологических, а особенно синтаксических и семантических свойств глагола в исследованных языках. Мы надеемся, что в будущем появится возможность для описания более широкой группы глаголов и VALLEX можно будет считать трехязычным словарем валентностей.

Автор благодарна коллегам К. Вацуловой, А. Филас, М. Подобовой и Б. Голчаковой за поиск и проверку примеров и Н. Занегиной за консультацию и помощь при языковом оформлении текста.

* Работа была поддержана грантом GA ČR P406/12/0557 «Lexikografické zpracování syntaktických a sémantických vlastností sloves v češtině».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гораздо меньше в лексикографии разработана проблематика валентностей имен существительных и прилагательных. В некоторых словарях сочетаемостей слов можно узнать форму, одушевленность / неодушевленность и конкретизацию лексических заполнителей дополнений существительных или прилагательных, в них, однако, не приводится другая информация (например, семантические характеристики – кроме вышеприведенной одушевленности / неодушевленности, – семантические роли, облигатность дополнений и т. п.). Ср. Введение в «Slovník slovesných, substantivních a adjektivních spojení» [25; 9], где авторы сравнивают концепцию словаря с другим трудом того же коллектива – словарем валентностей чешских глаголов «Slovesa pro praxi» [24].

² Такие словари возникли в последнее время в качестве приложений к докторским диссертациям, ср. [1], [28]. В 80-х и 90-х годах XX века был разработан проект чешско-польского словаря валентностей глаголов, теоретическую концепцию которого см. в [21], [26]. На основании этой концепции возникло подробное описание чешских и польских глаголов говорения [5].

³ С определенной долей упрощения можно сказать, что лексемой считается совокупность всех значений данного глагола в совершенном и несовершенном виде. Лексема описана в отдельной словарной статье. В последующем тексте будем употреблять термин «лексическая единица», которая представляет собой отдельное значение данной лексемы и относится к отдельному фрейму.

⁴ См. [4], в данном случае был использован подкорпус SYN2000.

⁵ Теория функционального генеративного описания различает только эти пять «функторов». Это не семантические роли в узком смысле слова, определение функтора зависит также от количества актантов.

⁶ CAUS = свободное дополнение причины, MANN = свободное дополнение способа.

⁷ Несмотря на это, существуют глаголы, у которых некоторые значения свойственны только одному члену видовой пары. Словарь VALLEX эту информацию, конечно, содержит, однако описывает оба члена видовой пары в одной словарной статье, в отличие от намерений Г. Орденги, автора статьи [14; 123–124].

⁸ В стороне пока оставляем интереснейшие конструкции типа *To kiedy budować się zaczniemy?* (NKJP), [рус. Когда мы начнем / начнут строить наш дом?], так как на данном этапе работы эта проблематика не касается группы нами исследованных глаголов. Ср. [13].

⁹ С целью упрощения не приводим в этом месте целый фрейм, опускаем свободное дополнение цели, которое для нашего изложения значения не имеет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голчакова Б. Валентность глаголов помещения в русском, чешском и немецком языках: Дис. ... д-ра филол. наук. Филологический факультет Масарыкова университета. Брно, 2011. 163 с. + 539 с. словаря.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
3. Русский синтаксис в сопоставлении с чешским / Под ред. М. Кубика. Прага, 1982. 283 с.

4. Český národní korpus. Available at: <http://www.korpus.cz>
5. Greń Z. *Semantyka i składnia czasowników oznaczających akty mowy w języku polskim i czeskim*. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994. 425 s.
6. Kettnerová V. Lexikálně-sémantické konverze ve valenčním slovníku. MFF UK, Praha, 2012. 220 p.
7. Kettnerová V., Lopatková M. Changes in Valency Structure of Verbs: Grammar vs. Lexicon. J. Levická, R. Garabík (eds.). *NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research [Proceedings of Slovo]*. 2009. Bratislava, Slovak National Corpus, L. Štúr Institute of Linguistics, Slovak Academy of Science, 2009. P. 198–210.
8. Kettnerová V., Lopatková M., Bejček E. The Syntax-Semantics Interface of Czech Verbs in the Valency Lexicon. Fjeld R. V., Torjusen, J. M. *Proceedings of the 15th Euralex International Congress*, 2012. P. 434–443. Available at: http://www.euralex.org/proceedings-toc/euralex_2012/
9. Lopatková M. Valency Lexicon of Czech Verbs: Towards Formal Description of Valency and Its Modeling in an Electronic Language Resource. Habilitation. Charles University in Prague, Faculty of Mathematics and Physics. Prague, 2010. 171 p.
10. Lopatková M., Kettnerová V. The Representation of Diatheses in the Valency Lexicon of Czech Verbs / H. Loftsson, E. Rögnvaldsson, S. Helgadóttir (eds.). *IceTAL 2010, LNAI 6233*. Berlin, Springer-Verlag, 2010. P. 185–196.
11. Lopatková M., Kettnerová V. Lexikalizované alternace // *Mluvnice současné češtiny*. 2. Syntax na základě anotovaného korpusu. Praha, Karolinum (in print).
12. Lopatková M., Žabokrtský Z., Kettnerová V. Valenční slovník českých sloves. Praha, Karolinum, 2008. 381 s. Available at: <http://ufal.mff.cuni.cz/vallex/>
13. Kubinski W. Reflexivization in English and Polish: An Arc Pair Grammar Analysis. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1987. 127 s.
14. Ordęga G. Problem aspektu w leksykografii. Walencja czasownika a problemy leksykografii dwujęzycznej. Wrocław etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991. S. 117–124.
15. Narodowy Korpus Języka Polskiego. Available at: <http://www.nkjp.pl>
16. Panevová J. On Verbal Frames and the Meaning of the Sentence. *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*. 1974. P. 33–40; 1975. P. 17–52.
17. Panevová J. Formy a funkce ve stavbě české věty. Praha, Academia, 1980. 222 s.
18. Panevová J. Valency Frames and the Meaning of the Sentence. Luelsdorff P. A. (ed.). *The Prague School of Structural and Functional Linguistics*, Amsterdam, Benjamins Publ. House, 1994. P. 223–243.
19. Panevová J. Ještě k teorii valence. *Slovo a slovesnost*. 1998. 59. 1. S. 1–13.
20. Panevová J. et al. *Mluvnice současné češtiny*. 2. Syntax na základě anotovaného korpusu. Praha, Karolinum (in print).
21. Rytel-Kuc D., Greń Z., Ordęga G. Koncepcja czesko-polskiego słownika walencyjnego czasowników. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej* 31. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1993. S. 175–192.
22. *Slovník jazyka polského* / Pod red. M. Szymczaka, PWN. Warszawa, 1992.
23. Straňáková-Lopatková M., Žabokrtský Z. Valenční slovník stokrát jinak: co je pod povrchem? / Z. Hladká, P. Karlík (eds.). *Čeština – univerzália a specifika 4*, Praha, Lidové noviny, 2002. S. 361–363.
24. Svozilová N., Prouzová H., Jirsová A. *Slovesa pro praxi*. Praha, Academia, 1997. 359 s.
25. Svozilová N., Prouzová H., Jirsová A. *Slovník slovesných, substantivních a adjektivních spojení*. Praha, Academia, 2005. 579 s.
26. Walencja czasownika a problemy leksykografii dwujęzycznej. Wrocław etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991. 177 s.
27. Žabokrtský Z. Valency Lexicon of Czech Verbs. PhD thesis, Charles University, Prague, 2005. 119 p.
28. Živko M. Morfoložko sintaktička valencija glagola u hrvatskom i češkom jeziku te češko hrvatski valencijski rječnik glagola. Disertační práce. FF UK Praha, 2010.

Stkarska K., Slavonic Institute of the Academy of Science of Czech Republic (Prague, Czech Republic)

SYNTACTIC AND SEMANTIC ATTRIBUTES OF RUSSIAN, POLISH, AND CZECH VERBS IN VALENCY LEXICON VALLEX

The Valency Lexicon of Czech Verbs *VALLEX* is put together by the Faculty of Mathematics and Physics of the Institute of Formal and Applied Linguistics of Charles University in Prague. The process was started in 2001. *VALLEX* is available both in printed (2008) and electronic versions (free of charge). At present, Russian and Polish counterparts of some Czech verbal lexical units are defined for *VALLEX* in the Institute of Slavonic Studies of the Academy of Sciences of Czech Republic. The article presents basic rules of the Czech lexical units' selection and ways of searching for their counterparts – a lexical unit capable of being a part of lexicalized alternations. It shows problems related to defining Russian and Polish lexical units: correct choice of counterparts, approach to aspectual counterparts, application of the Czech system of diatheses to description of the Russian and Polish verbs. *VALLEX* with Polish and Russian counterparts will provide great material for comparative research of morphological, syntactic, and semantic properties of the verbs from these languages: differences in the forms of inner participants or free modifications, possibility of superficial realization, ability to be a part of grammaticalized or lexicalized alternations.

Key words: syntactic properties of a verb, semantic properties of a verb, valency, valency lexicon, comparative research of Slavonic languages

REFERENCES

1. Golchakova B. *Valentnost' glagolov pomescheniya v ruskom, cheshskom i nemeckom yazykakh: Dis. d-ra filol.nauk* [Valency of location verbs in Russian, Czech and German. PhD. phil. sci. diss.]. Filologicheskii fakul'tet Masarykova universiteta, Brno, 2011, 163 p. + 539 p. of Dictionary
2. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>
3. *Russkiiy sintaksis v sopostavlenii s cheshskim* [Russian Syntax in comparison with Czech]. Pod red. M. Kubika. Praga, 1982. 283 s.
4. *Český národní korpus* [Czech National Corpus]. Available at: <http://www.korpus.cz>
5. Greń Z. *Semantyka i składnia czasowników oznaczających akty mowy w języku polskim i czeskim* [Semantics and Syntax of Verbs of Communication in Polish and Czech]. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994. 425 s.

6. Kettnerová V. *Lexikálně-sémantické konverze ve valenčním slovníku* [Lexical-semantic conversions in Valency Lexicon. Ph.D. thesis] MFF UK, Praha, 2012. 220 p.
7. Kettnerová V., Lopatková M. Changes in Valency Structure of Verbs: Grammar vs. Lexicon. J. Levická, R. Garabík (eds.). *NLP, Corpus Linguistics, Corpus Based Grammar Research* [Proceedings of Slovko]. 2009. Bratislava, Slovak National Corpus, L. Štúr Institute of Linguistics, Slovak Academy of Science, 2009. P. 198–210.
8. Kettnerová V., Lopatková M., Bejček E. The Syntax-Semantics Interface of Czech Verbs in the Valency Lexicon. Fjeld R. V., Torjusen J. M. *Proceedings of the 15th Euralex International Congress*. 2012. P. 434–443. Available at: http://www.euralex.org/proceedings-toc/euralex_2012/
9. Lopatková M. *Valency Lexicon of Czech Verbs: Towards Formal Description of Valency and Its Modeling in an Electronic Language Resource*. Habilitation. Charles University in Prague, Faculty of Mathematics and Physics. Prague, 2010. 171 p.
10. Lopatková M., Kettnerová V. The Representation of Diatheses in the Valency Lexicon of Czech Verbs / H. Loftsson, E. Rögnvaldsson, S. Helgadóttir (eds.). *IceTAL 2010*, LNAI 6233. Berlin, Springer-Verlag, 2010. P. 185–196.
11. Lopatková M., Kettnerová V. Lexikalizované alternace // *Mluvnice současné češtiny. 2. Syntax na základě anotovaného korpusu* [Lexicalized alternations // Grammar of contemporary Czech. 2. Syntax based on annotated corpus]. Praha, Karolinum (in print).
12. Lopatková M., Žabokrtský Z., Kettnerová V. *Valenční slovník českých sloves* [Valency Lexicon of Czech Verbs]. Praha, Karolinum, 2008. 381 s. Available at: <http://ufal.mff.cuni.cz/vallex>
13. Kubiński W. *Reflexivization in English and Polish: An Arc Pair Grammar Analysis*. Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1987. 127 s.
14. Ordega G. Problem aspektu w leksykografii. *Walencja czasownika a problemy leksykografii dwujęzycznej* [The Problem of Aspect in Lexicography. In: Valency of Verbs and Problematics of Bilingual Lexicography]. Wrocław etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991. S. 117–124.
15. *Narodowy Korpus Języka Polskiego* [National Corpus of Polish]. Available at: <http://www.nkjp.pl>
16. Panevová J. On Verbal Frames and the Meaning of the Sentence. *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*. 1974. P. 33–40; 1975. P. 17–52.
17. Panevová J. *Formy a funkce ve stavbě české věty* [Forms and Functions in the Structure of Czech Sentence]. Praha, Academia, 1980. 222 s.
18. Panevová J. Valency Frames and the Meaning of the Sentence. Luelsdorff P. A. (ed.). *The Prague School of Structural and Functional Linguistics*. Amsterdam, Benjamins Publ. House, 1994. P. 223–243.
19. Panevová J. Ještě k teorii valence [Once more to the Valency Theory]. *Slovo a slovesnost*. 1998. 59. 1. S. 1–13.
20. Panevová J. et al. *Mluvnice současné češtiny. 2. Syntax na základě anotovaného korpusu* [Grammar of contemporary Czech. 2. Syntax based on annotated corpus]. Praha, Karolinum, in print.
21. Rytel-Kuc D., Greň Z., Ordega G. Koncepcja czesko-polskiego słownika walencyjnego czasowników [The Conception of Czech-Polish Valency Lexicon of Verbs]. *Studia z filologii polskiej i słowiańskiej 31*. Warszawa, Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1993. S. 175–192.
22. *Słownik języka polskiego* [Polish Dictionary] / Pod red. M. Szymczaka, PWN. Warszawa, 1992.
23. Straňáková-Lopatková M., Žabokrtský Z. Valenční slovník stokrát jinak: co je pod povrchem? [Valency Lexicon: What can be found under the Surface?] / Z. Hladká, P. Karlík (eds.). *Čeština – univerzálie a specifika 4*. Praha, Lidové noviny, 2002. S. 361–363.
24. Svozilová N., Prouzová H., Jirsová A. Slovesa pro praxi. Praha, Academia, 1997. 359 s. [Verbs for Practice].
25. Svozilová N., Prouzová H., Jirsová A. Slovník slovesných, substantivních a adjektivních spojení [Lexicon of verbal, substantive and adjectival phrases]. Praha, Academia, 2005. 579 s.
26. *Walencja czasownika a problemy leksykografii dwujęzycznej* [Valency of Verbs and Problems of Bilingual Lexicography]. Wrocław etc., Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1991. 177 s.
27. Žabokrtský Z. Valency Lexicon of Czech Verbs. PhD thesis, Charles University, Prague, 2005. 119 p.
28. Živko M. Morfoložko sintaktička valencija glagola u hrvatskom i češkom jeziku te češko hrvatski valencijski rječnik glagola. Disertační práce [Morpho-syntactic Valency of Verbs in Croatian and Czech and Czech-Croatian Valency Lexicon. PhD. Thesis]. FF UK Praha, 2010.

Поступила в редакцию 28.10.2013

ЛАРИСА ЛЕОНИДОВНА ШЕСТАКОВА

доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва, Российская Федерация)
lara.shestakova@mail.ru

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА В ЛЕКСИЧЕСКОМ ФОНДЕ ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (по материалам сводного словаря поэтического языка)

Устаревшие слова составляют значительную часть лексического фонда поэзии Серебряного века. Отмечаемые практически у всех поэтов эпохи, они требуют сегодня специального внимания. Незнание их смысла, культурно-исторических коннотаций может препятствовать адекватному восприятию современным читателем произведений Серебряного века. Реализуется метод изучения устаревшей лексики по данным сводных словарей поэтического языка. В качестве источника выбран «Словарь языка русской поэзии XX века», описывающий язык 10 авторов – от Анненского до Цветаевой. Систематизация материалов V тома Словаря показала, что массив устаревших слов формируют преимущественно архаизмы разных типов: собственно лексические (*народоправство* 'демократия'), семантические (*ничтожество* 'небытие'), лексико-фонетические (*нейрастения*), лексико-словообразовательные (*небредь*) и др. Эта лексика неоднородна в стилистическом отношении, включает слова разных пластов русского языка (книжн. *невозбранно*, прост. *невтерп* и т. п.). Большинство устаревших слов носят единичный характер, некоторые встречаются у двух-трех поэтов, отдельные (общепоэтические) – у всех авторов, представленных в Словаре (*огнь*, *око*, *пажить*). Место и роль устаревших слов в лексиконе Серебряного века уточняются путем соотнесения их с актуальными словами. В ряде случаев фиксируется только архаизм, становящийся единственным выразителем конкретного смысла (например, отмечено существительное *непокорство* при отсутствии парного *непокорность*). Однако чаще словарные материалы демонстрируют употребление пары слов – современного и архаичного (например, у Пастернака *отмета* и *отметина*), за счет чего происходит наращение смыслов и усиление мотивов. Выводы исследования, касающиеся состава, типов устаревших слов, их семантического и иного структурирования, дополняются наблюдениями функционального характера. Отмечены оригинальное образное осмысление историзмов и архаизмов, их включение в рифменные и другие звуковые связи, обусловленность ими аллюзийного, афористического характера поэтических строк.

Ключевые слова: Серебряный век, поэтический язык, лексический фонд, устаревшие слова, словарь поэтического языка

Одно из отражений многомерности языка поэзии Серебряного века – это сложная структура его лексического фонда. Частью данной структуры являются единицы класса устаревших слов (см. об этом, например, [3]). Наличие подобных единиц у разных (и фактически у всех) авторов Серебряного века позволяет рассматривать практику использования архаической лексики как общую черту поэтического словоупотребления эпохи – менее яркую, чем словотворчество, но не менее важную для выявления, оценки значимости как тем и мотивов, так и использованных в их раскрытии языковых ресурсов. Именно устаревшие слова, принадлежащие, наряду с новыми, к пассивному запасу языка, для сегодняшнего читателя поэзии начала XX века могут представлять трудность, влияющую на понимание стихотворных текстов этого периода.

В методическом отношении для изучения и целостного лексического фонда поэзии Серебряного века, и его частей продуктивен «отсловарный» подход, точнее, подход, основанный на материалах словарей поэтического языка эпохи.

В первую очередь имеются в виду сводные словари, базирующиеся на творчестве ряда авторов, ибо содержащийся в них значительный фактический материал способствует большей активизации получаемых результатов. Покажем далее, каким образом реализуется такой подход с опорой на данные «Словаря языка русской поэзии XX века» [1]. Словарь являет собой, по сути, тезаурус языка 10 выдающихся русских поэтов, среди которых Анненский (в словарных статьях и здесь далее – Анн), Ахматова (Ахм), Блок (АБ), Есенин (Ес), Кузмин (Куз), Мандельштам (ОМ), Маяковский (М), Пастернак (П), Хлебников (Хл), Цветаева (Цв). Как видно, это поэты, принадлежавшие разным литературным направлениям, в связи с чем Словарь может считаться репрезентативным в отношении поэтического языка конца XIX – первой трети XX века.

В своей основе Словарь языка русской поэзии является конкордансом. Однако важнейшая его установка, в отличие от традиционных конкордансов, – комментировать при необходимости особенности слова, выявлять и снимать потен-

циальные трудности его восприятия. Устаревшие слова – это как раз тот класс единиц, которые обычно сопровождаются пометой *устар.* и кратким пояснением (в случаях с историзмами это обычно только пояснение).

На данный момент вышли четыре тома Словаря, находится в печати пятый. В общей сложности они содержат около 30 тыс. заголовочных единиц. Каждый из вышедших томов Словаря включает определенный набор устаревшей лексики. По ее объему, составу, классификационным характеристикам интересен и показателен том V (буквы Н, О и начало П) [2], поэтому в статье будут использованы в основном материалы этого тома.

«Словарь языка русской поэзии XX века» ориентирован и на рядового носителя современного языка. Поэтому принцип комментирования распространяется и на те слова, которые были устаревшими в момент написания произведений, и на те, которые устарели позднее. Каждая из этих групп слов по-своему ценна для исследования: именно в связи с первой можно говорить о намеренном, установочном использовании архаической лексики, слова же второй группы интересны своей фиксацией в поэтическом языке на этапе (или предэтапе) их устаревания.

Выборка и первичная систематизация примеров соответствуют традиционному делению устаревших слов на историзмы и архаизмы, правда, с определенными акцентами. Число историзмов в целом невелико, при этом отмечаются как известные слова (в силу исторической, социальной и т. п. значимости передаваемых ими понятий, реалий), так и редкие, едва ли знакомые обычному читателю. С одной стороны, это *оброк*, *офеня*, с другой, например, встречающиеся у Хл *опашень* ‘в Др. Руси – летняя верхняя одежда’ или *опришки* ‘участники народно-освободительной борьбы в Галичине (с XVI века)’. В эту группу попадает и слово *омнибус* ‘конный многоместный экипаж для перевозки пассажиров’, отмечаемое у Маяковского в стихотворении 1924 года «Тамара и Демон»: От этого Терека / в поэтах / истерика. / Я Терек не видел. / Большая потерйка. / Из *омнибуса* / вразвалку / сошел, / поплеывал / в Терек с берега, / совал ему / в пену / палку. (Отметим, что данный вид городского общественного транспорта характерен для второй половины XIX века, но в Петербурге существовал до 1914 года).

Наряду с историзмами, тематическое и смысловое пространство поэзии Серебряного века расширяют собственно лексические и семантические архаизмы. Ср. в первом случае: *назём* ‘навоз’ (П), *народоправство* ‘демократия’ (Цв), *насад* ‘плоскодонное судно’ (Хл), *насельник* ‘коренной житель’ (Хл), *невступно* ‘почти’ (П), *обстать* ‘окружить’ (АБ), *осаднить* ‘покрыть ссадинами’ (Ес), *острастит* ‘причинить стра-

дания’ (Цв), *паки* ‘опять, снова’ (Куз, Хл), *пахитоса* ‘папираса’ (ОМ) (вот несколько примеров из предыдущих томов Словаря: *бирюч* ‘глашатай’, *дикомыть* ‘ловчая птица’, *дремь* ‘чаща’, *кафля* ‘изразец’, *ландкарта* ‘географическая карта’). И во втором: *наверно* и *наверное* в значении наречия ‘несомненно, точно’ (Анн, АБ), *некогда* ‘когда-нибудь, в будущем’ (Хл), *ничтожество* ‘небытие’ (Хл, П), *ножницы* ‘ножны’ (Хл), *опахало* ‘веер’ (Цв), *отрасль* ‘потомок’ (Хл).

Словарь фиксирует множество примеров, иллюстрирующих разновидности лексических архаизмов. Из лексико-фонетических это: *нарицать* ‘нарекать’ (Хл), *нейрастения* (АБ), *ночь* (Ес), *номер* (Анн, Цв) (в предыдущих томах: *зерцало*, *глад*, *златой*, *младой* и т. п.). Данный ряд расширяется за счет слов с устаревшим ударением: *нέктар* (П, Цв), *несчáсливый* (ОМ), *неу́жели* (Цв) и под. (обратим внимание на то, что слово *нέктар* встречается только с ударением на первом слоге, иногда проставленным автором: Был дик Открывшийся с обрыва сектор Земного шара, и дика Необоримая рука, Пролившая соленый *нέктар* В пространство слепнущих снастей (П); Так предоставьте же сладкий кус Обыкновенным смертным! Ваша амброзия слаще уст Женских, и чище – *нέктар* (Цв)). Ср. также орфографические архаизмы: *павилика* (АБ), *панцырь* (АБ, М), *пас* (т. е. пасс, Цв).

Лексико-словообразовательные архаизмы можно проиллюстрировать словами: *наручни* ‘наручники’ (П), *начаток* ‘начало’ (П), *небречь* ‘пренебрегать’ (Куз), *неперерывный* ‘непрерывный’ (Цв), *неплодный* ‘бесплодный’ (Куз), *отдышка* ‘передышка’ (П), *ответствовать* ‘отвечать’ (АБ, Хл, Цв, Ахм), *нав* ‘павлин’ (Цв) (ср. также *азиатец* ‘азиат’, *еретица* ‘еретичка’). Заметное число в поэтических текстах лексико-фонетических и лексико-фразеологических архаизмов можно связать, по-видимому, с их двойственной природой: они архаичны в своей основе, поэтому привносят в произведение дополнительные коннотации, в то же время семантически достаточно прозрачны.

Представление о месте и роли устаревших слов в поэтическом лексиконе заостряется при соотнесении с ними актуальных слов. В некоторых случаях фиксируется только архаизм, становящийся единственным выразителем конкретного смысла. Например, в Словаре находим существительное *непокорство* (Хл) при отсутствии парного *непокорность*. Однако чаще словарные материалы демонстрируют употребление пары слов – современного и архаичного, за счет чего происходит своего рода наращение смыслов и усиление мотивов. В одних случаях это отмечается у отдельных поэтов. Так, у Пастернака в ранних стихах встречается устаревшее *отмета*: От укутанных в облёжку В пух, в обтяжку в пух одетых Сумрак крался быстрой кошкой, Кошкой

в дымчатых *отметах* (1909–20-е), в зрелых – *отметина*: Что означала в черной раме Четырехпалая *отметина*? Кого напоминало пламя И выломанные паркетины? (1944). Слово *насилие* / *насилъе* встречается в строках АБ, Куз, ОМ, М, П и Хл, а устаревшее стилистически нагруженное *насилъство* – только у Хл. Ср. его строки: Я славлю лет его *насилий*, Тех крыл, что в даль меня носили, Свод синезначимой свободы, Под круги солнечных ободий (1908) – и: То Смута. Годы лихолетья и борьбы, *Насилъств*, походов и вражды ([1912–13]). В других случаях мы видим распределение в употреблении поэтами актуальной и устаревшей лексем. Так, прилагательное *насилъственный* использовано ОМ и П, а *насилный* (примерно в том же значении) – Цв. Ср. интересную переключку таких строк: И вместо земных *Насилных* небес – Небесных земель Синь (Цв, 1931) – Лишив меня морей, разбега и разлета И дав стопе упор *насилъственной* земли, Чего добились вы? (ОМ, 1935).

Словник сводного поэтического словаря показывает, что устаревшие и современные лексемы вступают в языке поэзии и в отношения омонимии. Например, глагол *опешишь* ‘сделать пешим’ один раз использован Хл: Когда на камнях волос чешет Русалочий прозрачный пол И прячется в деревьях липы, Конь всадника вечернего *опешишь*, а *опешишь* ‘растеряться’ (разг.) – П (в метафорическом контексте): А над обрывом, стих, твоя *опешишь* Зарвавшаяся страстность муравья, Когда поймешь, чем море отмель крешет, Поскальзываясь, шаркая, ревя. Показательные примеры архаизмов, омонимы к которым остаются за пределами лексикона выбранных поэтов, но всплывают в сознании читателя. Так, глагол *осунуться* находим у П только в значении ‘погрузиться в воду’: А рябь! Как будто рыболова Свинцовый грузик заскользил, *Осунулся* и лег на ил, а существительное *оператор* у Цв в значении ‘хирург’: Тело, что все свои двери заперло – Тщетно! – уж ядра поют вдоль жил. С точностью сбирра и *оператора* Все мои раны – сон перерыл! (*сбирр*, уточним, – это итал. ‘сыщик, полицейский’).

Приведенные выше группы архаизмов дополняются примерами отдельных форм архаичного звучания. Так, в пространной статье к слову *небо* встречаются контексты с церковно-славянской формой предложного падежа *небеси*. Все они принадлежат Хл, более других из представленных в Словаре поэтов склонного к архаизации своего языка. См., например: Клещи, зрачками, оловянные, Сквозь сумрак проблистав, Как воль других устав. Они, как полумесяц, блещут на *небеси*, Змеей из серы вынырнув удушливого чада.

Словарь языка русской поэзии не ставит себе задачей последовательное описание устойчивых сочетаний. Однако некоторые из устаревших сочетаний извлекаются из материалов статей и на

архаизмы, и на слова активного употребления. Например, к архаизму *охулка* кроме определения значения ‘хула, осуждение’ приводится сочетание *охулки на руку не класть* ‘не упускать своей выгоды’, образно употребленное П: Опять к обеду на прогулке Наступит темень, просто страсть. Опять научит переулки *Охулки на руки не класть*. При слове *нети* указывается, что оно встречается только в форме *в нетях* (быть, числиться) ‘об отсутствующем’. Примеры иного рода дают статьи к словам *отворить* и *открыть*, в иллюстрациях к которым содержатся устаревшие сочетания *отворить*, *открыть жилы*, *отворить кровь* ‘пустить кровь’ (устар.), ‘сделать кровопускание’: А в наши дни и воздух пахнет смертью: Открыть окно что *жилы отворить* (П); Но еще слаще, / еще мудрее, / <...> в теплой душистой ванне, / не слыша никаких прощаний, / *открыть* себе *жилы* (Куз).

В общем массиве устаревших единиц, образцованном словарными материалами, выделяются лексемы с двойными стилистическими пометами. Ср.: *невозбранно* ‘беспрепятственно’ (устар. книжн.), *немотствовать* ‘безмолствовать’ (устар. книжн.), *невтерпеть* ‘невтерпеть’ (устар. прост.), *непогодный* ‘непогожий’ (устар. разг.), *никалаевка* ‘бумажный кредитный билет царствования Николая II’ (устар. разг.). Соединение помет союзом *и* указывает на использование слова в какой-то части современного языка, например: *ночевье* ‘ночевка’ (устар. и обл.), *облыжный* ‘заведомо ложный’ (устар. и прост.), *опричь* ‘кроме’ (устар. и обл.). Некоторые примеры подобного рода достойны специального упоминания. Так, в пояснении к слову *невыразимые* говорится: «иносказательно о кальсонах, брюках», при этом стоит двойная помета *устар. разг.* В качестве иллюстрации выступают олицетворенные строки Хл: И начинает казаться, что нет ничего невообразимого, Что в этот час Море гуляет среди нас, Надев голубые *невыразимые*.

При всей лексико-семантической пестроте корпуса устаревших слов его можно структурировать тематически и семантически. Не детализируя сейчас данный вопрос, отметим, что этой лексикой объемлется (что видно из приводившихся примеров) прежде всего человек в разных своих проявлениях – свойствах, наклонностях, действиях, видах деятельности, восприятии мира и т. п., а также природа – важнейший компонент поэтической картины мира. В соответствии с этим можно поставить полноту представления рассматриваемой лексики в частеречном отношении. Кроме существительных, прилагательных (в том числе субстантивированных: *неизреченная*), глаголов (в том числе в формах причастия и деепричастия: *напоющий*, *оран* от *орать* ‘пахать’, *опочив*), здесь отмечаются местоимения (например, указательное местоимение *оный* и его краткая форма *он*), наречия

(*невсыть* ‘не до насыщения’, *немотно* ‘тихо, безмолвно’, *окрест*, *отвсюду*), предлоги в устаревших конструкциях (*об эту пору*, *об одном крыле*, *об одном башибаке*) и др.

Иллюстративный материал показывает, что большое число устаревших слов носит в поэзии Серебряного века единичный характер. Однако часть слов, и не только из общепозетического фонда, использовалась неоднократно многими поэтами. Это такие разные лексемы, как *огнь*, *одр*, *око*, *окрест*, *опочить* (и *опочивальня*), *ответствовать*, *пажить* и др. Статьи к ним дают богатый материал для разного рода сопоставлений, выявляющих общее и индивидуальное в словоупотреблении поэтов. Характерными чертами здесь являются оригинальное образное осмысление историзмов и архаизмов, их включение в рифменные и другие звуковые связи, обусловленность ими аллюзийного, афористического характера строк и т. д. Приведем в заключение несколько примеров, иллюстрирующих сказан-

ное: Тяжек мартовский *оброк*: Земли – цепи горны – Ну и карточный игрок! Ну и стол игорный! (Цв); Нега Снега, О, не у тех! В *опашине* клеста, В рядне снегиря Тайна утех (Хл); Так хорошо побыть без слов, Когда до капли *оцет* допит... Цикада жадная часов, Зачем твой бег меня то-ропит? (Анн) (*ср.* евангельское выражение *напоить оцтом и желчью* ‘приносить страдания, мучения, отравлять существование кому-либо’); Стояло утро, летнего теплей, И ознаменовалось первой крупной Головомойкой в жизни тополей, Которым сутки стукнуло *невступно* (П); Мой голос глух, мой волос сед, Черты до ужаса недвижны. Со мной всю жизнь – один Завет: Завет служенья *Непостижной* (АБ); Уведу твой народ от упования, Дам ему веру и мощь, Чтобы плугом он в зори ранние Распахивал с солнцем *ночь* (Ес); Сего афричонка в науку Взяв, всем россиянам носы Утер и наставил, – от внука – то *негрского* – свет на Руси! [о Петре I и Пушкине] (Цв).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IV / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2001–2010.
2. Словарь языка русской поэзии XX века. Т. V / Отв. ред. Л. Л. Шестакова. М.: Языки славянской культуры, 2013. 1016 с.
3. Черных Н. Д. Лексическая структура поэтического языка литераторов Серебряного века: опыт сопоставления: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 22 с.

Shestakova L. L., V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russian Federation)

OBSELETE WORDS IN LEXICAL FUND OF SILVER AGE POETRY (ON MATERIALS OF COMPOSITE DICTIONARY OF POETIC LANGUAGE)

Obsolete words make up a considerable part of the lexical fund of the Silver age poetry. Today, the words used practically by every poet of the epoch, demand our special attention. The lack of knowledge of the words' meaning, of their cultural and historical connotation can interfere with the proper perception of the Silver age works by the modern reader. The author of the article studies obsolete words, used in the Silver age poetry, employing composite dictionaries of poetic language. A "Dictionary of the Russian Language of the XXth Century Poetry" was used as a source material. The dictionary describes poetic language of ten Russian poets inclusive of Annensky and Tsvetaeva. Systematization of materials, included into the Vth volume of the Dictionary, showed that the array of obsolete words mostly consists of archaisms of different types. They are lexical (*народоправство* ‘демократия’), semantic (*ничтожество* ‘небытие’), lexical-phonetic (*нейрастения*), lexical-wordforming (*небречь*), etc. This lexicon is non-uniform from stylistic point of view and includes words inherent to different layers of the Russian language (bookish: *невозбранно*, colloquial: *невтернь*, etc.). According to the research, a prevailing majority of obsolete words is used by singular authors, a set of obsolete words is employed by two or three poets, and some words are present in the works of all poets (*огнь*, *око*, *пажить*). The place and the role played by obsolete words in the lexicon of Silver age poets are specified by their correlation with actual words. In some cases, only one archaic word is noted, and it becomes a single exponent of a concrete sense (for example, the noun *непокорство*, the noun *непокорность*). However, most of the dictionaries provide coupled words used by the authors – modern and archaic (for example, Pasternak used *отмета* и *отметина*). Such practices helped poets to enhance the meaning and the motive of their poetry. Conclusions of the research concerning the structure, the types, and semantics of obsolete words are supplemented with supervisions of functional character.

Key words: Silver age, poetic language, lexical fund, obsolete words, dictionary of poetic language

REFERENCES

1. *Slovar' yazyka russkoy poezii XX veka. T. I–IV* / Отв. ред. В. П. Григорьев, Л. Л. Шестакова [Dictionary of the Russian Language of the XX Century Poetry. Vol. I–IV / Editors V. P. Grigoriev, L. L. Shestakova]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2001–2010.
2. *Slovar' yazyka russkoy poezii XX veka. T. V* / Отв. ред. Л. Л. Шестакова [Dictionary of the Russian Language of the XX Century Poetry. Vol. V / Editor L. L. Shestakova]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2013. 1016 p.
3. Черных Н. Д. *Leksicheskaya struktura poeticheskogo yazyka literatorov Serebryanogo veka: opyt sopostavleniya: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Lexical structure of poetic language of writers of the Silver age: experience of comparison: Abstract diss. kand. philol. science]. Samara, 2005. 22 p.

Поступила в редакцию 07.11.2013

НИНА ВЛАДИМИРОВНА МАРКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

markova_nina@mail.ru

К СОЗДАНИЮ КОМПЬЮТЕРНОГО ТОЛКОВО-ГРАММАТИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ РУССКИХ ГОВОРОВ КАРЕЛИИ*

Изданный на рубеже веков и получивший широкое признание, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» (СРГК) остается в центре словарной работы в ПетрГУ. Идет работа над дополнительным томом, который, в отличие от СРГК, приобретает черты словаря сводного типа, так как материал этого тома требует уточнения многих сведений по другим диалектным словарям и источникам. Осуществляется оцифровка картотеки СРГК, что вызвано практическими задачами – не растерять имеющийся материал и сделать его удобным для исследовательской работы. Для дальнейшего изучения и обобщения накопленного более чем за полвека лексического материала создана компьютерная программа, благодаря которой появилась возможность создать словарь нового типа – компьютерный толково-грамматический диалектный словарь, который позволит решать вопросы, связанные с семантикой, морфемикой, словообразованием, морфологией диалектного слова. Таким образом, СРГК оказывается одним из центров нового кластера диалектных словарей.

Ключевые слова: диалектный словарь, семантическая структура слова, лексико-семантические варианты, состав слова, сочетаемость слов, система диалектных словарей

«Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» [12] в шести томах занимает особое место среди региональных диалектных словарей, таких как Архангельский [1], Вологодский [10], Псковский [9], Новгородский [7] и др.

СРГК охватывает огромную территорию – от Белого озера до Белого моря, на которой представлены разные группы говоров севернорусского наречия. Существенное расширение территории за счет граничащих с республикой областей определяет место Словаря в кругу областных словарей как связующего звена между севернорусскими и среднерусскими говорами. Будучи полидиалектным, Словарь отражает лексический состав разных групп русских говоров: онежской и части поморской группы севернорусского наречия, а также включает лексемы, зафиксированные в говорах ладого-тихвинской, новгородской, белозерско-бежецкой, лачской и вологодской групп.

Изданный на рубеже веков, «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» стал важным итогом собирания и изучения диалектной лексики в XX столетии, а для исследователей XXI века предлагает богатейший и интереснейший материал по русским народным говорам северо-запада России.

СРГК позволяет решать многие задачи, связанные с установлением системных связей и отношений в лексике, поскольку Словарь «довольно подробно показывает основные тенденции в словообразовании, в семантическом развитии разных слов» [12; 4].

Книжный вариант Словаря, уже ставший библиографической редкостью, представлен в сети Интернет электронной версией, которая получила большую популярность.

На кафедре русского языка ПетрГУ продолжается работа над дополнительным к СРГК томом, который должен существенно пополнить Словарь как новыми лексемами, так и новыми лексико-семантическими, фонетическими и грамматическими вариантами слов, уже зафиксированных в СРГК [5].

В ПетрГУ хранится часть картотеки СРГК – результат многолетней деятельности его составителей – членов кафедры русского языка: Т. Г. Доля, М. Я. Кривонкиной, А. Г. Малюткиной, Н. И. Скуратовой, Е. И. Новиковой, В. С. Сухановой, Г. А. Фадеева, Е. В. Маркасовой. Картотека практически не пополняется новыми карточками, поскольку изменились средства хранения информации: для фиксации новых диалектных данных, полученных в результате экспедиций, используются современные (электронные) носители информации. На кафедре в рамках учебной диалектологической практики с целью сохранить богатый диалектный словарный фонд, ценность которого с годами лишь возрастает, сделать его доступным для исследователей ведется работа по оцифровке имеющихся материалов картотеки СРГК в виде документов Microsoft Word.

Цифровая карточка не только копирует бумажный оригинал, но дополнительно включает анализ морфемного состава словоформы, который как наиболее конструктивный в дальнейшем позволит установить продуктивные / непродук-

тивные, общерусские / собственно диалектные словообразовательные аффиксы, составить гнезда однокоренных слов, осуществить морфологическую группировку лексем и др. Существующие теоретические исследования, выполненные на материалах Словаря его составителями [3], [6], [8], позволяют начать эту большую работу.

Рабочая карточка содержит также информацию о включении данного слова другими диалектными и этимологическими словарями: «Словарем олонекского наречия» Г. Куликовского [11], «Словарем русских народных говоров» [13], «Этимологическим словарем русского языка» М. Фасмера [15].

Следующим этапом в словарной работе кафедры русского языка стала компьютерная словарная программа, созданная преподавателями и студентами филологического и математического факультетов ПетрГУ. Она не только позволяет отразить в электронном виде уже оцифрованный материал картотеки «Словаря русских говоров Карелии», но и предполагает добавлять новые сведения. Расположенный на сервере математического факультета ПетрГУ, электронный словарь может пополняться диалектными лексемами непосредственно во время диалектологических экспедиций.

Система представлена в виде web-приложения, помещенного в глобальную сеть Интернет (mf.karelia.ru/forpr). Данные хранятся в виде xml-файлов. Для удобства работы создан специальный интерфейс. При создании базы данных был задействован язык программирования общего назначения PHP, система управления базами данных MySQL, стандартные языки разметки и специальный язык разметки, который был создан в рамках проекта. Он состоит из структурированной системы элементов, прост и удобен в использовании для студентов-филологов. Для предотвращения взломов и попадания в базу ложной информации система была защищена паролем.

На данный момент компьютерная база невелика – в ней размещено около 1000 слов, но

предполагается ее увеличение и перенос всех имеющихся данных в электронный вид. Для удобства исследований организован специальный поиск по различным характеристикам лексем: лексического значения слова, части речи, корневой или аффиксальной морфемы, а также по году и месту сбора, информанту и т. д. Количество параметров поиска при необходимости может быть увеличено. Благодаря тому что проект располагается в сети Интернет, обращаться к базе данных смогут не только лингвисты, но и историки, этнографы, литературоведы.

Следовательно, компьютерная программа закладывает основу для создания словаря нового типа – электронного толково-грамматического словаря русских народных говоров Карелии, который позволит увидеть развитие значений в динамике, выделить гнезда однокоренных слов, объединить слова по словообразовательным типам, установить синтаксические возможности лексем (роль в предложении, особенности сочетания с другими словами и т. п.).

В настоящее время можно наблюдать, как складываются целые кластеры диалектных словарей. Так, в орбите Псковского областного словаря оказываются этимологический словарь севернорусских говоров А. С. Герда [2], опыт регионального этнокультурного словаря [14]; на базе Вологодского словаря создается «Диалектный словарь строения слов» [16]. На необходимость системного подхода в описании диалектной лексики обратили внимание выдающиеся лексикографы О. Д. Кузнецова и Ф. П. Сороколетов: «В систему словарей, описывающих лексику диалекта в полном объеме и с разных сторон, должны войти следующие словари: толковый, синонимический, тематический или идеографический, фразеологический, словообразовательный, словарь сочетаемости слов» [4; 379]. Таким образом, и «Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей» оказывается в начале нового ряда диалектных словарей.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архангельский областной словарь. Вып. 1. М.: Изд-во МГУ, 1980. 168 с.
2. Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров // Севернорусские говоры: Межвузовский сборник. Вып. 6. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 85–107.
3. Доля Т. Г., Суханова В. С. Структура прибалтийско-финских заимствованных слов в русских диалектах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия. Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. С. 52–56.
4. Кузнецова О. Д., Сороколетов Ф. П. К типологии русских диалектных словарей // Аванесовский сборник / Отв. ред. Н. Н. Пшеничнова. М.: Наука, 2002. С. 378–381.
5. Маркова Н. В. Дополнительный том к «Словарю русских говоров и сопредельных областей» // «Свое» и «чужое» в культуре народов Европейского Севера: Материалы 7-й межвузовской научной конференции. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 81–83.
6. Михайлова Л. П. Особенности префиксальной системы русских говоров, обусловленные прибалтийско-финским влиянием // Севернорусские говоры: Межвузовский сборник. Вып. 9. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 55–69.
7. Новгородский областной словарь. Вып. 1. Новгород: Изд-во Новгородского пединститута, 1992. 158 с.
8. Новикова Е. И. К вопросу о региональном словообразовании // Вопросы грамматического строя и словообразования в русских народных говорах. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1976. С. 13–20.
9. Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. 200 с.

10. Словарь вологодских говоров. Вып. 3. Вологда: Изд-во Вологодского пед. ин-та, 1985. 184 с.
11. Словарь областного олонетского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Сост. Г. Куликовский. СПб.: Изд-во ОРЯС РАН, 1898. 320 с.
12. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1994–2005. Т. 1–6.
13. Словарь русских народных говоров. Вып. 1. М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
14. Традиционный быт псковских крестьян: Опыт регионального этнолингвистического словаря / Ред. Н. В. Большакова. Псков: Изд-во ПсковГУ, 2012. 383 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. Т. I–IV. М.: Прогресс, 1986–1987.
16. Шаброва Е. Н. Дialeктное корневое гнездо как объект описания в диалектном словаре строения слов // Актуальные проблемы русской диалектологии и старообрядчества: Тезисы докладов Международной конференции 19–21 октября 2009 г. М.: Изд-во ИРЯ РАН, 2009. С. 226–227.

Markova N. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

COMPUTERIZED GRAMMAR DEFINITION DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS IN KARELIA

A “Dictionary of the Russian Dialects of Karelia and Adjacent Areas” was published at the turn of the centuries and has already gained wide recognition. It has become one of the leading centres of Petrozavodsk University dealing with dictionary composition. An additional volume of the dictionary is being put together at present. It has characteristic features of a composite dictionary. It aims to specify multiple data from other dialect dictionaries and sources. Accumulated information files are digitized in order to preserve existing information and make the use of collected materials easy to work with. A computer program for further research and generalization of lexical material collected for the last five hundred years was developed. The computer program helped to create a new type of the dictionary – computerized grammar definition dictionary of existing dialects. The dictionary will be instrumental in solving problems related to questions of semantics, morphemics, word formation, and morphology of dialect words. Therefore, the newly created computerized grammar definition dictionary of Russian dialects in Karelia is becoming a center of the new cluster of dialect dictionaries.

Key words: dialect dictionary, semantic structure of the word, lexico-semantic options, word structure, syntactic possibilities of the word, system of dialect dictionaries

REFERENCES

1. *Arkhangel'skiy oblastnoy slovar'.* Vyp. 1 [Arkhangelsk regional dictionary. Is. 1]. Moscow, MSU Publ., 1980. 168 p.
2. Ger d A. S. Materials for the etymological dictionary of the North Russian dialects [Materialy dlya etimologicheskogo slovarya severnorusskikh govorov]. *Severnorusskie govory: Mezhvuzovskiy sbornik.* Vyp. 6 [The North Russian dialects: Interuniversity collection. Is. 6]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1995. P. 85–107.
3. Dolya T. G., Sukhanova V. S. The structure of the Baltic-Finnish words in Russian dialects of Karelia [Struktura pribaltiysko-finskikh zaimstvovannykh slov v russkikh dialektakh Karelii]. *Pribaltiysko-finskoe yazykoznanie: Voprosy vzaimodeystviya* [The Baltic-Finnish linguistics: questions interaction]. Leningrad, LSU Publ., 1971. P. 52–56.
4. Kuznetsova O. D., Sorokoleto v F. P. On typology of the Russian dialect dictionaries [K tipologii russkikh dialektnykh slovarey]. *Avanesovskiy sbornik* [Avanesovsky collection] / Ed. of N. N. Pshenichnova. Moscow, Nauka Publ., 2002. P. 378–381.
5. Markova N. V. Additional volume to “The dictionary of the Russian dialects and adjacent areas” [Dopolnitel'nyy tom k “Slovaryu russkikh govorov i sopredel'nykh oblastey”]. “Svoe” i “chuzhoe” v kul'ture narodov Yevropeyskogo Severa: Materialy 7-y mezhvuzovskoy nauchnoy konferentsii [“Own” and “alien” in culture of the people of the European North: Materials of the 7th interuniversity scientific conference]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2009. P. 81–83.
6. Mikhaylova L. P. Features of prefixal system of Russian dialects caused by the Baltic-Finnish influence [Osobennosti prefiksals'noy sistemy russkikh govorov, obuslovlennyye pribaltiysko-finskim vliyaniem]. *Severnorusskie govory: Mezhvuzovskiy sbornik.* Vyp. 9 [The North Russian dialects: Interuniversity collection. Is. 9]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 2008. P. 55–69.
7. *Novgorodskiy oblastnoy slovar'.* Vyp. 1 [Novgorod regional dictionary. Is. 1]. Novgorod, Novgorod Pedagogical Institute Publ., 1992. 158 p.
8. Novikova E. I. To the question of regional word formation [K voprosu o regional'nom slovoobrazovanii]. *Voprosy grammaticheskogo stroya i slovoobrazovaniya v russkikh narodnykh govorakh* [Questions of the grammar system and word formation in Russian national dialects]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1976. P. 13–20.
9. *Pskovskiy oblastnoy slovar' s istoricheskimi dannymi.* Vyp. 1 [The Pskov regional dictionary with historical data. Is. 1]. Leningrad, LSU Publ., 1967. 200 p.
10. *Slovar' vologodskikh govorov.* Vyp. 3 [Dictionary of the Vologda dialects. Is. 3]. Vologda, Volog. ped. in-t Publ., 1985. 184 p.
11. *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of regional Olonets speech in household and ethnographic application] / Ed. G. Kulikovskiy. St. Petersburg, ORYAS RAN Publ., 1898. 320 p.
12. *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastey* [Dictionary of the Russian dialects of Karelia and adjacent areas]. St. Petersburg, SPbSU Publ., 1994–2005. Vol. 1–6.
13. *Slovar' russkikh narodnykh govorov.* Vyp. 1 [Dictionary of the Russian national dialects. Is. 1]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 304 p.
14. *Traditsionnyy byt pskovskikh krest'yan: Opyt regional'nogo etnolingvisticheskogo slovarya* [Traditional life of Pskov peasants: Experience of the regional ethnolinguistic dictionary] / Ed. of N. V. Bolshakova. Pskov, PskovSU Publ., 2012. 383 p.
15. Fasm er M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka* [The etymological dictionary of the Russian language]. Vol. I–IV. Moscow, Progress Publ., 1986–1987.
16. Shabrova E. N. Dialect root nest as object of description in the dialect dictionary of the words' structure [Dialektnoe kornevoe gnezdo kak ob'ekt opisaniya v dialektnom slovare stroeniya slov]. *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii i staroobryadchestva: Tезисы докладов Mezhdunarodnoy konferentsii 19–21 oktyabrya 2009 g.* [Actual problems of the Russian dialectology and of staroobryadchestvo: Proceedings of the International Conference, October 19–21, 2009]. Moscow, IRYA RAN Publ., 2009. P. 226–227.

Поступила в редакцию 26.11.2013

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ЛЕБЕДЕВ
преподаватель кафедры русского языка филологического
факультета, Петрозаводский государственный универси-
тет (Петрозаводск, Российская Федерация)
perevodchik88@yandex.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ОТВЛЕЧЕННОЙ СВЯЗКОЙ В СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ П. А. ВЯЗЕМСКОГО*

Рассматриваются составные именные сказуемые, встречающиеся в творчестве П. А. Вяземского; определяются формальные показатели глагола-связки «быть»; анализируются контексты сослагательного, повелительного, изъявительного наклонений из творчества поэта. Всего проанализировано 286 стихотворений, в которых выявлено 408 примеров с отвлеченной связкой. В случае с изъявительным наклонением (контексты с этим наклонением в поэзии Вяземского преобладают) отдельно последовательно рассматриваются все три времени – настоящее, прошедшее, будущее. Особый акцент сделан на анализе материально выраженной связки «есть», которая часто встречается в текстах Вяземского, хотя уже в XIX веке считалась архаичной. Предложены выводы, касающиеся функционирования отвлеченных связок в пределах отдельных стихотворений: указания на важность глагола-связки с точки зрения анализа идиостиля писателя в целом, специфику функционирования категории времени (акцент на событиях прошлого и настоящего, минимум будущего), на присутствие материально выраженной связки «есть» как отличительную особенность творчества автора.

Ключевые слова: русский язык, синтаксис, сказуемое, глагол-связка, грамматические закономерности

Составное именное сказуемое – одна из разновидностей сказуемого, характеризующаяся «раздельным выражением вещественного и грамматического значений» [2; 87]. Основной компонент в такой конструкции выражает вещественное значение, а грамматическое значение обеспечивается с помощью вспомогательного компонента – связки. И именно связка в качестве компонента-выразителя грамматического значения и ее роль в поэтическом творчестве привлекли наше внимание. Анализ составного именного сказуемого выполнен на примерах из стихотворного творчества Вяземского.

Понимание грамматической функции глагола-связки в рамках именного сказуемого может быть различным. Нами под отвлеченной связкой понимается глагол «быть», который не имеет собственное лексического значения «существовать, иметься», а выражает исключительно грамматическое значение. Основными формальными показателями глагола-связки «быть» для нас выступали модальное значение (форма наклонения), временное значение (форма времени), зависимость между подлежащим и сказуемым (число и род для прошедшего времени; число и лицо для будущего времени). В ходе анализа в 286 стихотворениях было обнаружено 408 контекстов с отвлеченной связкой. Из них подавляющее большинство (379 примеров, 93 %) относится к изъявительному наклонению, а контексты с сослагательным и повелительным наклонениями составляют лишь 7 % от общего числа.

Сослагательное наклонение представлено семью контекстами, шесть из которых включают в себя сочетание «был бы»:

И презрен был бы мной бессильный неприятель
[1; 93].

Лишь один пример содержит в себе «была бы». Это один из редких случаев, когда лирический герой стихотворения Вяземского предстает в образе женщины (явление для творчества поэта нехарактерное):

Быть может, я была бы рада
Вас к черту, ангел мой, прогнать [1; 393].

В случае с повелительным наклонением 21 контекст включает в себя форму связки «будь»:

И мысль о них во мгле мятежной
Звездой отрадной нашей будь! [1; 227].

В одном случае встречается связка «будьте»:

Но будьте искренны – нас искренность спасает
[1; 274].

Выбор подобной формы связки здесь объясняется характером стихотворения – это своего рода завещание в стихах, которое Вяземский предлагал «на память обо мне, когда меня не будет». Соответственно, адресатами здесь выступают все читатели в целом, что и обуславливает множественное число формы связки.

В изъявительном наклонении отвлеченная связка представлена следующим образом: всего выявлено 379 контекстов; настоящее время обнаружено в 170 контекстах (44,9 % от общего числа), прошедшее время – в 153 случаях (40,3 %), будущее время – в 56 примерах (14,8 %).

Настоящее время. В русском литературном языке пушкинской эпохи материально выраженная связка в настоящем времени была «кон-

струкцией, утратившей продуктивность и резко сокращавшей употребительность» [4; 23], в то время как лирика Вяземского не в полной мере соответствует данному языковому стремлению, указывая на любовь поэта к «архаизаторским» грамматическим закономерностям. В современном русском языке в настоящем времени глагол-связка «быть» опускается согласно уже давно существующей узальной традиции. Для поэзии Вяземского эта особенность характерна не в полной мере. Действительно, во многих формах именного сказуемого с отвлеченной связкой настоящего времени мы обнаруживаем контексты с тире на месте глагола-связки:

Ему природа – мать родная [1; 413], [6].

Однако встречаются и контексты с материально выраженной связкой «есть» (31 случай):

Порядок есть душа всего! [1; 107].

Как показывает анализ, нельзя однозначно отнести использование материально выраженной связки к тому или иному периоду творчества Вяземского. Можно сделать вывод о том, что Вяземский, понимая тенденции изменения языка, сознательно допускал архаизацию в рамках данной формы отвлеченной связки, особенно в тех случаях, когда это диктовалось нормами версификации – это подтверждает вывод Н. А. Николиной о том, что грамматические архаизмы «употребляются в поэтической речи неравномерно» [3; 74] и практически отсутствуют в текстах писателей XIX века. Отдельно следует отметить, что материально выраженная связка «суть», а также такие формы, как «есмь» и «еси», «бысть», «бых», в поэзии Вяземского отсутствуют, хотя, как отмечают исследователи, именно в поэзии «архаические явления сохраняются дольше», что позволяет иногда встретить «давно ушедшие из живого употребления и стилистически отмеченные формы БЫТЬ» [5; 72].

Прошедшее время. В поэзии Вяземского можно отметить преобладание формы «был» (118 контекстов из 153, относящихся к прошедшему времени), которая может характеризовать:

1) субъект лирического действия:

В литературе я был вольным казаком [1; 330];

2) адресата стихотворения:

От сиротствующих пиров

Ты был оторван смертью жадной! [1; 74];

3) некий третий сторонний субъект или объект:

Он равнодушен был к ее загадкам темным [1; 407].

Свет холодный, равнодушный

Был тобою пробужден [1; 391].

Стихотворные контексты со связками «была», «были», «было» встречаются реже (21, 7 и 7 раз соответственно):

О четырех колесах келья
Душеспасительна была [1; 196].

Их днями ясными мои дни были ясны [1; 149].

Всё было приторно вблизи [1; 355].

Преобладание форм мужского рода можно объяснить кругом знакомств поэта, в котором преобладали мужчины, что и объясняет наличие формы «был». В лирических стихотворениях именные сказуемые с отвлеченной связкой не столь частотны.

Будущее время. Будущее время в конструкциях с именным сказуемым с отвлеченной связкой выражается преимущественно глаголами третьего лица (40 контекстов):

И будет вам луна спутницей приятной! [1; 53].

Формы первого и второго лица встречаются реже (6 и 8 раз соответственно):

И, оживя в воображенье

Часов протекших наслаждение,

Обманом счастлиив буду я! [1; 62].

В бессмыслице ж своей тогда уверен будешь [1; 124].

На уровне стихотворения делать однозначные выводы о роли и функционировании отвлеченной связки довольно затруднительно. В одном из стихотворений («Когда? Когда?») поэт сознательно опускает связки в именных сказуемых будущего времени, чтобы не перегружать контекст грамматической тавтологией:

Когда поэты будут скромны,

При счастье глупость не горда,

Красавицы не вероломны

И дружба в бедствиях тверда? [1; 80].

В то же самое время в некоторых случаях (в частности, при однородных сказуемых) поэт сознательно повторяет связку. Возможно, это также можно объяснить стремлением к достижению правильного построения стиха:

Казалось мне – я был здесь застрахован,

Был огражден привычкой суеверной

От треволнений жизни ненадежной

И от обид насмешливой судьбы [1; 338].

В ряде случаев перестановка слов в конструкции «подлежащее + именное сказуемое с отвлеченной связкой» затрудняет понимание, вынуждая читателя вновь перечитывать строки:

Рассеянность его была не беспредельной,

В ином был человек и он отменно дельный [1; 348].

В результате проделанной работы можно сделать выводы: 1) Глагол-связку в именных сказуемых можно рассматривать как один из компонентов идиостиля писателя, поскольку разные формы связочного элемента участвуют в формировании художественного хронотопа, а присутствие материально выраженной связки

настоящего времени стилистически значимо. 2) Взгляд Вяземского как поэта обращен и в прошлое, и в настоящее, и в будущее, однако исходя из анализа грамматического значения отвлеченных связок становится понятно, что автор сосредоточивает свое внимание в первую очередь на событиях прошлого и настоящего. 3) Исходя из анализа формы отвлеченных связок будущего времени, можно сказать, что лирический герой Вяземского, идейно близкий самому автору, «не видит» в будущем себя, — те немногие формы

составного именного сказуемого, которые присутствуют в его творчестве в будущем времени, преимущественно относятся к другим лицам, но не к самому «Я» поэта. 4) Материально выраженная связка «есть» в формах настоящего времени именного сказуемого — отголосок синтаксической структуры прошлых веков — продолжает встречаться в стихотворном творчестве Вяземского, поэта пушкинской поры, что является отличительной особенностью его поэтического синтаксиса.

* Исследование выполнено в рамках финансируемого Минобрнауки РФ проекта № 6.5608.2011 «Русская поэтическая грамматика» и при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вяземский П. А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1986. 544 с.
2. Лекант П. А. Типы и формы сказуемого в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1976. 141 с.
3. Николina Н. А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. Т. I. М., 2005. С. 73–188.
4. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века: изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке / Под ред. В. В. Виноградова, Н. Ю. Шведовой. М.: Наука, 1964. 499 с.
5. Патрoева Н. В. Зачины с экзистенциальным глаголом *есть* в русской поэзии XVIII–XX веков: опыт грамматического и функционально-семантического описания // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 7 (128). Т. I. С. 68–72.
6. Патрoева Н. В., Лебедев А. А. Поэтическая фразеология П. А. Вяземского: функционально-семантический потенциал трансформации устойчивых оборотов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2009. № 8 (102). С. 60–66.
7. Шведова Н. Ю. Еще раз о глаголе *быть* // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 3–13.

Lebedev A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SENTENCES WITH ABSTRACT COPULA IN POETIC WORKS OF P. A. VYAZEMSKY

Compound nominal predicates found in the works of Pyetr Andreevich Vyazemsky, the poet of the XIXth century, are analyzed. The formal markers of the link-verb “*byť*” (to be) are determined in the research. The contexts of subjunctive, imperative, and indicative moods, which are found in the poet’s works, are examined thoroughly. 286 poems were analyzed, 408 patterns with the abstract copula were revealed. In cases of indicative mood employment (contexts with this mood prevail over other moods in Vyazemsky’s poetry) all tenses (present, past and future) are examined sequentially. Special attention was given to the analysis of materially represented link-verb “*est’*” (am/is/are), which is often found in Vyazemsky’s poetical texts, even though in the XIXth century this form was already considered archaic. Some deductions, concerning the functions of copulas within particular poems, are suggested. The deductions made in the process of the research are related to the importance of the link-verb assessed from the standpoint of the individual writer’s style analysis. The study helped to reveal functioning peculiarities of the category of tenses in Vyazemsky’s works (past and present are accentuated, future is rarely used) and to emphasize the use of materially accentuated link-verb “*est’*” (am/is/are), which appears to be a distinctive feature of Vyazemsky’s works.

Key words: Russian language, syntax, predicate, link-verb, grammatical patterns

REFERENCES

1. Vyazemskiy P. A. *Stikhotvoreniya* [Poems]. Leningrad, Sovetskiy pisatel’ Publ., 1986. 544 p.
2. Lekant P. A. *Tipy i formy skazuemogo v sovremennom russkom yazyke* [Types and forms of the predicate in modern Russian language]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1976. 141 p.
3. Nikolina N. A. The tense category of the verb [Kategoriya vremeni glagola]. *Poeticheskaya grammatika. T. I.* Moscow, 2005. P. 73–188.
4. *Ocherki po istoricheskoy grammatike russkogo literaturnogo yazyka XIX veka: izmeneniya v sisteme prostogo i oslozhnennogo predlozheniya v russkom literaturnom yazyke* [Essays on the historical grammar of Russian literary language of the XIXth century: the changes in the system of simple and compound sentences in Russian literary language]. Pod red. V. V. Vinogradova, N. Yu. Shvedovoy. Moscow, Nauka Publ., 1964. 499 p.
5. Patroeva N. V. Existential introductions into Russian poetry of XVII–XX centuries: experience of grammatical and functional-semantic description [Zachiny s ekzistentsial’nym glagolom *est’* v russkoy poezii XVIII–XX vekov: opyt grammaticheskogo i funktsional’no-semanticheskogo opisaniya]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki*. 2012. № 7 (128). Vol. I. P. 68–72.
6. Patroeva N. V., Lebedev A. A. Poetic phraseology in the P. A. Vyazemsky lyrics: functional-semantic potential of phraseological units [Poeticheskaya frazeologiya P. A. Vyazemskogo: funktsional’no-semanticheskii potentsial transformatsii ustoychivyykh oborotov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Obshchestvennye i humanitarnye nauki*. 2009. № 8 (102). P. 60–66.
7. Shvedova N. Yu. Once more about the verb *to be* [Eshche raz o glagole *byt’*]. *Voprosy yazykoznaniya*. 2001. № 2. P. 3–13.

Поступила в редакцию 10.10.2013

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА РОМАНЕНКО

аспирант кафедры русского языка, Псковский государственный университет (Псков, Российская Федерация)
pskovsveta69@rambler.ru

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ ФОРМ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА (по материалам хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря XVII века)

Взаимодействие твердого и мягкого вариантов склонения на **ā* – одно из явлений тенденции унификации форм имен существительных. Начало рассматриваемого процесса исследователи относят еще к дописьменному периоду. Материалы памятников XI века, а особенно XIII–XIV веков свидетельствуют о преобладании флексий, с одной стороны, твердого варианта, с другой – мягкого. Цель статьи – выявить особенности взаимовлияния твердого и мягкого вариантов склонения существительных **ā*-основ в дательном падеже на материале псковских монастырских хозяйственных книг XVII века. Одна из задач – рассмотреть местные особенности в оформлении именных парадигм в период формирования национального языка. Путем сплошной выборки в хозяйственных книгах XVII века выявлены 73 лексемы в 236 употреблениях с флексиями, обозначенными буквами **е, ѣ, и, ы**. Обнаружено, что в исследуемый период в псковских памятниках преобладают флексии **-и, -ы**, т. е. флексии мягкого варианта склонения. Эти флексии имеет 51 лексема, и только у 8 лексем флексии исконные. Большую группу лексики с новыми флексиями составляют имена и прозвища работников, которым оплачивали выполненную работу, что фиксирует Приходо-расходная книга 1674/75 года. В этом памятнике самая большая частотность лексем с новыми флексиями по сравнению с исследуемыми переписными книгами 1639, 1652 и 1663 годов. Псковские памятники отражают и общерусские процессы, и выработку норм с учетом местного диалекта.

Ключевые слова: дательный падеж единственного числа, имена **ā*-основ, взаимовлияние твердого и мягкого вариантов, псковские монастырские хозяйственные книги

Взаимодействие твердого и мягкого вариантов склонения на **ā* – одно из явлений тенденции унификации форм имен существительных. В единственном числе склонения на **ā* этот процесс отражен в родительном, дательном и местном падежах. В статье рассматриваются особенности склонения существительных **ā*-основ в псковских монастырских хозяйственных книгах XVII века. Для дательного падежа **ā*-основ исконными были флексии **-ѣ** в твердом варианте и **-и** в мягком.

Начало вытеснения флексий мягкого варианта флексиями твердого варианта относят еще к дописьменному периоду (до XI века) [8; 194]. Формы дательного падежа на **-ѣ** вместо **-и** отмечены в Минеях XI века, а многочисленными становятся в XIII–XIV веках: *в одежѣ, в темницѣ, на землѣ, къ зарѣ*. Влияние мягкого варианта на твердый тоже зафиксировано в ранних памятниках. Формы дательного падежа типа *на страны, при Кузьмы, въ землины, по псковскои пошлыны* в новгородских и псковских памятниках отмечаются с XIV века [1; 195]. В. М. Марков, опираясь на материал Синодального и Комиссионного списков Новгородской Первой летописи, пишет «о преобладающем воздействии твердых основ», с одной стороны, и воздействии соответствующих «мягких» образований – с другой [4; 60–61].

В. В. Колесов, давая обзор развитию взаимовлияния твердого и мягкого вариантов основ

на *ā* до XVIII века, считает, что «в новгородских и соседних с ними говорах... все более увеличиваются случаи употребления мягких основ вместо твердых» [3; 169].

С. П. Обнорский фиксирует для Псковской губернии формы *у сестре, у жене, с рыбе, с голове, подле избе, у стене, от жене, около голове, из реке, с той стороне* и к этим примерам дает сноску о том, что «имеются формы дат.-м. на **-ы** от той же категории существительных» [5; 89–90, 93].

По данным Кадастра «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области», для Нижневеликоречской зоны Псковской области, куда входит Печерский район, преимущественно характерна флексия **-ы** в родительном, дательном и предложном падежах: *Дóча жыла в Литвы́, а сын в Нарвы́; 2 жэны́, на травы́, на плиты́, у вдовы́, у сестры́, к сестры́, лóтка на вады́, на избы́, на Псковы́*. В меньшей степени фиксируется флексия **-е** для трех падежей: *на вадé, к ызбé, 2 жэне́, ат ызбé, да вайне́, бес трубе́, нет вадé, в вадé, бес карóве, у снахé, у ма́ме, с рабо́те*. Очень редко отмечено в Печерском районе сочетание двух флексий: **-е** в родительном падеже и **-ы** в дательном и предложном падежах: *Она́ жыла́ у сястрé; пришóл с вайне́ – паéхал к сястры́, на той паласть* [2; 276].

В исследуемых псковских памятниках письменности¹ в дательном падеже единственно-

го числа обнаружено 73 лексемы основ на ***а** в 236 употреблениях с флексиями, обозначенными буквами **е, ѣ, и, ы**.

16 лексем зафиксированы с флексией, обозначенной буквами **е** или **ѣ**: бирюза, вѣра, грамота, дорога, жемчужинка, жена, кабала, латыня (латыня), мѣра, опушка, риза, середина, скаска, смѣта, тафта, тесма.

У 11 существительных исходно твердого варианта бирюза, вѣра, грамота, жена, кабала, мѣра, риза, середина, смѣта, тафта, тесма окончание, обозначенное буквами **е** или **ѣ**, является исконным: девѣ^т ве^цо^с ска^нные на по^озоре с фини^фты у пяти вставлено по каме^шку и по бирюзе²; по той г^одрве грамотѣ³ ука^сано³; [давано] коро^внику Трофи^ки два^тца^тм^т пя^тм^т ·а¹· коро^вницы женѣ⁴ ево полтина⁴; взято шесть^на^тцать а^ттынѣ⁵ четыре де^ги в уплату по кабалѣ⁶ у мн^трьского рабо^тника^{5,6}; ису^фрь цело^а кося^к вишне⁶ по мѣре⁷ девѣ^тна^тцать а^тшинѣ⁷; по ризе травы низаны же^шчю^го^га⁸.

У 4 существительных дорога, жемчужинка, опушка, скаска окончание, обозначенное буквами **е** или **ѣ**, является исконным, но стоит после букв **г** и **к**, которые появились перед названным окончанием после аналогического выравнивания основы: по опу^шке⁹ около шито тропари⁹; пя^тм^т пу^шви^и сере^брены^х золочены а на ни^х по же^шчю^гжинѣ¹⁰; по ска^кѣ¹¹ архимарита Рафаила^{11,12} дано по выбу^цко^а доро^ге¹³ де^ся^тм^т ни^{6,13}.

Лексема латыня (латыня) в Словаре русского языка XI–XVII веков отмечена в трех разновидностях написания по твердому и мягкому вариантам: латина, латына; латыня [7; 8: 178]. Мы не можем говорить о том, в каком варианте употреблено это слово в исследуемых памятниках, так как не отмечена форма именительного падежа единственного числа. Возможно, это слово мягкого варианта склонения, тогда флексия **-е** – результат влияния твердого варианта на мягкий.

Флексии **-и** и **-ы** в дательном падеже единственного числа отмечены у 51 существительного основ на ***а**. Исконной (и архаичной) эта флексия является только у 8 слов исходно мягкого варианта: богородица¹⁴, Гриша, дача, земля¹⁵, коровница, неделя, пральница¹⁶, просви^рня: моление ко Прч^стые Б^оцы¹⁷; отданы приказшику Гриш^и Дроздову¹⁸; уплати^т вкладу к пре^жней да^чи¹⁹; па^трахи^а ба^ха^тм^т золо^тно^и по че^вчато^и i по зелено^и земл^и^{20,21} куплено шесть^деся^т сто^лтъ вина гор^гла^го к Св^тои недел^и²²; дано три а^ттына двѣ день^ги праль^ницы Лучихи на мыло²³; давано Каме^ской просви^рни^и за логозо^скую служ^бу на по^года²⁴.

6 из 8 приведенных существительных отмечены в Приходо-расходной книге 1674/75 годов.

У 43 существительных исходно твердого варианта: Алешка, Андрюшка, Анитка, Аннишка, Артюшка, Афонька, Васька, вдова, владыка, выписка, Гаврила, Гаврилка, грамотка, гривенка,

Демешка, Ермолка, икона, Иона, Козьма, Кошка, Лучиха, Матюшка, Михаилка, Мишка, Мякина, Никита, Овчина, Омелька, Ондрюшка, Осока, Прошка, Пуговка, Ротья, Сава, Санька, Сенька, Серьгушка, слуга, староста²⁵, Тимошка, Фетька, Филька, шляпа флексия **-и** новая: [давано] Алеши^к Иванову полтина²⁶; дано четыре а^ттына праль^ницы вдовы Лучихи на мыло²⁷; да^т на пеле^ну к мѣ^стно^и и^коны еро^славецъ то^гово^и члвкѣ²⁸; [давано] священнику Ионы по ро^счету полтина²⁹; дано три^ицать а^тты^и пече^сско^о мн^тря иконописцу Никиты Ермолину³⁰; дано пять а^тты^и двѣ день^ги пече^сскому слуг^и Стефану Мякины³¹.

40 лексем из приведенного списка зафиксированы в Приходо-расходной книге 1674/75 года и только 2 лексемы (гривенка и икона) отмечены в переписных книгах 1652 и 1663 годов. Из 40 выявленных лексем 33 – это имена собственные (имена и прозвища людей).

6 имен существительных в дательном падеже в исследуемых памятниках имеют флексии, обозначенные буквами **е, ѣ, и, ы**: собрано с са^жни по гривнѣ³² – собра^т с са^жни по гривнѣ³³; в ве^це по же^шчю^гжинѣ³⁴ да по о^ва каме^шки че^вцы³⁴ – в ысподе по же^шчю^гжинѣ³⁵; взято таможе^нные писме^нные пошлины по запи^ске ры^бной³⁶ – взято таможе^нные писме^нные пошлины по запи^ски ры^бной^{37,38}; середина шита по камке черв^чато^и³⁹ – Спсѣ да Прч^стая Б^оца и Ива^н Пр^тъ шиты по че^вчато^и ка^ки^и золо^то^и об^низано же^шчю^гско^м⁴⁰; взято три ста девѣ^тна^тцать ру^блевѣ два^тцать пять а^тты^и таможе^нные писме^нные пошлины по о^бявочно мелочно^и кни^жи^и и по соляной запи^сной товарной кни^же льняной⁴¹; тѣ^л латы и пансыри свезены ко г^одрю к Москвѣ⁴² – то^т косяк по ево^ж ска^кѣ^и изош^ио^и в воцанки и на просви^ры к Москвѣ⁴³.

Количество употреблений с названными окончаниями можно представить следующим образом (см. табл. 1). Для всех указанных шести лексем (гривна, жемчужина, записка, камка, книга, Москва) исконной является флексия, обозначенная буквами **е, ѣ, и**, как следует из таблицы, преобладает у существительных камка, книга, Москва.

Преобладание флексии, обозначенной буквами **е, ѣ**, зафиксировано в Переписной книге 1652 года (лексема камка), а в Переписной книге 1663 года и в Приходо-расходной книге 1674/75 года количество употреблений с окончаниями, обозначенными буквами **е, ѣ**, с одной стороны, и буквами **и, ы**, с другой стороны, примерно равное (см. табл. 2: 4 / 3 в 1663 году; 9 / 10 в 1674/75 году – с учетом всех шести указанных лексем).

Итак, материалы монастырских хозяйственных книг XVII века свидетельствуют о том, что в дательном падеже единственного числа основ на ***а** в исследуемый период преобладают случаи с флексиями **-и, -ы** (169 употреблений против 67 случаев употреблений с флексиями **-е,**

Таблица 1

Распределение флексий дат. п. ед. ч., обозначенных буквами **е, ѣ; и, ы**, по шести лексемам, допускающим варианты употребления

	<i>гривна</i>	<i>жемчужина</i>	<i>записка</i>	<i>камка</i>	<i>книга</i>	<i>Москва</i>	Итого
Кол-во употреблений с флексией, обозначен. буквами е, ѣ	2	2	1	17	5	2	29
Кол-во употреблений с флексиями -и, -ы	5	3	1	1	3	1	14

Таблица 2

Распределение флексий дат. п. ед. ч. (по исследуемым памятникам), обозначенных буквами **е, ѣ; и, ы**, у шести указанных лексем, допускающих варианты употребления

	1639	1652	1663	1674/75
Кол-во употреблений с флексией, обозначен. буквами е, ѣ	1	15	4	9
Кол-во употреблений с флексиями -и, -ы	0	1	3	10

Таблица 3

Выбор лексемами флексий дат. п. ед. ч., обозначенных буквами **е, ѣ; и, ы**, в исследуемых памятниках

	1639	1652	1663	1674/75	Итого
Кол-во употреблений с флексией, обозначен. буквами е, ѣ	8	35	6	18	67
Кол-во употреблений с флексиями -и, -ы	0	51	19	99	169
Итого	8	86	25	117	236

-ѣ. Отдельно по памятникам выбор окончаний можно проиллюстрировать следующим образом (см. табл. 3). Преобладание флексий **-и, -ы** в переписных книгах 1652 и 1663 годов обеспечивается сохранением исконной (архаичной) флексии **-и** у лексемы *земля*. В Приходо-расходной книге 1674/75 годов новые флексии **-и, -ы** широко употребляются у имен собственных, называющих людей, которым оплачивают выполненную работу. Такое употребление имен собственных может свидетельствовать о жизненности флексий **-и, -ы** в дательном падеже существительных с основой на ***ā**, так как Переписная книга

писалась с опорой на уже имевшуюся книгу от более ранней переписи имущества и писец мог употребить слово с флексией, использованной ранее другим писцом, а Приходо-расходная книга фиксировала приход и расход денег в зависимости от реально происходящих событий, и писец использовал ту флексию, которая соответствовала его речи. Таким образом, исследуемые псковские памятники, фиксируя унификацию флексий в дательном падеже единственного числа в XVII веке, отражают и общерусские процессы, и выработку норм с учетом местного диалекта.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Для исследования использованы материалы Переписной книги 1639 года (Гос. архив Псковской области, далее – ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 112), Переписной книги 1652 года (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113), Переписной книги 1663 года (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 114), Приходо-расходной книги 1674/75 года (ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450).

² ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113. Л. 190 об.

³ Там же. Д. № 112. Л. 198.

⁴ Там же. Д. № 450. Л. 111 об.

⁵ Там же. Л. 16.

⁶ Лексема *кабала* употреблена в знач. ‘письменное долговое обязательство, долговая расписка’ [7; 7: 7].

⁷ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 112. Л. 122 об.

⁸ Там же. Д. № 113. Л. 28.

⁹ Там же. Л. 113.

¹⁰ Там же. Л. 33.

¹¹ Там же. Д. № 112. Л. 12 об.

¹² Предполагаем, что лексема *скаска* употреблена, исходя из контекстов, в знач. ‘документ, содержащий отчет об использовании казенного имущества’ (ср.: [7; 24: 169 – см. знач. 4]). Н. Д. Сидоренская, отмечая частотность употребления лексемы *сказка* в Нетных книгах 1682 года, приводит знач. ‘дача показаний’ [6; 30].

¹³ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 112. Л. 197.

¹⁴ В окончании сущ. *богородица, коровница* и *пральница* в дат. п. ед. ч. отмечена буква **ы** – отверждение звука [и].

¹⁵ Лексема *земля*, исходя из контекста, употреблена в знач. ‘фон, поле, по которому на чем-л. сделан рисунок’ [7; 5: 377].

¹⁶ В Словаре русского языка XI–XVII веков лексема *пральница* не отмечена, фиксируется только лексема *пральник* в знач. ‘тот, кто занимается стиркой’ [7; 18: 134]. Исходя из морфемной структуры слова, предполагаем такое знач. лексемы *пральница*: ‘женщина, занимающаяся стиркой’.

¹⁷ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113. Л. 96 об.

¹⁸ Там же. Д. № 450. Л. 49 об.

¹⁹ Там же. Л. 12.

²⁰ Там же. Д. № 114. Л. 144.

²¹ Лексема *земля* отмечена в Переписных книгах 1652 и 1663 годов и является самой частотной среди всех лексем основ на ***ā**, употребленных в дат. п.: 61 случай.

²² ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450. Л. 87 об.

²³ Там же. Л. 80.

- ²⁴ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450. Л. 113 об.
²⁵ Лексема *староста* отмечена в Приходо-расходной книге 1674/75 годов в дат. пад. с флексиями **-и** (где, вероятно, наблюдалось изменение [ст] в [с'т']) и **-ы**: продано *старости* Гаврилы Кузнецу (л. 16) – продано церковному *старосты* в Паниковичи (л. 5 об.).
²⁶ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 450. Л. 121.
²⁷ Там же. Л. 53 об.
²⁸ Там же. Д. № 112. Л. 308 об.
²⁹ Там же. Д. № 450. Л. 114 об.
³⁰ Там же. Л. 98.
³¹ Там же. Л. 59 об.
³² Там же. Л. 47.
³³ Там же. Л. 51 об.
³⁴ Там же. Д. № 113. Л. 103 об.
³⁵ Там же. Д. № 114. Л. 314 об.
³⁶ Там же. Д. № 450. Л. 35.
³⁷ Там же. Л. 12.
³⁸ Исходя из контекстов, лексема *записка* употреблена в знач. 'список, опись' (ср.: [7; 5: 265]).
³⁹ ГАПО. Ф. 499. Оп. 1. Д. № 113. Л. 160.
⁴⁰ Там же. Л. 49 об.
⁴¹ Там же. Д. № 450. Л. 35.
⁴² Там же. Д. № 112. Л. 12 об.
⁴³ Там же. Д. № 114. Л. 121 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борковский В. И., Кузнецов П. С. Историческая грамматика русского языка. М., 2007. С. 158–313.
2. Кадастр «Достопримечательные природные и историко-культурные объекты Псковской области». Псков, 1997. С. 179–180, 274–278, 340–341, 453–454, 512, 586, 673.
3. Колесов В. В. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2009. 512 с.
4. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М., 1974. 143 с.
5. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I. Единственное число. М., 2010. 344 с.
6. Сидоренская Н. Д. Нетные книги Псково-Печерского монастыря 1682 г. Псков, 2010. 176 с.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–29. М., 1975–2011.
8. Черныш П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1962. 375 с.

Romanenko S. N., Pskov State University (Pskov, Russian Federation)

ON UNIFICATION OF NOUN FORMS IN DATIVE SINGULAR (FROM XVII CENTURY HOUSE-BOOKS OF PSKOV MONASTERY OF CAVES)

The mutual influence of the hard and soft types of the **a**-stem noun declension is one of the aspects in the tendency of noun forms' unification. The scholars refer the beginning of the mentioned process to a prewriting period. Multiple samples of the XIth century records, together with the samples of the XIII–XIVth centuries, point to the prevalence of inflexion of the hard type, on the one hand, and of the soft one, on the other hand. The study tested peculiarities of mutual influence of the hard and soft type of the **a**-stem nouns' declension in Dative. The research is based on Pskov-Caves monastery house-books dating back to the XVIIth century. The purpose of the study is to investigate local peculiarities' influence on nominative paradigms' establishment in the process of national language development. A research of linguistic materials taken from the monastery house-books dating back to the XVIIth century revealed application of 73 lexemes in 236 inflexions. They are defined by the letters **е, ё, и, ы**. Moreover, the research demonstrated that **-и, -ы** inflexions, i. e. inflexions of the soft type of declension, prevail in Pskov records of the period in question. Thus, 51 lexemes have these inflexions and only 8 lexemes have original inflexions (ancestral). It is noted that a large vocabulary group with new inflexions is made up of individual names and nicknames of the workers who were paid for their job. The facts are registered in the account book of 1674–1675. In this record, we can come across the highest frequency of lexemes with new inflexions if compared with population census books of 1639, 1652 and 1663. Consequently, Pskov records, fixing unification of inflexion in Dative singular in the XVIIth century, reflect both typical Russian processes and creation of standards characteristic of local dialects.

Key words: Dative singular, ***a**-stems nouns, mutual influence of the hard and soft type of declension, Pskov monastery house-books

REFERENCES

1. Borkovskiy V. I., Kuznetsov P. S. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow, 2007. P. 158–313.
2. Kadastr "Dostoprimechatel'nye prirodnye i istoriko-kul'turnye ob"ekty Pskovskoy oblasti" [Inventory "Noteworthy natural and historical and cultural objects of Pskov area"]. Pskov, 1997. P. 179–180, 274–278, 340–341, 453–454, 512, 586, 673.
3. Kolesov V. V. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. St. Petersburg, 2009. 512 p.
4. Markov V. M. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Imennoe sklonenie* [Historical grammar of Russian. Nominal inducement]. Moscow, 1974. 143 p.
5. Obnorskiy S. P. *Imennoe sklonenie v sovremennom russkom yazyke. Vyp. I. Edinstvennoe chislo* [Nominal inducement in modern Russian. Is. I. Singular]. Moscow, 2010. 344 p.
6. Sidorenskaya N. D. *Netnye knigi Pskovo-Pecherskogo monastyrja 1682 g.* [Netnye of the book of the Pskovo-Pechersky monastery of 1682]. Pskov, 2010. 176 p.
7. *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* Vyp. 1–29 [Dictionary of Russian of the XI–XVII centuries. Is. 1–29]. Moscow, 1975–2011.
8. Chernykh P. Ya. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of Russian]. Moscow, 1962. 375 p.

Поступила в редакцию 28.10.2013

АНТОН ВЛАДИМИРОВИЧ АНТОНОВ

аспирант кафедры литературы филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск, Российская Федерация)

ton-tan@mail.ru

МАИНА ПАВЛОВНА ЧЕРЕДНИКОВА

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы филологического факультета, Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова (Ульяновск, Российская Федерация)

maina@list.ru

ФУНКЦИЯ ХРОНОТОПА В ПОВЕСТИ «БЕСПОКОЙСТВО» БРАТЬЕВ СТРУГАЦКИХ

Исследуется хронотоп повести А. Н. и Б. Н. Стругацких «Беспокойство». В марте 1965 года, когда повесть уже была написана, авторы решили отложить рукопись и написать новую повесть, известную под названием «Улитка на склоне», сохранив в ней главы, которые касались Леса. Анализ пространственно-временной структуры показывает, что фантастическое начало в повести «Беспокойство» выходит за рамки научно-фантастического жанра и становится приемом, позволяющим со всей остротой высветить опасные тенденции настоящего. В середине XX века Стругацкие создают антиутопию, в которой выявлен вектор дальнейшего развития общества. Условное время космических открытий связано с недавним узнаваемым историческим прошлым. Уплотнение времени, при котором реальное прошлое и настоящее наполнились «творческими возможностями дальнейшего бесконечного реального становления и развития» (М. М. Бахтин), позволило создать произведение, которое полвека спустя оказалось более актуальным, чем в момент написания.

Ключевые слова: хронотоп, уплотнение времени, пространственно-временная структура

Повесть «Беспокойство» была написана в 1965 году, но затем Стругацкие решили переписать ее, и итоговый вариант получил название «Улитка на склоне». Большая часть повести «Беспокойство» с минимальными поправками вошла в «канонический» текст «Улитки на склоне», который впервые целиком был опубликован только в 1988 году. Рукопись «Беспокойства» многие годы хранилась в архиве писателей и была издана только в 1990 году [9]. По признанию авторов, «оказалось, что эта повесть (совершенно самостоятельная, не имеющая сколько-нибудь жесткой идейной связи с романом “Улитка на склоне”) не утратила полностью актуальности и читается так, словно написана была <...> совсем недавно» [9].

Тем не менее повесть «Беспокойство» редко привлекает внимание исследователей. Анализ хронотопа этого произведения позволяет понять, почему авторский замысел, казавшийся незлободневным в 1965 году, оказался востребованным почти столетия спустя.

Важным отличием от «Улитки на склоне» является принадлежность «Беспокойства» к циклу Мира Полудня. В основе сюжета повести «Беспокойство» – столкновение земной цивилизации с цивилизацией инопланетной. Герои «полуденного цикла» часто действуют в соответствии с теорией прогрессорства, считая, что они имеют

право тайно направлять развитие «низших», по их представлениям, цивилизаций.

В повести «Беспокойство» отношения разных цивилизаций представлены как более сложный процесс.

Место действия повести – планета Пандора – воплощение дикой, чужой природы, таинственной и непонятной для землян. Почти всю поверхность Пандоры покрывает Лес, предстающий как некое одушевленное пространство, напоминающее то ли антропоморфное существо, то ли животное. На сравнительно небольшом участке Пандоры располагается База землян.

Пространства Базы и Леса противопоставлены друг другу как две крайние точки вертикали. Пространство Базы точно: оно сосредоточено вокруг высотного здания Управления. Однако это узкое пространство постоянно соотносится с бесконечным пространством Леса.

Первый персонаж, о котором идет речь в начале произведения, – Леонид Горбовский, герой нескольких повестей цикла «Мир Полудня». Он – известный ученый, хорошо знающий разные планеты Полдня. С Горбовским связана целая эпоха освоения этого мира.

В повести «Беспокойство» Горбовскому отведена странная роль: он оказывается на Пандоре без всякой видимой цели. У других персонажей, находящихся на далекой от Земли планете, есть

определенное дело. Персонал Базы объединяет либо исследовательская работа, либо обслуживание туристов, которые прилетают на Пандору охотиться на экзотических животных. Горбовского отличает отсутствие видимой цели, которая могла бы объяснить его появление на Базе.

Первая ситуация, связанная с Горбовским, метафорична: человек, сидящий на краю пропасти, в недрах которой скрывается лиловый туман Леса, бросает вниз камешки, словно пытаясь вступить в контакт с неведомым миром.

Земляне прилетают на Пандору в поисках сильных ощущений, испытывая свое бесстрашие и мастерство стрелков. Их бесшабашность вызывает тревогу у Горбовского: *«Слишком стало все определено, слишком все уверены»* [6; 67]. Рефлексия этих персонажей связана с главным философским вопросом повести: существуют ли моральные ограничения при принятии научных проектов, которые со временем могут привести к разрушению земной цивилизации и уничтожению человечества? В отклике от многих современников Горбовский считает, что научные открытия, умножающие самоуверенность людей, постоянно ищущих контакта с внеземными цивилизациями, ставят под угрозу существования само человечество.

В изображении самоуверенных, не знающих сомнений землян сквозит авторская ирония. Плакатные портреты этих героев представляют собой стилизацию популярных научно-фантастических произведений, которые выпускались большими тиражами в 50–60-е годы¹.

Стилизация популярной научной фантастики в изображении героев используется тогда, когда Стругацким важно показать уязвимость массового сознания, связывающего безусловный прогресс с научно-технической революцией. Ощущения Горбовского создают резкий диссонанс на фоне уверенного спокойствия сотрудников Базы. Горбовский – единственный из землян, кто вышел на границу с Лесом как «чужим» пространством (для землян пересечение границы не является поводом переосмыслить картину мира, так как они воспринимают все пространство как «свое»).

Лес для землян – объект научного изучения, *«но если он воюет с другими разумными существами, вопрос из научного <...> становится моральным <...> а мораль сама по себе, внутри себя не имеет логики, она нам задана до нас»* [6; 195]. Для Горбовского это не праздный философский вопрос, а проблема, которую он *«пережил в фантазии»* и убежден, что она скоро возникнет перед человечеством реально, поскольку *«лес... еще заговорит»* [6; 196].

Предошущение тяжелейшего для человечества выбора, мыслью о котором живет Горбовский, реализуется в судьбе Атоса-Сидорова, с которым связана вторая сюжетная линия повести. Вертолет Атоса потерпел катастрофу. Боль-

шинство людей, находящихся на Базе, уверены, что космонавт погиб. Леонид Горбовский напряженно вглядывается сверху в неизвестную глубину Леса, тогда как Атос оказывается внутри лесного пространства.

Пространство Леса дискретно: есть места, где сохранились вымирающие деревни, они окружены живой, непонятной природой, постоянно угрожающей жизни людей. По замыслу авторов, рядом с уходящими в прошлое крестьянскими общинами располагается новая *«прогрессирующая цивилизация <...> биологическая цивилизация женщин»* [8]. Женщины овладели сложнейшими биотехнологиями, они научились жить на суше и в воде и сумели поставить себе на службу таинственные природные явления Пандоры, став хозяевами планеты. Мужчины им не нужны, так как женщины размножаются *«партеногенетически»*. Однополая цивилизация ведет себя агрессивно по отношению к людям, живущим традиционным укладом. Так в повести *«Беспойство»* на одном горизонтальном пространстве сталкиваются прошлое и будущее, остатки человеческой цивилизации, в некоторых чертах напоминающей земную цивилизацию конца XX века, и новой цивилизации, основанной на изменении человеческой природы.

Сюжетная линия, посвященная Атосу-Сидорову, связана с пространством некой деревни, которая находится в глубине Леса. Крестьяне, живущие в лесу, нашли и приютили раненого Атоса. Бытовые приметы деревенского пространства, описанные в повести, хорошо знакомы русскому читателю 60-х годов прошлого века. Утварь в домах ограничивается глиняными горшками, из одного горшка едят пищу все обитатели дома. Улицы деревни быстро зарастают высокой травой. Есть здесь площадь, где происходят собрания. Организуют собрания староста и землемер. Речь, которую произносит староста, невразумительна и непонятна не только слушателям, но и ему самому. За пределами деревни располагается поле, где крестьяне сеют и собирают урожай.

На небольшом расстоянии есть другие деревни: «грибная», в ней «никто уже не живет», поскольку она заросла несъедобными грибами, и «чудакова», жители которой – «чудаки», делают горшки из глины. Однако за этими реалиями знакомого крестьянского быта существует подтекст, важный для понимания художественной логики повести. В изображении крестьян писатели используют фольклорные реминисценции. Непохожесть Атоса на жителей деревни крестьяне объясняют тем, что кто-то нормальную голову у него отрезал и приставил чужую. Такая ситуация представляется им вполне возможной.

Подобно сказочным пошехонцам, крестьяне смутно представляют себе пространство за пределами деревни. Дорога, по которой им при-

ходило ходить, связана с практическими нуждами. Пространство, не связанное с конкретным знанием, не воспринимается деревенскими жителями как реальное.

Сознание крестьян лишено причинно-следственных связей. Попытка собеседников Атоса рассказать о дороге в Город сводится к бесконечной кумуляции с упоминанием близлежащих мест: Тростники – Муравейники – Новая деревня – Глиняная поляна. Так сказочные пошехонцы, идущие в Москву, не замечают, как возвращаются домой в Вятку [5; 338].

Таким образом, тип мышления крестьян сродни особой «дурацкой логике» (В. Я. Пропп) героев сказок о глупцах. Атос устает от бесконечных, бестолковых разговоров с деревенскими жителями. Но так же, как сказочные персонажи, крестьяне добры и бескорыстны. Они спасли Атоса и Наву, дали им жилье, при этом ничего не требуя взамен.

Говоря о глупцах бытовых сказок, Ю. И. Юдин пишет, что одно из свойств этих героев – «отгороженность, отторженность от обычного течения жизни, бытовых норм и отношений, состояние “не от мира сего”» [10; 127]. Эта особенность и создает комический эффект в народной сказке.

Однако в контексте повести Стругацких отгороженность крестьян от внешнего мира приобретает трагический характер. Крестьяне, некогда связанные с этим миром, становятся отверженными. В «Комментариях к пройденному» Б. Н. Стругацкий пишет: «Когда нужен был хлеб, они были нужны. Научились выращивать хлеб без крестьян – про них забыли» [8].

Пространство деревни замкнуто, «отгорожено» от большого пространства планеты Пандора. На границах этого пространства время от времени появляются опасные обитатели Леса – «воры» и «мертвяки». И те и другие враждебны крестьянам, поскольку похищают женщин. Но они враждебны и друг другу. При этом воры – такие же люди, как сами крестьяне, но живущие разбойным промыслом.

Мертвяки – антропоморфные существа, отдаленно напоминающие людей. Они изображаются как нечистая сила народных демонологических рассказов.

Однако страшные существа повести не синонимичны мифологическим персонажам народных быличек и бывальщин. Мертвяки – биороботы, способные по приказу женщин, ставших хозяевами Леса, беспрекословно выполнять любое их требование.

В контексте традиционной народной культуры причины появления того или иного демонологического персонажа всегда могут быть объяснены. Мертвяки и их поведение не вписываются в картину мира, привычную для деревенских жителей, и потому особенно страшны. Появление

мертвяков на пограничье деревни подчеркивает уязвимость ее пространства.

Время деревенских жителей ограничено монотонно повторяющимся суточным циклом. По инерции крестьяне сеют и убирают урожай, по инерции возят его на Глиняную поляну, как делали это когда-то. Но урожай уже никому не нужен, и его привозят обратно. Сами крестьяне тоже легко обходятся без урожая: съедобны лесные побеги, в некоторых местах съедобна даже земля, одежда вырастает на грядках. Традиционный крестьянский труд утратил свой исконный смысл, и жизнь деревенских жителей превратилась в унылое прозябание. Таким образом, сказочные реминисценции в повести Стругацких не имеют ничего общего с оптимизмом сказки, поскольку приобретают в контексте произведения прямо противоположный смысл.

О прошлом крестьяне не помнят, о нем напоминают лишь невнятные реплики старика-обжоры. В ворчании старика постоянно повторяется одно и то же слово: «нельзя». Слово лишено конкретного смысла, и сам старик не способен объяснить, что именно он имеет в виду. Старик вспоминает, что когда-то от деревни шла тропинка, по которой он часто ходил «на дрессировку», теперь на этом месте – заросли. Былая социальная функция старика проясняется, когда он выражает готовность пойти вместе с Атосом в Город: «в Город мне надо для того, чтобы свой родовой долг исполнить и все обо всем кому следует рассказать...» [6; 57]. Оказывается, когда-то старик был «стукачом», и его привычка ходить из дома в дом объясняется не только ненасытным голодом. Однако в настоящем и «стукач» никому не нужен.

Старик осуществлял связь деревни с внешним миром в прошлом. В настоящем эта связь поддерживается через Слухача. Слухач – зомби, ретранслятор неких идей, которые не понятны ни самому Слухачу, ни его слушателям.

Однако то, что непонятно крестьянам, понятно читателям – современникам Стругацких. «Отдельные фразы» из бессознательной «передачи» Слухача – хорошо знакомые идеологические клише из ежедневных радионовостей об очередных битвах за урожай на «трудовых фронтах» Советского Союза. Узнаваемость этих клише создает в повести иронический подтекст: «На фронте южных земель в битву вступают новые... <...> победного передвижения... Большое разрыхление почвы на северном направлении временно прекращено... Во всех деревнях... большие победы... усилия... новые отряды подруг... завтра и навсегда спокойствие и слияние» [6; 45–46].

Таким образом, идеологическая риторика XX века остается актуальной для новой цивилизации на Пандоре. Разница лишь в том, что речь идет не о битве за новый урожай, а о «борьбе на

всех фронтах» [6; 53] со старым традиционным укладом крестьянской жизни, под натиском разрушительного «прогресса».

Атос не знает, сколько времени он провел в деревне. Поль Гнедых в разговоре с Горбовским, вспоминая о нем, говорит, что Атос-Сидоров погиб «давно». Для самого Атоса время слилось в череду однообразных дней, не имеющих точного временного измерения. Каждый день в деревне – это бесконечно повторяющиеся разговоры героя об его уходе.

Неопределенность времени, проведенного в деревне, выражается в слове, которое Атос повторяет ежедневно: «послезавтра». Это слово повторяется неделями, но состояние героя остается неизменным.

Движение сюжета связано с одним из дней, когда герой, наконец, находит в себе силы выйти в путь. С этого момента все события происходят в Лесу. Из одного чужого для него пространства Атос попадает в другое, не менее чужое. Через преодоление чужого герой надеется обрести свое пространство, которое он утратил. Путешествие через Лес соотносится со сказочно-фантастической традицией, на что обращали внимание исследователи творчества Стругацких (см. [4; 107–108]). В отличие от сказочного сюжета герой проходит через испытания не в поисках невесты (Нава – «жена»-подросток сопровождает его в Лесу), а в поисках пути домой, на Базу.

После выхода героя из деревни время заметно ускоряется за счет динамики происходящих событий. Движение сюжета, как в сказке, определяется действиями героя. Атос вынужден либо отражать нападение воров, либо спастись от их преследования. Но опаснее воров оказывается само пространство Леса, таинственное, страшное, непредсказуемое пространство.

Е. М. Неелов отмечает, что у Стругацких «темный таинственный лес» является «героем повести» [4; 107]. Лес – субъект, «негуманоидный разум», влияющий на поведение и физическое состояние людей. Лиловый туман – некая живая субстанция, лишаящая человека воли. Это – неизвестная энергия Леса, которую женщины-хозяева Пандоры научились использовать в своих целях.

Ситуация временной остановки в пути, когда Атос и Нава попадают в «странную деревню», является особо значимой для понимания авторского замысла. С одной стороны, целый ряд мотивов этой части сюжета типологически близок сказке: ночь в Лесу, дом (вернее, антидом), куда попадают герои, переплетение сна и яви и, наконец, бегство героев. Пространство «странной деревни» изображается как чужеродное, опасное для обычного человека. Особенно остро это чувствует Нава, жизнь которой была связана с деревенским укладом. Ее настораживает отсутствие запахов живой деревенской жизни и

«мертвая тишина» на улице. У встреченных людей не видны лица, странный и непонятный язык, на котором они говорят. Во всех домах на полу лежат спящие мужчины. Во время ночлега сами герои ощущают дремотное состояние полусна-полуяви. В традиционной культуре отсутствие запахов, обморочный сон, «молчание, тишина являются проявлениями эзотеризма сферы смерти» [3; 126].

«Странная деревня» – действительно мертвая зона. Но исчезающая здесь жизнь – результат чудовищного эксперимента, который производится по воле женщин – представительниц «прогрессирующей» цивилизации. В домах «все спящие были мужчины. Не было ни одной женщины, ни одного ребенка» [6; 103].

В повести «Беспокойство» события, происходящие в «странной деревне», окутаны тайной, смысл которой до конца не понятен ни герою, ни читателю. В доме, где Атос с Навой остановились на ночлег, происходит мистическая встреча с Карлом, которого все считали погибшим. Атос идет следом за Карлом из дома, и в этот момент из плоского здания напротив раздается «громкий откровенный крик боли» [6; 106]. У дверей странного строения Атос видит Карла и Валентина, в их разговоре он слышит «полужнакомое слово “хиазма”» [6; 108].

При дальнейшей работе над текстом, редакция которого стала частью повести «Улитка на склоне», события страшной ночи проясняются благодаря нескольким новым деталям. Впервые, появляется более подробное описание спящих в домах мужчин. «Кожа у него (спящего. – М. Ч.) была влажная и холодная, как у амфибии, он был жирный, мягкий, и мускулов у него почти не осталось» [7; 162]. Эта деталь повторяется несколько раз. «Все спящие были жирные потные мужчины» [7; 163].

Наутро, перебирая в памяти события минувшей ночи, Атос, профессиональный биолог, вспоминает слово «хиазма» – медицинский термин, связанный с особой формой перекреста хромосом². Атос догадывается о характере операций, происходивших в странной и страшной деревне. Жирные больные мужчины – жертвы насильственной стерилизации. Скальпель, неизвестным образом оказавшийся в руке Навы, вызывает воспоминание о том, что Карл был хирургом.

Мысль о Карле возникает в сознании героя и при встрече с «хозяевами» планеты – женщинами-«амазонками». Главная из них («беременная женщина») с чувством превосходства и высокомерия говорит о землянах как о людях, которые «все время набивают себе головы бесполезными знаниями» [6; 159–160]. И вдруг Атос слышит слова о том, чему накануне стал невольным свидетелем: «Вчерашнее испытание... показало, что они кричат от боли в тех же случаях, что и любой мужчина...» [6; 160]. Так герою

окончательно открывается причина страшного ночного происшествия.

По мере преодоления трудной дороги от деревни до Города происходит расширение внутреннего пространства героя. Находясь в деревне, Атос не может ни о чем думать. В пути у него внезапно вновь появляется утраченная способность к умозаключениям. Преодоление инерции деревенской жизни становится импульсом постепенного возрождения интеллектуальной и духовной энергии. Желание найти Город, чтобы узнать, как попасть на Базу, в результате пройденного пути перестает быть только прагматической задачей. Перед Атосом как ученым постепенно встают проблемы философского характера. Одна из этих проблем связана с необходимостью найти и понять *«источник разумной деятельности»* [6; 148], от которой зависит жизнь и смерть людей на Пандоре. В сознании Атоса возникают разные версии ответа на этот вопрос. Однако встреча с «амазонками» убеждает героя в том, что именно они определяют суть происходящих на планете событий. «Амазонки» защищены от опасного влияния лилового тумана, способны исправлять ошибки животворящей стихии Леса, избавляя его странную фауну от больных и немощных особей. Атос становится свидетелем такой «чистки» Леса. Однако при общении с «хозяевами» он понимает, что они высокомерно считают «ошибкой» людей, образ жизни которых не вписывается в их представления о прогрессе. «Чистка», исправление «ошибок» предполагает не только изменение фауны, природного рельефа планеты, но и жестокие эксперименты на живых людях с последующим их уничтожением. Для читателей Стругацких такого рода идеи не представлялись фантастическими, поскольку определяли хорошо известные реалии земной жизни в XX веке. Слово «чистка» для современников писателей было связано отнюдь не с абстрактным понятием.

Таким образом, идея «прогрессорства», жестокого и беспощадного, в повести «Беспокойство» связывается с существами новой цивилизации, угрожающей существованию человечества.

Перед героем повести встает вечный философский вопрос: возможно ли оправдание прогресса любой ценой, прогресса, обрекающего на гибель людей, которых сильные мира *«считают лишними, жалкой ошибкой»* [6; 185]. Решение вопроса лежит не в научной плоскости, а в сфере морали. Здесь находится точка пересечения двух сюжетных линий повести «Беспокойство». Мучительная проблема, которую Горбовский не раз «пережил в фантазии», определяет реальную судьбу Атоса. Горбовский предполагает, что Лес «еще заговорит» [6; 195]. Атос уже знает, о чем «говорит» Лес на языке новой цивилизации.

Кольцевая композиция сюжетной линии, связанной с судьбой Атоса-Сидорова, позволя-

ет в полной мере понять изменения внутреннего пространства героя. Первоначально дорога героя к Городу – это дорога к Базе, а значит, к спасению. Испытания, встреча с «амазонками», расставание с Навой – все это приводит Атоса к переоценке событий, участником которых он стал. Чужой мир деревни, из которой в начале повести Атос стремится уйти, становится для него своим миром, где его спасли, выходили и обласкали. Трогательная верность и смелость Навы, которую он потерял, доброе отношение к нему деревенских жителей определяют выбор героя, означающий противодействие прогрессу «на каком-то крошечном участке его фронта» [6; 185]. Обратный путь Атоса – путь к самому себе и обретение дома, который нуждается в спасении, невозможном без его помощи. По словам героя, *«здесь выбирает не голова, здесь выбирает сердце»* [6; 186].

Время событий, происходящих в глубине Леса (так же, как и событий на Базе), – приблизительно три дня. С момента бегства героя из центра новой цивилизации, символизирующей исторический «прогресс», никаких внешних событий не происходит. Развязка сюжета связана с событиями внутреннего пространства героя, с его переживаниями и размышлениями. Система нравственно-философских координат двух последних глав повести переводит ее в символический план (см. [6; 217]).

Б. Н. Стругацкий, говоря об истории создания повестей «Беспокойство» и «Улитка на склоне», пишет о том, что в главах, посвященных событиям в Лесу, *«ситуация слилась с концепцией»* [8]. 30 апреля 1965 года в дневнике писателя появляется «фундаментального значения» строчка: *«Лес – будущее»* [8]. Эта концепция, художественное осмысление которой состоялось уже в работе над «Беспокойством», кардинальным образом меняло временную структуру повести. В едином пространственно-временном континууме оказываются одновременно и интеллигент, умница, ученый Леонид Горбовский, испытывающий беспокойство за судьбу человечества, утратившего инстинкт самосохранения, и циничные самонадеянные хозяйки Леса, и вымирающие крестьяне.

Уплотнение времени, при котором реальное прошлое и настоящее наполнились *«творческими возможностями дальнейшего бесконечного реального становления и развития»* [1; 232], позволило создать произведение, выдержавшее испытание временем. Почти полвека спустя повесть «Беспокойство» оказалась более актуальной, чем в момент ее написания. В середине XX века Стругацкие создают антиутопию, в которой выявлен вектор развития, определивший реальное, тревожное будущее время XXI столетия, вызывающее *беспокойство* за судьбу человечества у современных читателей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр.: Казанцев А. П. Внуки Марса // Мир приключений. Книга седьмая / Отв. ред. А. Н. Стругацкий. М.; Л.: Детгиз, 1962. С. 3–80; Мартынов Г. С. 220 дней на звездолете. Л.: Детгиз, 1955. 216 с.
- ² Через хромосомы происходит «передача признаков и свойств организма от поколения к поколению (наследственность)» [2; 873].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Роман воспитания и его значение в истории реализма // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Большой иллюстрированный словарь иностранных слов. М.: ООО «Изд-во АСТ»: ООО «Изд-во Астрель»: ООО «Русские словари», 2002. 960 с.
3. Невская Л. Г. Молчание как атрибут сферы смерти // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в культуре славян / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Изд-во «Индрик», 1999. С. 123–134.
4. Неёлов Е. М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. 252 с.
5. Сказки: Кн. 3 / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю. Г. Круглова. М.: Сов. Россия, 1989. 624 с.
6. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Беспокойство. Донецк: Изд-во «Сталкер», 2004. 222 с.
7. Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Улитка на склоне. М.: АСТ, 2009. 301 с.
8. Стругацкий Б. Н. Комментарии к пройденному [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-04.htm>
9. Стругацкий Б. Н. Несколько слов о повести «Беспокойство» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.ru/STRUGACKIE/bespokoj.txt>
10. Юдин Ю. И. Русская народная бытовая сказка. М.: Изд. центр «Академия», 1998. 256 с.

Antonov A. V., Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation)
Cherednikova M. P., Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. Ulyanov (Ulyanovsk, Russian Federation)

CHRONOTOPE FUNCTIONS IN ARKADY AND BORIS STRUGATSKYS' NOVEL "DISQUIET"

A chronotope of the novel "Disquiet", written by Arkady and Boris Strugatsky, is studied. In March of 1965, when the book was already finished, the authors decided to put aside the manuscript and write a new story called "Snail on the Slope". Chapters from the book "Forest" remained unchanged. A thorough analysis of the story's spatio-temporal structure shows that a fantastic beginning of the novel "Disquiet" goes far beyond the frames of science fiction genre. Eventually, it turns into a method instrumental in highlighting the most dangerous tendencies of the present. In the middle of the twentieth century, Strugatsky created a dystopia, which defined a particular direction of the society's subsequent development. The relative time of space discovery is associated with the recently recognized historical past. Concentration of time (when the real past and present are filled with "creative opportunities of further infinite reality formation and development") provided an opportunity of creating a book, which became even more relevant half a century after the time it was written.

Key words: chronotope, concentration of time, spatio-temporal structure

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. The Bildungsroman and Its Significance in the History of Realism [Roman vospitaniya i ego znachenie v istorii realizma]. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [Esthetics of Creative Discourse]. Moscow, 1979. 424 p.
2. Bol'shoy illyustrirovannyi slovar' inostrannykh slov [Large illustrated dictionary of foreign words]. Moscow, 2002. 960 p.
3. Nevskaya L. G. Silence as an attribute of the sphere of death [Molchanie kak atribut sfery smerti]. Mir zvuchashchiy i molchashchiy: Semiotika zvuka i rechi v kul'ture slavyan [The world sounding and silent: The semiotics of sound and speech in the culture of the Slavs]. Moscow, 1999. P. 123–134.
4. Neelov E. M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoy fantastiki [Fairy-tale roots of science fiction]. Leningrad, 1986. 252 p.
5. Skazki: Kn. 3 [Tales: Book 3]. Moscow, 1989. 624 p.
6. Strugatskiy A. N., Strugatskiy B. N. Bespokoystvo [Disquiet]. Donetsk, 2004. 222 p.
7. Strugatskiy A. N., Strugatskiy B. N. Ulitka na sklone [Snail on the Slope]. Moscow, 2009. 301 p.
8. Strugatskiy B. N. Kommentarii k proydennomu [Comments to the traversed]. Available at: <http://www.rusf.ru/abs/books/bns-04.htm>
9. Strugatskiy B. N. Neskol'ko slov o povesti "Bespokoystvo" [A few words about the story "Disquiet"]. Available at: <http://lib.ru/STRUGACKIE/bespokoj.txt>
10. Yudin Yu. I. Russkaya narodnaya bytovaya skazka [Russian household folktale]. Moscow, 1998. 256 p.

Поступила в редакцию 03.09.2013

КОНСТАНТИН ГЕННАДЬЕВИЧ ТАРАСОВ

кандидат филологических наук, проректор по учебной работе, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
kgtarasov@petrsu.ru

АНДРЕЙ ОЛЕГОВИЧ СУХОВ

студент 2-го курса филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
s.andreysuhov@gmail.com

ДАНИЯ И ШВЕЦИЯ В «ДНЕВНОМ ЖУРНАЛЕ...» В. И. ДАЛЯ*

В последние годы среди исследователей начал расти интерес к художественному творчеству В. И. Даля. Написано немало книг, статей, заметок, в которых он представлен как писатель, поэт, врач-хирург и даже морской офицер, что связано с его обучением в Морском кадетском корпусе. О творческой жизни Даля в годы обучения морскому ремеслу известно немного. Особую ценность представляет сохранившийся «Дневной журнал...», который лингвист вел на бриге «Феникс» во время путешествия кадетов Морского корпуса по Балтийскому морю в страны Европы, в частности в Швецию, разочаровавшую его, и в Данию, восхитившую его.

Ключевые слова: В. И. Даль, Морской кадетский корпус, «Дневной журнал...», путевые записки, Скандинавия, Швеция, Дания

Владимир Иванович Даль известен многим как выдающийся лингвист, фольклорист, этнограф, создавший такие памятники русской словесности, как «Толковый словарь живого великорусского языка» и сборник «Пословицы русского народа».

В последние годы среди исследователей начал интенсивно расти интерес и к художественному творчеству В. И. Даля. О его жизни, творчестве, научной и общественной деятельности сегодня написано немало книг, статей, заметок, в которых В. И. Даль представлен не только как «собираатель слов русских», но также как писатель, поэт, врач-хирург и даже морской офицер.

Из «Воспоминаний о Владимире Ивановиче Дале» П. И. Мельникова (Андрея Печерского) мы знаем, что летом 1814 года, когда Владимиру Далю было тринадцать с половиной лет, его отвезли учиться в Морской кадетский корпус [4; 277]. Об обучении и методах воспитания Морского корпуса В. Даль резко отзывался в своей автобиографической записке: «Что скажу об этом воспитании, о котором в памяти остались одни розги, так называемые дежурства, где дневал и ночевал барабанщик со скамейкою, назначенной для этой потехи. Трудно ныне поверить, что не было другого исправительного наказания против ошибки, шалости, лени, и даже в случае пустой бессмысленной досады любого из числа 25 офицеров... Что сказать о науке в корпусе? Почти то же, что о нравственном воспитании: оно было из рук вон плохо, хотя для виду учили всему. Марк Филиппович Горковенко, ученик известного Гамалеи и наш инспектор классов, был того убеждения, что знание можно вбить в ученика только розгами или серебряною таба-

керкою в голову... Лучшие годы жизни, убитые мною при корпусном воспитании, не могли поселить во мне никаких добрых, нравственных наклонностей» [1; 2247–2250].

Несмотря на то что В. И. Даль «убил лучшие годы своей жизни» в Морском кадетском корпусе, обучение в этом заведении сыграло важную роль в его судьбе. Интересно, но о творческой жизни В. И. Даля в годы обучения морскому ремеслу известно немного. Вероятно, исследователям только предстоит подробнее изучить этот аспект биографии Владимира Даля. Особую ценность в этом отношении представляет сохранившийся «Дневной журнал...», который гардемарин Владимир Даль вел на бриге «Феникс» во время путешествия Морского кадетского корпуса по Балтийскому морю в страны Европы и Скандинавии: Финляндию, Эстонию, Латвию, а также Швецию и Данию.

Свои наблюдения Владимир Иванович оформляет в жанре путевых записок, который возник в России в конце XVIII века. В основе такого жанра, как замечает Н. В. Иванова, «лежит описание перемещения в пространстве путешествующего героя, повествование о происшедших во время путешествия событиях, описание впечатлений путешественника, его размышлений по поводу увиденного и широкий информационно-познавательный план» [3; 5–6]. Жанр путевых записок – художественно-документальный. Доказательство этому находим у Даля. Его записки представляют не просто строгие и сухие заметки. При прочтении журнала видно, насколько Даль погружен в то, что описывает: его захватывает процесс создания не просто отчетности, а целого произведения, которое могло бы отра-

зитель специфику того или иного образа, попавшего под пытливым взор наблюдателя.

Так, в Швеции Владимир Иванович искусно подмечает особенности шведского менталитета. Посещая дворцы, соборы Стокгольма, Даль отмечает бережное отношение шведского народа к своей стране и особенно к королевской чете. После визита в Дом дворянского собрания в Стокгольме Владимир Иванович записал в своем журнале: «Все стены залы собрания украшены дворянскими гербами. На задней стене видна латинская надпись: “Благодеяние народа да будет первый закон”» [2; 372]. Прогулка по улицам Стокгольма заставила обратить внимание Даля на большое количество памятников, установленных в честь правителей Швеции разных времен. В журнале Даль пишет: «Мы видели здесь два монумента, из коих первый представляет Густава III, стоящего на каменном поддоне, а второй – Густава Адольфа, сидящего на лошади, оба они вылиты из меди: памятник Густаву Адольфу воздвигнут ему при жизни его еще народом...» [2; 371].

В Швеции В. И. Далю выпала возможность увидеть супругу короля Карла XIII – Эдвигу Елизавету Шарлотту Гольштейн-Готторпскую, которая во время посещения гардемаринами королевских особ «была одета в голубом шелковом платье с кружевами и в таковой же шляпе с белыми перьями» [2; 376]; крон-принца Карла XIV Юхана и его сына – принца Оскара I. Даль отзывался о них только в хорошем тоне, так как весь кадетский состав был неплохо принят при дворе. Несмотря на это, Даль не воодушевила произошедшая встреча: ему даже не удалось побеседовать с представителями шведской королевской семьи. Посетив адмиралтейство в шведской крепости Конунгсгольм, Владимир Иванович пишет о здешнем флоте так: «Он теперь состоит из 12 кораблей в числе коих также наш корабль по имени “Владислав” находится, взятый шведами в 1788 году... Корабли шведские, не только по моему мнению, но и по мнению людей, знающих хорошо кораблестроение, на вид безобразны и некрасивы» [2; 380]. А вот Даль сравнивает с кронштадтским артиллерийским арсеналом: «Он убранный... хорошо, но несравненно хуже кронштадтского» [2; 380].

После таких строк создается впечатление, что Владимир Иванович разочарован своим пребыванием в Швеции и самим путешествием на бриге «Феникс»: все чаще он акцентирует внимание на России, хотя впереди юных гардемарин ожидало посещение еще одной страны Скандинавии – Дании – родины предков автора, родившегося в семье потомственного датчанина, принявшего российское подданство, – Иоганна Христиана Даля, которого на русский манер звали Иваном Матвеевичем. Благодаря П. И. Мельникову (Андрею Печерскому) мы знаем наверня-

ка, что Даль очень занимал вопрос о том, какие чувства он испытает, когда увидит берега родины своих предков.

Следует заметить, что пребывание в Копенгагене Даль описывает с большим воодушевлением, чем Стокгольм: он с восторгом отзывается о датской столице и ее населении. На одной из страниц своего «морского дневника» он пишет: «12 числа (12 августа 1817 года. – К. Т., А. С.) поехали мы на берег... Мы увидели, что Копенгаген весьма хорош и правильно выстроен, имеет улицы широкие и дома довольно высокие, кои имеют хороший вид» [2; 381–382]. Даже о датчанах-сверстниках он отзывался лучше, чем о шведах, когда описывал Морской кадетский корпус Копенгагена: «Здесьние кадеты и здешний прием вообще гораздо еще лучше Стокгольмского!» [2; 389].

В. И. Далю удастся лично пообщаться с принцем Дании – Христианом VIII, его братом, супругой и сыном Фредериком (в «Дневном журнале...» Даль именует его Фридрихом). Вся семья производит благоприятное впечатление на Даля, особенно принц Христиан. Вернувшись после визита королевской семьи, Владимир Даль запишет в «Дневном журнале...»: «Принц Христиан, имеющий около 35 лет отроду, принял нас так хорошо и дружелюбно, что никто бы не мог принять нас лучше. Он говорил со всеми как бы с равными себе и обходился весьма ласково. Наконец, он поехал с нами вместе и с музыкой на шлюпках кататься. Едучи назад, застал нас довольно сильный дождь и как его, так и нас всех перемочил. Какой другой принц согласился бы, для нас единственно, замочиться в дождь!» [2; 384]. Известно, что между принцем Христианом и В. И. Далем состоялся разговор, из которого принц узнал об отце Даля. Удивившись, он спросил, говорит ли Даль по-датски, но тот ответил ему по-французски, что родился в России и потому не знает датского языка.

Таким образом, Дания оказалась гораздо гостеприимнее Швеции. Кроме того, в Дании с Далем произошел занятный случай, описанный им в «Дневном журнале...». Один из офицеров-воспитателей, сопровождавших гардемарин в плавании, князь-лейтенант Сергей Александрович Ширинский-Шихматов предпринял попытку отыскать кого-нибудь из предков Владимира Ивановича. Ему удалось найти некоего армейского офицера Даля, которого он предложил посетить, чтобы узнать наверняка, есть ли у того общие корни с Владимиром Ивановичем. В момент решающего визита в доме офицера оказалась только его жена, которую «просили, чтобы она, коль скоро муж ее приедет, сказала ему о сем и буде он родню в России имеет, то может найти его на бриге» [2; 388]. Но, к сожалению С. А. Ширинского-Шихматова, просьба эта «последствия не имела» [2; 388]. На этом попытки

узнать что-нибудь о корнях Даля прекратились: те, кто пытался помочь, отчаялись, а сам Даль решительным образом ничего для этого делать не собирался. Его все устраивало. Хорошо об этом написал В. И. Порудоминский: «Князь огорчался, а Владимир радовался. Они были чужими, датские Дали, однофамильцы, не родственники. Даля никогда не тянуло на чужбину» [5; 37].

Более того, со временем выяснится: появление на датской земле не произвело на Даля того впечатления, которого он ожидал. Вспоминая один из решающих моментов жизни, Даль однажды скажет: «Когда я плыл к берегам Дании,

меня сильно занимало то, что увижу я отечество моих предков. Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился в том, что отечество мое Россия, что нет у меня ничего общего с отчизной моих предков» [4; 285].

В начале сентября 1817 года бриг «Феникс» покинул берега Дании и уже к 7 числу этого месяца приблизился к Ревелю (до 1919 года название столицы Эстонии – Таллина), откуда после посещения командой нескольких церквей, гавани и адмиралтейства направил свой курс на единственную далевскую Родину – Россию.

* Исследование выполнено при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение № 14. В37.21.0539.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Даль В. И. Автобиографическая записка / Сообщ. О. В. Демидовой // Русский архив. 1872. Год 10-й. Вып. 11. Кн. 2. С. 2246–2250.
2. Даль В. И. Дневной журнал, веденный на бриге «Феникс» гардемарина Владимира Даля // Владимир Даль в счастливом доме на Пресне: Сб. ст. / Отв. ред. Г. А. Богатова, Ю. Л. Воротников; Сост. Р. Н. Клейменова. М.: Academia, 2010. С. 357–391.
3. Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2010. 26 с.
4. Мельников П. И. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. 1873. Т. 104. № 3. Март. С. 275–340.
5. Порудоминский В. И. Даль. М.: Молодая гвардия, 1971. 384 с.

Tarasov K. G. Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Sukhov A. O. Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

DENMARK AND SWEDEN IN V. I. DAHL'S "DAILY JOURNAL..."

In the recent years, the researchers' interest toward V. I. Dahl's creative works has been steadily growing. A lot of books, articles, and notes presenting V. I. Dahl as a writer, a poet, a surgeon, as well as a sea officer were written. Narrations concerning his marine experience are connected with V. I. Dahl's study at the Navy Cadet School. As to Dahl's creative works written during his education at the Navy Cadet School little is known. The "Daily Journal..." kept by Dahl during his Baltic Sea voyage on the brig «Phoenix» is of special value. Visiting European countries during his sea voyage Dahl experienced disappointment with Sweden and fascination with Sweden.

Key words: V. I. Dahl, Navy cadet school, "Daily Journal...", travel notes, Scandinavia, Sweden, Denmark

REFERENCES

1. Dal' V. I. Autobiographical note / Messaging O. V. Demidova [Avtobiograficheskaya zapiska / Soobshch. O. V. Demidovoy]. *Russkiy arkhiv* [Russian archives]. 1872. 10th year. Is. 11. Book 2. P. 2246–2250.
2. Dal' V. I. Daily journal introduced at the brig "Phoenix" by midshipman Vladimir Dal' [Dnevnoy zhurnal, vedenny na brige "Feniks" gardemarina Vladimira Dallya]. *Vladimir Dal' v schastlivom dome na Presne: Sb. st.* [Vladimir Dahl in a happy home in Presnia: Collection of articles]. Moscow, Academia Publ., 2010. P. 357–391.
3. Ivanova N. V. *Zhanr putevykh zapisok v russkoy literature pervoy trety XIX veka (tematika, poetika): Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Genre travel notes in Russian literature of the first third of the XIX century (subjects, poetics): Abstract cand. philology sci. diss.]. Moscow, MPGU Publ., 2010. 26 p.
4. Mel'nikov P. I. Memories of Vladimir Ivanovich Dal [Vospominaniya o Vladimire Ivanoviche Dale]. *Russkiy vestnik* [Russian Gazette]. 1873. Vol. 104. № 3. March. P. 275–340.
5. Porudominskiy V. I. *Dal'* [Dahl]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1971. 384 p.

Поступила в редакцию 20.11.2013

ИРИНА СВЯТОСЛАВОВНА АНДРИАНОВА

кандидат филологических наук, заведующий Web-лабораторией филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
yarysheva@yandex.ru

ЭПИСТОЛЯРНЫЙ ЖАНР В ТВОРЧЕСТВЕ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ*

А. Г. Достоевская являлась супругой и помощницей великого писателя, его литературной сотрудницей. Представлены характеристика и классификация сохранившегося в архивах ее эпистолярного наследия. Большая часть ее писем не только не изучалась, но и не опубликована до сих пор. Дается характеристика письма как явления словесности, принадлежащего общекультурной и литературной сферам (впервые – Ю. Н. Тынянов в работе «Литературный факт»). Дан краткий обзор истории изучения писательских писем как жанра, а также работ по исследованию писем Ф. М. Достоевского. Почти четверть эпистолярного наследия А. Г. Достоевской занимают письма к мужу. Приводятся выдержки из ее завещания относительно судьбы этой переписки. Делается вывод о том, что переписка супругов Достоевских – создание единого художественного текста, изучение которого дает многое для понимания личности великого писателя и его спутницы.

Ключевые слова: Достоевский, А. Г. Достоевская, переписка, эпистолярное наследие, архивы России

Письмо как явление словесности в равной степени принадлежит двум сферам – общекультурной и литературной. И вполне закономерным выглядит тот факт, что многие исследователи (Н. Л. Лейдерман, Г. М. Цвайг и другие авторы сборника «Художественно-документальные жанры: вопросы теории и истории» [21]) называют письмо одним из особых видов художественно-документальных жанров литературы. Находясь на грани документа и искусства, эпистолярные тексты вбирают в себя их черты. Как правило, автор письма не оставляет сферу реальных фактов, но при этом (особенно если он – писатель) создает целостный образ действительности. «Формы приватного сообщения и самораскрытия», выработанные «в самой приватной жизни и быту, – частное письмо, интимный дневник, исповедь» [2; 161] – проникли в сферу литературы и закрепились как жанр, привнеся особенности, присущие эпистолярному повествованию.

Разделение бытового и литературного факта на материале писем предложил Ю. Н. Тынянов. Как замечает исследователь, с потерей интереса к аллегориям и возникновением психологизма «из бытового документа письмо поднимается в самый центр литературы». При этом «бытовое» письмо, даже содержащее поразительные по силе и искренности строки, но не предназначенное для издания, по Тынянову, должно рассматриваться как факт бытовой. Как заключает исследователь, «письмо, оставаясь частным, не литературным, было в то же время и именно поэтому литературным фактом огромного значения. Этот литературный факт выделил канонизированный жанр “литературной переписки”, но и в своей чистой форме он оставался литературным фактом» [19; 131–133].

Основательный обзор истории изучения писательских писем как жанра дается в статье Т. П. Зориной «К проблеме эпистолярного жанра» [11]. Различные принципы и аспекты исследования писем литераторов представлены, к примеру, в работах Л. П. Гроссмана и Н. Л. Степанова – о письмах А. С. Пушкина [6], [17], С. Д. Гурвич-Лицинер – о письмах А. И. Герцена [7], К. Д. Муратовой – о письмах М. Горького [16], Е. Г. Елиной – об эпистолярных формах в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина [9], А. В. Громовой – о письмах Б. К. Зайцева [5] и др.

Эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского является предметом диссертационных исследований Е. В. Мелешенко [15] и Н. В. Шевцовой [22]. Избранные письма великого романиста исследовались в работах А. С. Долинина [8], Г. М. Фридендера [20], К. А. Баршта [1], Е. Д. Трухана [18], А. Жида [10] в связи с проблемой соотношения его писем и творчества. Тем не менее в отечественной науке на сегодняшний день существует необходимость в специальном фундаментальном исследовании, посвященном поэтике писем Ф. М. Достоевского.

Большая часть эпистолярного наследия Анны Григорьевны Достоевской не только не изучалась, но и не была опубликована. Сохранившиеся в архивах России письма супруги писателя охватывают 48 лет ее жизни; последнее письмо (к В. М. Трилицкому по поводу землемерных дел) датировано днем ее смерти – 9 июня 1918 года. Около 140 архивных единиц насчитывают письма самой А. Г. Достоевской. Писем к ней сохранилось значительно больше – около 1000 единиц. По-видимому, аккуратная Анна Григорьевна сохранила почти все, что было адресовано ей; что касается ее корреспондентов, то лишь немногие

из них понимали значение и ценность писем супруги Достоевского. Указанное количество не включает вклеенные в ее записные тетради бесчисленные письма делового характера, адресованные подписчикам на издания произведений Достоевского, и письма, полученные от них.

Круг адресатов А. Г. Достоевской с течением времени увеличивался. Особенно интенсивно это происходило в годы после смерти мужа (1881–1918 годы), что связано с активной деятельностью вдовы во имя сохранения памяти о Достоевском. Среди получателей ее корреспонденции преобладают частные лица, но присутствуют и лица официальные («Высокопреосвященнейший Владыко», ялтинский городской голова, исправник г. Старая Русса), а также различные организации (Правление Общества драматических писателей и композиторов, Правление Старорусского учительского союза, Славянское благотворительное общество). Сохранившиеся письма А. Г. Достоевской к частным лицам делятся на три группы. Первая из них – семейные письма. К данной группе принадлежат письма людям, с которыми ее связывали родственные отношения: матери А. Н. Сниткиной, брату И. Г. Сниткину, племяннику и племяннице писателя – А. А. Достоевскому и В. А. Савостьяновой, его братьям – Н. М. и А. М. Достоевским, жене последнего – Домнике Ивановне, позже детям – Л. Ф. и Ф. Ф. Достоевским. Особое место здесь занимают письма к мужу Ф. М. Достоевскому.

Вторая группа – дружеские письма (к С. Н. Шубинскому, Б. В. Никольскому, Е. А. Победоносцевой, С. В. Аверкиевой, Е. Ф. Юнге, Я. П. и Ж. А. Полонским и др.).

Третью группу составляют деловые письма. Сюда относится корреспонденция, связанная с организацией церковно-приходской школы имени Ф. М. Достоевского в Старой Руссе и попечительством над ней (к Новгородскому Владыке, отцу И. Румянцеву, А. С. Суворину, Х. К. Васильеву, М. И. Полянскому и др.); с организацией «Музея памяти» и созданием библиографического указателя произведений писателя (И. Л. Леонтьеву-Щеглову, А. Н. Пыпину, В. Л. Комаровичу, А. И. Станкевичу и др.); с издательской деятельностью А. Г. Достоевской, подготовкой Полного собрания сочинений писателя (к Н. Н. Страхову, М. А. Александрову, А. Ф. Марксу, Г. Ф. Пантелееву, В. П. Буренину, А. В. Круглову, С. А. Толстой, к подписчикам «Дневника Писателя» и др.); письма последних лет жизни, посвященные делам по адлеровскому и ялтинскому имениям (к Т. Ф. Гаазу, Н. Ю. Двужильному, А. И. Бедюх и др.).

Почти четверть эпистолярного наследия А. Г. Достоевской составляют письма к Ф. М. Достоевскому. Их переписка впервые была опубликована С. В. Беловым и В. А. Тунимановым

в издании «Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка», вышедшем в 1979 году в серии «Литературные памятники». Если ранее письма Ф. М. Достоевского к супруге публиковались обособленно, то ценность данного издания в том, что в нем, кроме 164 писем Ф. М. Достоевского к жене, впервые введены в научный оборот и 75 писем А. Г. Достоевской к мужу. С. В. Белов и В. А. Туниманов справедливо указывают, что «в совокупности письма Достоевского и Анны Григорьевны составляют своеобразную семейную хронику», которая является «подспорьем» для создателей летописи жизни и творчества и научной биографии писателя [3; 353]. Тот факт, что «работая с перепиской при ее использовании в качестве одного из источников, очень важно располагать не только теми письмами, которые получал данный человек, но и его ответами», признан также другими исследователями [4; 246].

Переписка – это еще и самостоятельный литературный феномен, текст, построенный диалогически. Она является «творчеством не только индивидуальным, но и совместным, потому что автор письма всегда имеет в виду личность адресата, свои с ним отношения, его интересы, взгляды и т. д.» [14; 313]. Переписка «обнаруживает свойства структурного целого – отчасти за счет тематического единства обсуждаемых в ней событий, проблем, отчасти – за счет стилистического единства (известно, что в зависимости от адресата меняется не только тематика, но и стилистика письма, участники переписки взаимно приспособляются к интонации друг друга), наконец – за счет повторяющихся сквозных мотивов, имен, общих “словечек”, намеков, понятных только корреспондентам» [13; 247]. Все эти признаки целостности свойственны переписке А. Г. и Ф. М. Достоевских. Они – творцы единого художественного текста, который требует специального исследования.

А. Г. Достоевская оставила распоряжение относительно судьбы ее переписки с мужем. Письма к мужу она в силу своей скромности и нелюбви к публичности не предполагала издавать: «Въ случаѣ если найдены будутъ письма мои къ моему мужу, я прошу моихъ наслѣдниковъ уничтожить ихъ, такъ какъ для меня было бы чрезвычайно тяжело, еслибы онѣ когда либо появились въ печати»¹. «Письма Ѳеодора Михайловича ко мнѣ, какъ представляющія собою чрезвычайный литературный и общественный интересъ, – указала завещательница, – могутъ быть напечатаны послѣ моей смерти въ какомъ либо журналѣ или отдѣльною книгою. Умоляю моихъ наслѣдниковъ отнести къ дѣлу напечатанія этихъ писемъ съ необычайною осмотрительностью. Изъ числа ихъ должны быть исключены *всѣ* особенно интимныя, касающіяся только меня лично. Прежде чѣмъ письма будутъ кому либо отданы, наслѣдники мои, сынъ мой и дочь,

должны сообща прочесть и обсудить возможность появления в печати тех или других писем. <...> Желательно чтобы письма были напечатаны в хронологическом порядке, всё целиком (кроме исключенных моими детьми). Если нельзя напечатать целиком, то можно бы было напечатать лишь письма, относящиеся к Пушкинскому празднеству. **ПРОШУ** моих детей **НЕ** давать писем для чтения, т. к. они могут затеряться или их спишут и напечатают в искаженном виде»².

Письма мужа были для Анны Григорьевны самой ценной частью его рукописного наследия, она называла их «художественной поэмой» [12; 584]. В этом она признавалась журналисту А. Измайлову и объясняла, почему сама никогда не издавала их: «Потому что в них сказано столько ласкового, столько лестного обо мне, что мне казалось невозможным напечатать это при жизни. <...> В письмах, в частности, он

так преувеличивал мои достоинства, так не замечал недостатков, что, мне казалось, это должно было остаться между нами, чтобы меня не обвинили в безмерном честолюбии, не назвали безумной саморекламисткой»³.

Переписка Достоевских состоит из нескольких циклов: писем периода жениховства (конец 1866 – начало 1867 года), писем заграничного периода жизни супругов (1867–1871 годы), писем последнего десятилетия жизни Федора Михайловича (1871–1880 годы), писем о Пушкинских днях в Москве (май – июнь 1880 года). Ее изучение дает многое для понимания не только личности великого писателя, который в письмах к Анне Григорьевне был откровенен, доверяя самому близкому человеку свои мысли и чувства. Их письма – «единственный в своем роде литературный памятник жене» [3; 354], верной спутнице не только в семейной жизни, но и в творческой работе.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Достоевская А. Г. Записная тетрадь с заголовком: «Книга первая. Объяснения домашних дел и указания, сделанные А. Г. Достоевской на случай ее смерти или тяжелой болезни, в марте 1902 года и в последующие годы» (1902–1911) // РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 224. 218 л. Л. 21–21 об.
- ² Там же. РГАЛИ. Ф. 212. Оп. 1. Д. 224. 218 л. 47 об.
- ³ Измайлов А. Спутница жизни Достоевского (Памяти А. Г. Достоевской) // РГАЛИ. Ф. 419. Оп. 1. Д. 181. Л. 30–30 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баршт К. А. Две переписки: Ранние письма Ф. М. Достоевского и его роман «Бедные люди» // Достоевский и мировая культура. 1994. № 3. С. 77–93.
2. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худ. лит., 1986. 543 с.
3. Белов С. В., Туниманов В. А. Переписка Достоевского с женой // Ф. М. Достоевский. А. Г. Достоевская. Переписка. М., 1979. С. 353–388.
4. Белявский М. Т. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР. М., 1981. С. 237–246.
5. Громова А. В. Письма писателя как феномен литературы: Об эпистолярной Зайцева // Наследие Б. К. Зайцева: Проблематика, поэтика, творческие связи. Орел, 2006. С. 114–118.
6. Гроссман Л. П. Культура писем в эпоху Пушкина // Гроссман Л. П. Письма женщин к Пушкину. М., 1928. С. 7–23.
7. Гурвич-Лищнер С. Д. Эпистолярный цикл в публицистике А. И. Герцена шестидесятых годов // Проблемы изучения Герцена: Сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 189–214.
8. Долинин А. С. Предисловие // Достоевский Ф. М. Письма. М., Л.: Academia, 1928–1959.
9. Елина Е. Г. Эпистолярные формы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1981. 91 с.
10. Жид А. Переписка Достоевского // Жид А. Достоевский: Эссе. Пер. с франц. Томск: Водолей, 1994. С. 7–30.
11. Зорина Т. П. К проблеме эпистолярного жанра // Ученые записки Московского педагогического института иностранных языков им. Мориса Тореза. 1970. Т. 55. С. 38–44.
12. Ковригина З. С. Последние месяцы жизни А. Г. Достоевской // Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы. Л.; М., 1924. Сб. 2. С. 583–590.
13. Магомедова Д. М. Переписка как целостный текст и источник сюжета (На материале переписки А. Блока и А. Белого, 1903–1905 гг.) // Динамическая поэтика: от замысла к воплощению. М.: Наука, 1990. С. 244–262.
14. Малахова А. М. Поэтика эпистолярного жанра // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 310–328.
15. Мелешенко Е. В. Письма Ф. М. Достоевского в контексте исследования личности и творчества писателя: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. 29 с.
16. Муратова К. Д. Эпистолярное наследие М. Горького // Русская литература. 1988. № 2. С. 216–228.
17. Степанов Н. Л. Письма Пушкина как литературный жанр // Степанов Н. Л. Поэты и прозаики. М., 1966. С. 91–100.
18. Трухан Е. Д. Письма Ф. М. Достоевского 1855–1857 гг. Текст и контекст // Достоевский и мировая культура. М., 1999. № 12. С. 155–163.
19. Тынянов Ю. Н. Литературный факт. М.: Высшая школа, 1993. 319 с.
20. Фридендер Г. М. Письма Достоевского // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1985. Т. 28. Кн. 1. С. 5–26.
21. Художественно-документальные жанры (вопросы теории и истории): Тезисы докладов на межвузовской научной конференции – май 1970. Иваново, 1970. 132 с.
22. Шевцова Н. В. Эпистолярный жанр в наследии Ф. М. Достоевского: Дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 228 с.

Andrianova I. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

EPISTOLARY GENRE IN ANNA DOSTOEVSKAYA'S WORKS

Anna Dostoyevskaya was a wife, an assistant, and a literary collaborator of the great writer. Characteristics and classifications of her epistolary heritage, preserved in the archives, are presented in the article. Most of her letters have neither been studied nor published until now. The genre of letter writing is characterized as a phenomenon of literature. This genre belongs to common cultural and literary spheres (for the first time – N. Tynyanov in the work “Literary fact”). A brief review of the history of study of the authors’ letter writing as a particular genre, as well as studies of the letters written by Fyodor Dostoyevsky are provided. Almost a quarter of Anna Dostoyevskaya’s epistolary heritage consists of letters written to her husband. Some excerpts from her will, concerning this correspondence, are submitted. It is concluded that correspondence between spouses – is a creation of a single literary text, the study of which gives a lot for understanding the writer’s personality and his companion’s identity.

Key words: Dostoyevsky, Anna Dostoyevskaya, correspondence, epistolary heritage, Russian archives

REFERENCES

1. Barsht K. A. Two letters: Early letters of Fyodor Dostoyevsky and his novel “The Poor People” [Dve perepiski: Rannie pis'ma F. M. Dostoyevskogo i ego roman “Bednye lyudi”]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoyevsky and World Culture]. 1994. № 3. P. 77–93.
2. Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1986. 543 p.
3. Belov S. V., Tunimanov V. A. Correspondence between Dostoyevsky and his wife [Perepiska Dostoyevskogo s zhenoy]. *F. M. Dostoyevskiy. A. G. Dostoyevskaya. Perepiska* [Fyodor Dostoyevsky. Anna Dostoyevskaya. Correspondence]. Moscow, 1979. P. 353–388.
4. Belyavskiy M. T. Memoirs, diaries, private correspondence [Vospominaniya, dnevniki, chastnaya perepiska]. *Istochniko-vedenie istorii SSSR* [Chronology of Soviet history]. Moscow, 1981. P. 237–246.
5. Gromova A. V. Letters of the writer as a literary phenomenon: On the epistolary Zaitsev [Pis'ma pisatelya kak fenomen literatury: Ob epistolyarii Zaitseva]. *Nasledie B. K. Zaitseva: Problematika, poetika, tvorcheskie svyazi* [Legacy of B. Zaitsev: Problems, poetics, creative communications]. Orel, 2006. P. 114–118.
6. Grossman L. P. Culture of letters in the days of Pushkin [Kul'tura pisem v epokhu Pushkina]. *Pis'ma zhenshchin k Pushkinu* [Women Letters to Pushkin]. Moscow, 1928. P. 7–23.
7. Gurvich-Lishchiner S. D. Epistolary cycle in journalism Herzen in the sixties [Epistolyarnyy tsikl v publitsistike A. I. Gertsena shestidesyatykh godov]. *Problemy izucheniya Gertsena* [Problems of studying Herzen]. Moscow, 1963. P. 189–214.
8. Dolinin A. S. Preface [Predislovie]. *Dostoyevskiy F. M. Pis'ma* [F. Dostoyevsky. Letters]. Moscow; Leningrad, 1928–1959.
9. Elina E. G. *Epistolyarnye formy v tvorchestve M. E. Saltykova-Shchedrina* [Epistolary forms in the works of Mikhail Saltykov-Shchedrin]. Saratov, Publisher Saratov University, 1981. 91 p.
10. Zhid A. Correspondence Dostoyevsky [Perepiska Dostoyevskogo]. *Zhid A. Dostoyevskiy: Esse* [A. Gide. Dostoyevsky: Essays]. Tomsk, 1994. P. 7–30.
11. Zorina T. P. To the problem of the epistolary genre [K probleme epistolyarnogo zhanra]. *Uchenye zapiski Moskovskogo pedagogicheskogo instituta inostrannykh yazykov im. Morisa Toreza* [Proceedings of the Moscow Pedagogical Institute of Foreign Languages named after Maurice Teresa]. 1970. Vol. 55. P. 38–44.
12. Kovrigina Z. S. Last months in the life of Anna Dostoyevsky [Poslednie mesyatsy zhizni A. G. Dostoyevskoy]. *F. M. Dostoyevskiy: Stat'i i materialy* [Fyodor Dostoyevsky: Articles and materials]. Moscow, Leningrad, 1924. Vol. 2. P. 583–590.
13. Magomedova D. M. Correspondence as a complete text and the source of the story (On a material correspondence between Blok and Andrei Bely, 1903–1905) [Perepiska kak tselostnyy tekst i istochnik syuzheta (Na materiale perepiski A. Bloka i A. Belogo, 1903–1905 gg.)]. *Dinamicheskaya poetika: ot zamysla k voploshcheniyu* [Dynamic Poetics: from concept to realization]. Moscow, 1990. P. 244–262.
14. Malakhova A. M. Poetics of epistolary genre [Poetika epistolyarnogo zhanra]. *V tvorcheskoy laboratorii Chekhova* [The creative laboratory of Chekhov]. Moscow, Nauka Publ., 1974. P. 310–328.
15. Meleshenko E. V. *Pis'ma F. M. Dostoyevskogo v kontekste issledovaniya lichnosti i tvorchestva pisatelya: Avtoref. diss. kand. filol. nauk* [Letters of Dostoyevsky in the context of the study of personality and creative writer. PhD of Philol. sci. diss.]. Barnaul, 2004. 29 p.
16. Muratova K. D. Epistolary heritage of Gorky [Epistolyarnoe nasledie M. Gor'kogo]. *Russkaya literatura* [Russian literature]. 1988. № 2. P. 216–228.
17. Stepanov N. L. Letters of Pushkin as a literary genre [Pis'ma Pushkina kak literaturnyy zhanr]. *Stepanov N. L. Poety i prozaiki* [Stepanov N. Poets and prose writers]. Moscow, 1966. P. 91–100.
18. Trukhan E. D. Letters of Dostoyevsky during 1855–1857 period. Text and Context. [Pis'ma F. M. Dostoyevskogo 1855–1857 gg. Tekst i kontekst]. *Dostoyevskiy i mirovaya kul'tura* [Dostoyevsky and World Culture]. Moscow, 1999. № 12. P. 155–163.
19. Tynyanov Ju. N. *Literaturnyy fakt* [Literary fact]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993. 319 p.
20. Fridlender G. M. Letters Dostoyevsky [Pis'ma Dostoyevskogo]. *Dostoyevskiy F. M. Polnoye sobranie sochineniy: V 30 tomakh* [Fyodor Dostoyevsky. The Complete Works in 30 volumes]. Leningrad, 1985. Vol. 28. Book 1. P. 5–26.
21. *Khudozhestvenno-dokumental'nye zhanry (voprosy teorii i istorii): Tezisy dokladov na mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii – may 1970* [Artistic and documentary genres (theory and history): Abstracts of the Inter-University Conference – May 1970]. Ivanovo, 1970. 132 p.
22. Shevtsova N. V. *Epistolyarnyy zhanr v nasledii F. M. Dostoyevskogo: Diss. kand. filol. nauk* [Epistolary genre in the heritage of Dostoyevsky. PhD of Philol. sci. diss.]. Chelyabinsk, 2004. 228 p.

Поступила в редакцию 11.11.2013

ЛЮБОВЬ ВИКТОРОВНА АЛЕКСЕЕВА
специалист Web-лаборатории филологического факульте-
та, Петрозаводский государственный университет (Пет-
розаводск, Российская Федерация)
lempi@mail.ru

ПАТРИАРХАЛЬНЫЙ МИР РУССКОГО СТАРООБРЯДЧЕСТВА В ИЗОБРАЖЕНИИ П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО (на материале романа «В лесах»)*

Рассматривается образ патриархального мира, воплощением которого для П. И. Мельникова-Печерского были старообрядцы, в его зрелом творчестве. В романе Мельников-Печерский отходит от сложившейся в литературе обличительно-сатирической традиции изображения старообрядчества, но не в полной мере. На художественном материале показана двойственность взглядов писателя: стремление выявить как положительные, так и отрицательные стороны старообрядчества. На примере положительных образов старообрядцев в скитах и в миру в романе выражена мысль о необходимости сохранения духовных ценностей, традиций, веры предков. Делается вывод о том, что патриархальный мир, представленный в романе, – мир, уходящий в прошлое. Мельников-Печерский предостерегает о возможной потере духовности, но возлагает надежды на сохранение такого бережного отношения к древней культуре предков, как у старообрядцев.

Ключевые слова: П. И. Мельников-Печерский, русское старообрядчество, традиции, духовные ценности, патриархальный мир

В романе П. И. Мельникова-Печерского (1818–1883) «В лесах» (1871–1874) выразилось стремление русской литературы этого периода изучить основы духовной жизни русского народа. По словам исследовательницы Н. Г. Дергуновой, «подобно своим современникам: Н. С. Лескову, Л. Н. Толстому, В. Г. Короленко – Мельников-Печерский исследует национально-культурные и религиозные ценности, укорененные в народном сознании» [5; 299].

Стараясь постигнуть сущность народного характера, веры, традиций, П. И. Мельников-Печерский в романе обращается к миру заволжского старообрядчества. К проблемам старообрядчества в творчестве П. И. Мельникова-Печерского обращались такие исследователи, как П. С. Усов [11], Л. А. Аннинский [1], В. Ф. Соколова [8], [9], В. В. Боченков [2], [3], И. В. Кудряшов, Ю. А. Курдин [6], Е. В. Гневковская [4], Н. Г. Дергунова [5], С. С. Царегородцева [12] и др. С жизнью и историей старообрядцев он был знаком, проведя детство в окруженном скитами г. Семенове Нижегородской губернии, путешествуя по Волге, Уралу, Сибири, где сохранялись патриархальные отношения, допетровский жизненный уклад, занимаясь в архивах изучением старообрядческих книг, рукописей, преданий и легенд, затем будучи чиновником особых поручений при нижегородском губернаторе. Несмотря на то что в 40-е годы XIX века П. И. Мельников-Печерский был признан главным знатоком старины, старообрядческого патриархального мира, он не был однозначным защитником ни домостроевского уклада, ни самого старообрядчества. В своих ранних художественных произведениях 50-60-х годов («Поярков», «Гриша») писатель придер-

живался обличительно-сатирической традиции, сложившейся по отношению к старообрядцам в русской литературе еще в XVII веке. Исследователь В. В. Боченков считает, что основополагающие принципы этой традиции были заложены еще Симеоном Полоцким, а затем продолжены в XVIII веке Феофаном Прокоповичем и Димитрием Ростовским [3; 439]. Однако к моменту написания романа «В лесах», первой части дилогии «В лесах» и «На горах», автор отходит от традиционного резко отрицательного изображения старообрядчества, но и не идеализирует его.

В своем стремлении познать источник духовной жизни народа, «на память грядущим родам “предать письмени” о том, как русские люди жила в старые годы» (цит. по: [7; 211]), П. И. Мельников-Печерский погружает читателя в мир старообрядцев Верхнего Заволжья: «Старая там Русь, исконная, кондовая. С той поры как зачиналась земля Русская, там чуждых насельников не бывало. Там Русь сысстари на чистоте стоит, – какова была при прадедах, такова хранится до наших дней»¹. Неоднократно в романе указывается на то, что именно старообрядцы были бережными хранителями древней русской культуры, допетровского жизненного уклада, старинных обычаев, веры предков, преданий и легенд. Это и сказания о тропе Батыевой, о невидимом граде Китеже на берегу Светлояра, и чудеса о святых преподобных, и предания о становлении обителей в заволжских лесах (2; 315, 322), живущие в памяти не одного поколения старообрядцев, и древнерусские иконы (чудотворная икона в Шарпанской обители, охраняющая скиты от гибели) (3; 170). О заслугах старообрядцев в сохранении памятников

древнерусского искусства прямо говорится в авторском повествовании о Комаровской обители: «Старообрядцы, не жалея денег, спасали от истребления неоцененные сокровища родной старины, собирая их в свои дома и часовни», а «доброхотные датели» и «невежественные настоятели», по выражению автора, сбывали драгоценную старину как ненужный хлам и приобретали заморскую утварь в новом вкусе (2; 328). Эти святыни отмечены Божьей милостью, потому незыблемы: «Цел град, но невидим. Не видать грешным людям славного Китежа. Скрылся он чудесно, Божьим повеленьем... Не допустил Господь басурманского поруганья над святынею христианскою» (2; 7). Тем самым автор утверждает, что в основе мировосприятия старообрядцев лежат исконные православные ценности. Среди них – герои многочисленных преданий, святые преподобные, праведники, деятели старообрядчества и др. (прав. Иов Многострадальный, преп. Макарий, преп. Моисей Мурин и преп. Варлаам, отец Софонтий), служащие примером в своем подвижничестве для старообрядцев и будто оправдывающие своим подвигом все их лишения и тяготы.

Мир скитов – патриархальный мир, регламентированный строгими уставами обители, мир, где соблюдение обряда, следование традициям, религиозный долг становятся целью человеческой жизни, ради которой следует отречься от всего личного, как бы трагично при этом ни складывались судьбы героев. Крайнее проявление такой самоотверженной веры в романе – настоятельница Комаровской обители Манефа, заслужившая во всех керженских и чернораменских скитах славу великой «ревнительницы древлего благочестия», «крепкого адаманта старой веры»: «Обительские заботы, чтение душеполезных книг, непрестанные молитвы, тяжелые труды и богомыслие давно водворили в душе Манефы тихий, мирный покой. Не тревожили ее воспоминания молодости, все бывшее покрывалось забвением» (2; 187). П. И. Мельников-Печерский преклоняется перед самопожертвованием героини во имя религиозного долга, сохранения традиций обители, стариной, бытом которой любит. В ней жизнь размеренна, слаженна под управлением рассудительной игуменьи. Но автор и не идеализирует скитский мир. Игуменья подавляет в себе живые чувства, рождаемые воспоминаниями о былой молодости, любви (см.: т. 2, ч. 1, гл. 13). Она и дочь свою, озорную Фленушку, призывает повторить ее путь, принять постриг и игуменство в молодости. Таким повтором судеб героев-старообрядцев П. И. Мельников-Печерский показывает неизменность жизни в своем укладе, раз и навсегда утвержденном предками. Все повествование о старообрядцах, по словам исследовательницы С. А. Тарасовой, связано идеей «об исконности

установленных “порядков” на Руси, о единстве духовных ценностей» [10; 83].

Патриархальный мир русского старообрядчества представлен в романе не только скитскими, но и мирскими жителями из старообрядческой среды, хранящими завещанный предками старинный уклад (Дарья Никитишна, Груня, Гаврила Маркелыч Залётов, Иван Григорьевич Заплатин). Купец Залётов, «домовладыка старорусского завета», живет по совести, помогает нищим, поддерживает скиты (т. 2, ч. 2, гл. 4). Жизнь патриархальной семьи Залётова подчинена домостроевскому укладу. Он хозяин, всему голова: «Воля Гаврилы Маркелыча была законом, малейшее проявление своей воли у детей считал он непокорством, непочтеньем, влекущим за собой скорую и строгую расправу» (2; 368). На примере судьбы любимой дочери Залётова Марьи Гавриловны проявляется отношение автора к слепому подчинению домостроевским обычаям. Деспотизм отца, потеря возлюбленного, обиды от нелюбимого мужа, новая любовь в лице корыстного Алексея Лохматого – вот те испытания, которые проходит Марья Гавриловна, при этом сохраняя нравственную чистоту, веру, любовь к жизни. Осознание многовековой правды, духовных ценностей приходит к ней после беседы с знахаркой, которая убеждает ее в том, что счастье – в смиреннии и любви к ближнему (4; 18). Дарья Никитишна и Груня также проходят сложный жизненный путь обретения счастья через верность в жизненных испытаниях христианским заповедям добра и любви. Это образы героев-старообрядцев однозначно положительные в романе. На их примере показано, как можно обрести душевную гармонию, счастье, оставаясь верным духовным ценностям патриархального мира.

Пожалуй, главным носителем ценностей патриархального мира является старообрядец Патап Максимыч Чапурин. Его образ неоднозначен. Патап Максимыч «старинки придерживался, раскольникчал, но закоснелым изувером никогда не бывал» (2; 13). Это и крепкий старовер не в одном поколении, построивший жизнь своей семьи по патриархальному укладу, при этом отстраняющийся от старообрядческих догм, иронизирующий над скитниками и скитницами, это и умелый предприниматель, богач, но щедрый, умно распоряжающийся своим состоянием, гордый, высокомерный, когда задевают его самолюбие, но уважающий человеческое достоинство других. Дом Чапурина, ухоженный, добротный, всегда гостеприимный, с богатыми пирами по большим церковным праздникам, каких не бывало во всей округе, свидетельствует о слаженном, веками проверенном бытовом укладе. Чапурин – настоящий хозяин в семье, и дочерей воспитал в строгости, но в любви, в уважении к старинным обычаям. Но он не приемлет внешней обрядо-

сти, догматов веры, не подкрепленных внутренним осознанием их сущности: «...частенько трунил над теми ревнителями старого обряда, что покрой кафтана и число на нем пуговиц возводят на степень догмата веры. ...В иноземной одежде, даже в бритые бороды ереси не видал, говоря, что Бог не на одежду смотрит, а на душу» (2; 169). Далеко Патап Максимыч и от предрассудков старообрядческой веры: «С бритоусом, с табашником, щепотником и со всяким скобленным рылом не молись, не водись, не дружись, не бранись» (2; 13). Со снисхождением, а порой и с иронией относится Чапурин к вопросам об австрийском священстве. Едкие характеристики звучат из уст Патапа Максимыча в адрес нового священства: «Архиереи каких-то, пес их знает, насвятили! Нам бы хоть немудреного попика да беглого, и тем бы довольны остались. <...> Что нам с архиереями-то делать?.. Святости, что ли, прибудет от них, грешить меньше станем, что ли?..» (3; 32). Чапурин не придает важного значения спорам о принятии нового архиерейства, от которых мало что изменится в сущности веры. Единственное, что вызывает его неприятие, – падение нравов в обществе, разложение основ веры, смена дониконовского уклада новым. Отсюда порой звучит в словах Чапурина ирония по отношению к скитам: «В скитах завсегда грех со спасеньем по-соседски живут» (2; 15). Под впечатлением от знакомства с игуменом Красноярского скита Михаилом, который оказался фальшивомонетчиком, Патап Максимыч дает крайне резкие характеристики «ревнителям древнего благочестия»: «Пустосвяты они, дармоеды, больше ничего! <...> Кто в скитах живет?.. Те, что ли, про которых в твоих “Патериках” писано?.. Постники?.. Подвижники?.. Земные ангелы?.. Держи карман!» (3; 344). Такая противоречивость в оценках старообрядцев (с одной стороны, они хранители старины, старинного уклада, с другой – внешнее благолепие в скиту) может объясняться тем, что в период гонения на старообрядческие скиты они вынуждены были искать богатых благодетелей, налаживать связи с верхушкой купечества, а вследствие этого прощать за пожертвования монастырю любые грехи, чем портили свою репутацию как центров веры.

В романе прослеживается мысль о том, что все меньше остается исконных старообрядцев, вымирают одни скиты, другие сдаются, отрекаясь от старой веры, а новое поколение совсем забыло веру своих дедов (2; 52–53). Негативно в романе показаны некоторые представители молодого поколения старообрядцев. Алексей Лохматый, воспользовавшись помощью Чапурина, богатством Марьи Гавриловны, вырывается в высшее купечество, но при этом нарушает Божьи законы, приносит несчастье семье Чапурина, разоряет Марью Гавриловну, теряет уважение к родителям-беднякам, отрывается от родных корней. Также новые «образованные старообрядцы» из столицы Снежковы своими нравами вызывают ужас и неприятие у всей семьи Чапурина. В молодом Снежкове нет внутренней веры, и это отталкивает: «Покаемся, Бог даст успеем умолить создателя... А некогда да недосуг, праведников да молитвенников попросим. Они свое дело знают – разом замолят грех» (2; 160).

Патриархальный мир старообрядцев в романе многогранен. П. И. Мельников-Печерский, с одной стороны, хотел показать все хорошее, что есть в старообрядчестве, – особый взгляд на русскую культуру, чуждую Западу, традиции, духовные ценности, которые находятся вне времени и вне принадлежности именно старообрядцам. С другой стороны, автор не оставил без внимания негативные стороны старообрядчества, такие как мертвые догмы, церковно-иерархическую систему, разлагающую основы веры старообрядцев. Патриархальный мир старообрядцев, опоэтизированный преданиями о древнерусских святынях и подвижниках, – мир, постепенно уходящий в прошлое. Отсюда сожаление и горечь в романе, выраженные устами Манефы: «...пустынные наши места – возвестят они тебе славу Божию, в преподобных отцах явленную... <...> Яко крин, процветала пустыня наша, много в ней благодати было явлено... А теперь всему приходит конец!..» (3; 213). Автор все же возлагает надежды на сохранение духовных ценностей патриархального мира благодаря тем представителям общества, которые воплощены в положительных образах романа.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 годы.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Собр. соч.: В 8 т. М.: Правда, 1976. Т. 2. С. 8. (Далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аннинский Л. А. Три еретика. Повести о А. Ф. Писемском, П. И. Мельникове-Печерском, Н. С. Лескове. М.: Книга, 1988. 352 с.
2. Боченков В. В. П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество. Ржев: Маргарит, 2008. 348 с.
3. Боченков В. В. «А главный оплот будущего России все-таки вижу в старообрядцах»: Новый взгляд на старообрядчество в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.): Сб. науч. тр. М.: Языки славянских культур, 2010. Вып. 4. С. 428–449.
4. Гневковская Е. В. Мастерство романиста П. И. Мельникова – Андрея Печерского (Диалогия «В лесах» и «На горах»: характерология, художественное пространство и время): Монография. Н. Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2003. 200 с.

5. Дергунова Н. Г. Православные ценности в художественном воплощении в романе П. И. Мельникова-Печерского «В лесах» // Русское православие как основа сохранения национальной идентичности. XVI Рождественские православно-философские чтения. Н. Новгород, 2007. С. 299–302.
6. Кудряшов И. В., Курдин Ю. А. Дилогия «В лесах» и «На горах» в контексте творчества П. И. Мельникова-Печерского. Арзамас: АГПИ, 2004. 304 с.
7. Лотман Л. М. Мельников-Печерский // История русской литературы. М.; Л., 1956. Т. 9. Ч. 2. С. 198–227.
8. Соколова В. Ф. П. И. Мельников (Андрей Печерский): Очерк жизни и творчества. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1981. 191 с.
9. Соколова В. Ф. История Керженских и Чернораменских скитов и ее воспроизведение в творчестве П. И. Мельникова-Печерского // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы. М., 1997. С. 181–183.
10. Тарасова С. А. Поэтико-аксиологический аспект творчества П. И. Мельникова-Печерского: на материале дилогии «В лесах» и «На горах»: дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2009. 202 с.
11. Усов П. С. П. И. Мельников, его жизнь и литературная деятельность // Мельников П. И. Полное собрание сочинений: В 17 т. СПб.: М., 1897. Т. 1. 324 с.
12. Царегородцева С. С. Старообрядчество в романах П. И. Мельникова-Печерского и Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2004. Вып. 2. С. 34–41.

Alekseeva L. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PATRIARCHAL WORLD OF RUSSIAN OLD BELIEF IN MELNIKOV-PECHERSKY'S PERCEPTION (BASED ON THE NOVEL "IN THE WOODS")

The image of the patriarchal world, which was according to Melnikov-Pechersky's mature works personified in Old Believers, is studied. In his novel, P. I. Melnikov-Pechersky partially diverges from the longstanding satirical tradition of the Old Believer's representation. The dual nature of the author's views is reflected with the help of featured materials. The dual nature of the author's views is expressed through his aspiration to reveal both positive and negative sides of the Old Belief. The novel promotes the author's idea about the need to preserve cultural wealth, traditions, and beliefs of the ancestors. The idea is supported by portrayal of positive images of Old Believers and description of their lifestyle, which they practiced in small monasteries and in the world. The conclusion is that the patriarchal world presented in the novel is a special world retreating into the past. P. I. Melnikov-Pechersky warns of possible despiritualization and rests his hopes on conservation of careful attitude toward Russian ancient culture so inherent to Old Believers.

Key words: P. I. Melnikov-Pechersky, Russian Old Belief, traditions, spiritual values, patriarchal world

REFERENCES

1. Anninskiy L. A. *Tri eretika. Povesti o A. F. Pisemskom, P. I. Mel'nikove-Pecherskom, N. S. Leskove* [Three heretics. Stories about A. F. Pisemsky, P. I. Melnikov-Pechersky, N. S. Leskov]. Moscow, Kniga Publ., 1988. 352 p.
2. Bochenkov V. V. *P. I. Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): mirovozzrenie, tvorchestvo, staroobryadchestvo* [P. I. Melnikov (Andrey Pechersky): ideology, creative work, the Old Belief]. Rzhnev, Margarit Publ., 2008. 348 p.
3. Bochenkov V. V. "And I see the main stronghold of the future of Russia in the Old Believers": New view on the Old Belief in P. I. Melnikov-Pechersky's creative work ["A glavnyy oploht budushchego Rossii vse-taki vizhu v staroobryadtsakh": Novyy vzglyad na staroobryadchestvo v tvorchestve P. I. Mel'nikova-Pecherskogo]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)* [The Old belief in Russia (17–20th centuries)]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2010. Is. 4. P. 428–449.
4. Gnevkovskaya E. V. *Masterstvo romanista P. I. Mel'nikova – Andrey Pecherskogo (Dilogiya "V lesakh" i "Na gorakh": kharakterologiya, khudozhestvennoe prostranstvo i vremya)* [The craftsmanship of the novelist P. I. Melnikov – Andrey Pechersky (The diology "In the woods" and "On the mountains": characterology, art space and time)]. N. Novgorod, Vektor TiS Publ., 2003. 200 p.
5. Dergunova N. G. Orthodox values in the artistic realization in P. I. Melnikov-Pechersky's novel "In the Woods" [Pravoslavnye tsennosti v khudozhestvennom voploshchenii v romane P. I. Mel'nikova-Pecherskogo "V lesakh"]. *Russkoe pravoslaviye kak osnova sokhraneniya natsional'noy identichnosti. XVI Rozhdestvenskie pravoslavno-filosofskie chteniya* [Russian Orthodoxy as basis of preservation of national identity. The 16th Christmas orthodox and philosophical readings]. N. Novgorod, 2007. P. 299–302.
6. Kudryashov I. V., Kurdin Yu. A. *Dilogiya "V lesakh" i "Na gorakh" v kontekste tvorchestva P. I. Mel'nikova-Pecherskogo* [The diology "In the woods" and "On the mountains" in the context of P. I. Melnikov-Pechersky's creative work]. Arzamas: Arzamas State Pedagogical Institute's Publ., 2004. 304 p.
7. Lotman L. M. Melnikov-Pechersky [Mel'nikov-Pecherskiy]. *Istoriya russkoy literatury* [The history of Russian literature]. Moscow; Leningrad, 1956. Vol. 9. Part 2. P. 198–227.
8. Sokolova V. F. *P. I. Mel'nikov (Andrey Pecherskiy): Ocherk zhizni i tvorchestva* [P. I. Melnikov (Andrey Pechersky): Life and creative work's sketch]. Gorky, Volgo-Vyatka Publ., 1981. 191 p.
9. Sokolova V. F. The history of Kerzhensky and Chernoramensky monasteries and its reproduction in P. I. Melnikov-Pechersky's creative work [Istoriya Kerzhenskikh i Chernoramenskikh skitov i ee vosproizvedenie v tvorchestve P. I. Mel'nikova-Pecherskogo]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [The Old Belief: history, culture, present]. Moscow, 1997. P. 181–183.
10. Tarasova S. A. *Poetiko-aksiologicheskii aspekt tvorchestva P. I. Mel'nikova-Pecherskogo: na materiale dialogii "V lesakh" i "Na gorakh"*. Diss. kand. filol. nauk [Poetico-axiological aspect of P. I. Melnikov-Pechersky's creative work: on a diology material "In the woods" and "On the mountains". Ph.D. filol. sci. diss.]. Michurinsk, 2009. 202 p.
11. Usov P. S. P. I. Melnikov: his life and literary activity [P. I. Mel'nikov, ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost']. *Mel'nikov P. I. Polnoe sobranie sochineniy: V 17 t.* [Melnikov P. I. Full complete works: In 17 vols.]. St. Petersburg; Moscow, 1897. Vol. 1. 324 p.
12. Tsaregorodtseva S. S. The Old Belief in the novels of P. I. Melnikov-Pechersky and G. D. Grebenshchikov [Staroobryadchestvo v romanakh P. I. Mel'nikova-Pecherskogo i G. D. Grebenshchikova]. *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [The Altai texts in Russian culture]. Barnaul, 2004. Is. 2. P. 34–41.

Поступила в редакцию 13.11.2013

ЛЮБОВЬ МУССАЕВНА АХРИЕВА

начальник редакционно-издательского отдела Информационно-издательского управления, Московский государственный областной университет (Москва, Российская Федерация)

l_ahrieva@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ ЖАНРА В СТАТЬЯХ Ю. Н. ТЫНЯНОВА «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ФАКТ» И «О ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ»

Предпринята попытка проследить взгляды Ю. Н. Тынянова на проблему жанра в его теоретических работах 1920-х годов. Проанализированы термин «динамика», принцип смещения жанров на примере поэмы, повести, рассказа, величина произведения как признак жанра.

Ключевые слова: Тынянов, жанр, система, динамический, литературная эволюция, смещение, величина

Известно, что жанр – один из значимых аспектов теории литературы. В статьях «Литературный факт» (1924) и «О литературной эволюции» (1927) Ю. Н. Тынянов предпринимает попытку дать ему определение; выявляет такие специфические свойства, как изменчивость, смещение и рассматривает их на примерах различных жанров; анализирует величину произведения как жанровую характеристику. Несомненный интерес для нас представляют размышления ученого о романе, повести, рассказе – жанрах, в которых творил он сам. Понимание им идей о динамизации как основном принципе смещения жанров является одним из способов передачи исторических событий в его произведениях и служит методологической основой для рассмотрения творчества.

Ю. Н. Тынянов исследовал жанр в свете разработки им идеи литературной эволюции как естественного процесса сменяемости литературных явлений. Эта проблема, главенствующая в статье «Литературный факт» и развитая в работе «О литературной эволюции», продолжала занимать Тынянова в последующие годы, став магистральной в его теоретических исследованиях 1920-х годов.

Подход Тынянова к проблеме жанра Л. Я. Гинзбург именует динамическим [2], основанным на представлении ученого о непрерывных эволюционных процессах. «Динамика – базовая категория филологического мышления Тынянова, организующая его суждения всех уровней. Если приведенное определение располагается на высшем уровне, то низший займет утверждение о динамизации слова в стихе. <...> На других уровнях: герой есть смысловой итог некоторого динамического процесса – движения от начала к концу произведения; фабулу можно представить как статическую схему, но сюжет – динамическая реальность произведения» [3; 509]. Также этот ряд продолжает литературная эволюция как трансформация динамического. Для Тынянова термин «динамика» обозначает

движение и, главное, происходящие при этом изменения [1], смещения. В дневниковой записи Б. Эйхенбаум вспоминает беседу с Тыняновым: «Он (Тынянов. – Л. А.) предлагает – „динамика“, чтобы избежать статического элемента» [3; 509].

Вопрос о литературных жанрах Тынянов начинает рассматривать с определения жанра. Он отмечает, что сделать это трудно по причине того, что жанр постоянно видоизменяется «эволюционирующим литературным фактом» [3; 256]. Причем это «не планомерная эволюция, а скачок, не развитие, а смещение» [4; 256].

Ученый исследует это явление на примере поэмы и сразу отмечает, что дать ей единое «статическое» определение сложно, и русская литература в этом убеждает. Так, «революционная» суть поэмы¹ А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» в том, «что [это] „не-поэма“ (то же и с „Кавказским пленником“); претендентом на место героической „поэмы“ оказывалась легкая „сказка“ XVIII века, однако за эту свою легкость не извиняющаяся; критика почувствовала, что это какой-то выпад из системы. На самом деле это... смещение системы» [4; 255].

Далее Тынянов сужает область рассмотрения признаков жанра и ставит вопрос о том, «как колеблется понятие жанра» [4; 256] в случае отрыва, фрагмента. Свои рассуждения он начинает с того, что «отрывок поэмы может ощущаться как отрывок поэмы, стало быть, как поэма; но он может ощущаться и как отрывок, т. е. фрагмент может быть осознан как жанр» [4; 256–257]. Подобную понятийную омонимию автор объясняет тем, что это «ощущение жанра» зависит не от качеств воспринимающего, а от «преобладания или вообще наличия того или иного жанра: в XVIII веке отрывок будет *фрагментом*, во время Пушкина – *поэмой*» [4; 257]. Важно и то, что в зависимости от определения жанра реализуются функции всех стилистических средств и приемов: в поэме они будут иными, в отличие от отрыва.

В статье «О литературной эволюции» Тынянов переходит к роману, который кажется единым цельным жанром, развивающимся на протяжении веков. Но роман оказывается «переменным» жанром с меняющимся в литературном процессе разных эпох материалом и модифицирующимся способом включения в литературу внелитературных речевых материалов. Отсюда следует вывод, что признаки жанра эволюционируют.

Далее ученый обращается к анализу *рассказа* и *повести*, сравнивая новые подходы к их определению с традицией первой половины XIX века, когда рассказ, повесть в 20–40-е годы определялись другими признаками, в отличие от современного критику литературного процесса. Тынянов констатирует, что, например, в XIX столетии слово «рассказ» часто употреблялось в значении «исполнение», «сказ» [4; 275].

Из исследования Ю. Н. Тыняновым жанровых эволюционных процессов следует, что благодаря историческим смещениям в литературном процессе жанр как система меняется, «колеблется». Это предполагает переход от одного явления в жанре к другому и снова возврат к прежним признакам, как при движении маятника: *«В эпоху разложения какого-нибудь жанра – он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин wpływa в центр новое явление»* [4; 257]. Иными словами, жанр формируется в одних системах и убывает, перестав выполнять свои функции, в другие системы. Таким образом, представить жанр в виде статической системы невозможно, так как новый жанр возникает в результате соприкосновения с традиционным жанром. По мнению ученого, это происходит потому, что новое явление сменяет старое, занимает его место и в то же время является не развитием старого, а его заместителем. Если этого замещения нет, то жанр распадается.

Но жанр как система, считает Тынянов, не изменяется полностью, так как в нем сохраняется что-то достаточное для того, чтобы, например, «не-поэма» «Руслан и Людмила» была поэмой. И это заключается не в основных, «крупных» отличительных чертах жанра, а во «второстепенных». Они «как бы сами собою подразумеваются и как будто жанра вовсе не характеризуют» [4; 256]. В качестве примера Тынянов приводит *величину* произведения. По его мнению, это та отличительная черта, которая, например, в случае с поэмой необходима для сохранения жанра. Исследователь М. В. Умнова отмечает, что принцип выявления при анализе не основных (аксиологически окрашенных), а второстепенных (аксиологически безразличных) признаков, характеризующих систему (литературу, жанр и т. д.) [6; 26], был выдвинут ученым ранее в работе 1924 года «Проблема стихотворного языка»:

«Конструктивный принцип познается не в максимуме условий, дающих его, а в минимуме» [5; 17]. Так как очевидно, что эти минимальные условия связаны с данной конструкцией и в них следует искать ответ на вопрос о специфическом характере конструкции.

Ориентация на поиск условий реализации конструкции выражена в том, что для Тынянова «величина» прежде всего понятие «энергетическое» [4; 256]. Ученый считает, что литературоведы называют большой формой ту, на создание которой необходимо больше энергии. Но большую форму можно дать в малом стихотворном объеме: «Пространственно “большая форма” бывает результатом энергетической [работы]» [4; 256]. Но и большая форма в некоторые периоды литературного процесса определяет закономерность конструкции. Роман отличается от новеллы тем, что он – большая форма. Поэма от стихотворения – тем же. Таким образом, Тынянов приходит к выводу, что большая форма требует иных сил, чем малая, в ней каждая деталь, стилистический прием, в зависимости от величины конструкции, имеет разную функцию.

Исследование вопроса об идентификации жанра произведения по его величине ученый продолжает в статье «О литературной эволюции», где вновь говорит о значении этого «формального элемента», называя его *второстепенным результативным признаком*. Иными словами, часто наименования рассказ, повесть, роман соответствуют «определению количества печатных листов» [4; 275]. Это доказывает не столько «автоматизованность» жанров для определенной литературной системы, а то, что жанры устанавливаются по другим признакам. Величина произведения, его речевое пространство – важный признак. Если произведение изолировано от системы, то жанр сложно определить, так как то, что именовали «одою в 20-е годы XIX века или, наконец, Фет, называлось одою не по тем признакам, что во время Ломоносова» [4; 275]. Таким образом, автор приходит к выводу, что изучение жанров невозможно вне признаков и характеристик жанровой системы, «с которой они соотносятся» [4; 276]. Так, исторический роман Л. Н. Толстого не сопоставим с историческим романом М. Н. Загоскина, так как соотносится с современной ему прозой. Автор заключает, что без сопоставления литературных явлений невозможно и их рассмотрение.

Исследуя проблему жанра в работах 1920-х годов, Ю. Н. Тынянов приходит к следующим выводам. Жанр как система не статичен, он склонен к изменению, смещению, что осложняет формулировку определения того или иного жанра. Понятие величины он называет одним из второстепенных признаков жанра, но достаточным для единства жанра в литературном про-

цессе. Если сохраняется принцип конструкции (например, величина), то сохраняется «ощущение» жанра. По мнению ученого, изучать жанр

изолированно от современной ему эпохи, вне литературного процесса невозможно, так как жанр развивается и эволюционирует.

ПРИМЕЧАНИЕ

- ¹ Позже в статье 1927 года «О литературной эволюции» Ю. Н. Тынянов поясняет, что вопрос о жанре поэмы А.С. Пушкина, очень сложный для критики 20-х годов, возник потому, что «пушкинский жанр явился комбинированным, смешанным, новым, без готового “названия”. Чем острее расхождение с тем или иным литературным рядом, тем более подчеркивается именно та система, с которой есть расхождение, дифференция» [4; 277–278].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берестова О. Г. Статика и динамика в семантике состояния // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Русская филология». 2012. № 6. С. 7–11.
2. Гинзбург Л. Я. Тынянов – литературовед // Гинзбург Л. Я. Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство-СПБ, 2002. С. 446–466.
3. Тоддес Е. А., Чудаков А. П., Чудакова М. О. Комментарии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 397–572.
4. Тынянов Ю. Н. Литературный факт; О литературной эволюции // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 255–281.
5. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Л., 1924. 139 с.
6. Умнова М. В. Авангардные установки в теории литературы и критике ОПОЯЗа. М.: Прогресс-Традиция, 2013. 176 с.

Akhrieva L. M., Moscow State Regional University (Moscow, Russian Federation)

CONCEPT OF GENRE IN Y. TYNANOV'S ARTICLES “LITERARY FACT” AND “ON LITERARY EVOLUTION”

The author attempts to reveal Y. Tynyanov's views on the problem of genre expressed in his theoretical studies of 1920s. Particular attention is paid to the term *dynamics*, as well as to the principle of genres' shift, which is investigated on the example of a poem, a story, a short story. Besides, the author studies the size of a literary work considering it a sign of genre.

Key words: Tynyanov, genre, system, dynamic, literary evolution, shift, size

REFERENCES

1. Berestova O. G. Statics and Dynamics in the Semantics of the State [Statika i dinamika v semantike sostoyaniya]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. "Russkaya filologiya"* [Bulletin of the Moscow State Regional University. Series Russian Filology]. 2012. № 6. P. 7–11.
2. Ginzburg L. Ya. Tynyanov, Expert in Literature [Tynyanov – literaturoved]. *Ginzburg L. Ya. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse* [Ginzburg L. Y. Diary. Memories. Essay]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2002. P. 446–466.
3. Toddess E. A., Chudakov A. P., Chudakova M. O. Comments [Kommentarii]. *Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Y. N. Tynyanov. Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. P. 397–572.
4. Tynyanov Yu. N. Literary Fact; On Literary Evolution [Literaturnyy fakt; O literaturnoy evolyutsii]. *Tynyanov Yu. N. Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Tynyanov Y. N. Poetics. History of Literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. P. 255–281.
5. Tynyanov Yu. N. *Problema stikhotvornogo yazyka* [The Problem of Poetic Language]. Leningrad, 1924. 139 p.
6. Umnova M. V. *Avangardnye ustanovki v teorii literatury i kritike OPOYAZa* [Avant-garde Aims in OPOYAZ Literary Theory and Criticism]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2013. 176 p.

Поступила в редакцию 11.11.2013

ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ФИЛИМОНОВ
аспирант кафедры русской и общей филологии Института гуманитарных наук, Сыктывкарский государственный университет (Сыктывкар, Российская Федерация)
vasyaf1985@gmail.com

ФОЛЬКЛОР В НЕПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ КОМИ КРАЯ: «СБОРНИК КОМИССИИ ПО СОБИРАНИЮ СЛОВАРЯ И ИЗУЧЕНИЮ ДИАЛЕКТОВ КОМИ ЯЗЫКА»

Даются обзор и оценка материала по фольклору и верованиям коми-зырян и анализу публикаций аутентичных фольклорных текстов на страницах «Сборника комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка» в 1930–1931 годы. Комиссия была нацелена на лингвистическую работу, организацию диалектологических экспедиций. В сборниках комиссии в качестве иллюстрации различных диалектов коми языка опубликованы аутентичные фольклорные тексты с переводом их на русский язык самими авторами статей. Фольклорные записи, представленные в сборниках комиссии, характеризуются по жанрам, уделяется особое внимание публикациям текстов причитаний и сказок. Подчеркивается ценность аутентичных записей 20-х годов XX века.

Ключевые слова: фольклор, традиционная культура, коми-зыряне, краеведение, фольклористика, причитание, сказка

На первом этапе своего существования – с 1922 по 1931 год – Общество изучения Коми края¹ (далее – Общество) являлось, по оценке ученых, «центром научно-исследовательской деятельности в Коми области» [4; 3]. Основными печатными органами Общества стали журнал «Коми му» и «Записки Общества изучения Коми края» (далее – Записки Общества). Помимо периодических изданий деятели Общества выпускали отдельные книги и брошюры², а также «Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка»³ (далее – Сборник комиссии).

Комиссия была организована в 1928 году «в составе 4-х человек при Московском филиале Общества» [7; 69] известным лингвистом, финно-угроведом, поэтом Василием Ильичом Лыткиным. О других трех Г. А. Некрасова и И. Л. Жеребцов пишут, что это были, «вероятно, Г. А. Нечаев, С. А. Попов и еще один человек» [12; 47]. В 1930 году в комиссии числилось 6 членов: председатель – В. И. Лыткин; секретарь – этнограф, археолог, фольклорист, исследователь коми-пермяцкого языка Григорий Андреевич Нечаев; члены комиссии: крупнейший коми лингвист, археолог и этнограф Алексей Семенович Сидоров; деятель просвещения, автор «Коми-русского словаря» (г. Усть-Сысольск, 1924 год) Николай Александрович Шахов; коми археолог, этнограф, языковед Сергей Александрович Попов (известный еще под псевдонимом Чожмör) и Е. А. Чеусова [7; 69] (последняя, как и Г. А. Нечаев и С. А. Попов, была в это время студенткой этнологического факультета Первого Московского государственного университета [2; 66, 68], [20; 288]). Среди авторов статей, опубликованных в сборниках комиссии, был и, как о нем пишут современные исследователи, «пер-

вый профессиональный коми этнограф и краевед» Георгий Афанасьевич Старцев [14; 243].

Комиссия была нацелена на лингвистическую работу, организацию диалектологических экспедиций. В «Кратком отчете о работе комиссии по собиранию коми словаря» сообщается о 10 экспедициях, проведенных летом 1928 и 1929 годов, из них 7 – в местах проживания коми-зырян: 1) район р. Кобры; 2) район р. Летки; 3) средняя часть р. Выми; 4) с. Керчемья Усть-Куломского уезда Коми области; 5) с. Вотча Коми области (Визингского района); 6) с. Объячево Прилузского района Коми области; 7) район Нижней Вычегды, с. Коквицы [7].

Одним из результатов деятельности комиссии стали 2 выпуска «Сборника комиссии» (тираж – 1000 экземпляров каждый; 1-й вышел в 1930 году в Сыктывкаре, 2-й – в 1931 году в московском Центральном издательстве народов СССР), цель которого – «только описание диалектов, поскольку для работ обобщающего характера имеется особый орган (“Записки Общества”))» [16; 4]. Для исследователей фольклора народа коми эти сборники имеют особую ценность, так как в них в качестве иллюстрации различных диалектов коми языка опубликованы аутентичные фольклорные тексты, «кроме фольклорного материала даются также и некоторые сведения этнографического характера» [16; 5].

Материалы по фольклору и верованиям содержатся в 8 статьях сборников комиссии, в 7 из них приводятся на коми языке с переводом на русский язык самими собирателями-публикаторами тексты сказок, причитаний, загадок, одна песня, а также комментарии к обрядам.

Образцы **загадок** – нōдан кылйас – встречаются в двух публикациях, они представлены

в выпуске I среди лингвистических материалов В. И. Лыткина «Диалект Кобры» и в выпуске II среди лузско-летских фольклорных текстов, записанных и напечатанных А. С. Сидоровым. В первом случае это две загадки без отгадок: вариант известной загадки о реке и луге «Кузь, кузь, кытьчо мѡдѡтьчѡн? – Шырѡм бурусьлы мѡй тед мог» («Длинный, длинный, куда отправился? – Стриженой гриве что за дело тебе»⁴) и редкая загадка «Шать шатьѡс панно, лысыс усьѡ, васо оз гудырт» («Прут прута отряхивает, листья падают, воду не мутят») [10; 47], а в публикации А. С. Сидорова – загадка о лыжах с отгадкой: «Вѡрѡ мунѡ – дѡра вольчѡ, вѡрсьань лактѡ – дѡра вольчѡ (лямба)» («В лес идет – холст стелет, из лесу приходит – холст стелет (лыжи)») [9; 74–75].

В сборниках комиссии опубликовано 5 **сказок**, из которых 2 записаны А. С. Сидоровым в 1928 году в с. Кобра Койгородской волости Сысольского р-на от С. Е. Тебенковой (64 года): это «Кѡлдѡм» – «Колобок» [10; 42] (Сравнительный указатель сюжетов (далее – СУС) [18] 2025 *Колобок*⁵: убегает от старика, старухи, волка, медведя и т. д.) и «Ош» – «Медведь» [10; 42–43] (Старик, добывая старухе мясо, отрубил зад медведя, ср.: СУС 161А* *Медведь на липовой ноге*⁶). Одна сказка зафиксирована Е. А. Чеусовой в 1929 году в с. Куниб Сысольского р-на от 65-летнего Ивана Старцева: популярный у коми сюжет об охотнике, изобразившем себя в дуплистом дереве говорящей иконой Николая Чудотворца [22; 62–63] (СУС 1380 *Неверная жена и муж, притворившийся ослепшим (Николай Дупленский)*). У еще одной сказки, записанной в Москве в 1929 году «коллективно студентами Этнофака I МГУ от студента КУТВ⁷ Ануфриева, который происходит из с. Ижмы, Ижмо-Печерского у., области Коми» [2; 68], приводится только начало, где говорится об умершем крестьянине, его трех сыновьях, которые должны по очереди кадить ночью на могиле отца [2; 66–68] (СУС 530 *Сивко-Бурко*)⁸. 5-я – «Ванька» (СУС 1539 *Шут*)⁹ – записана В. И. Лыткиным в июне 1928 года «от парня лет двадцати», в д. Бебера Прилузского р-на. В ней герой обманывает попов, заставляя их поверить в чудодейственность шапки и могильного креста [8].

Большая часть **причитаний** опубликована в «Фольклорном отделе» выпуска II Сборника комиссии. Их публикация задумана как один жанровый блок и имеет сквозную нумерацию произведений¹⁰. Одно причитание (объемом в 51 стих) – солдатское, с превалированием биографических мотивов («Нѡшта тай кылѡ кѡнкѡ вѡлѡмо / Ньебывалѡй дай ыджыд гѡсьтѡй...» – «Еще оказывается где-то слышен был / Небывалый да большой мой гость...»), записано В. И. Лыткиным в 1924 году¹¹ в д. Мигалева¹² Жешартского с/с Устьвымского р-на от плакальщицы Акулины Мингалёвой (55 лет) [13]. Все

остальные – свадебные причитания. В «Диалекте Кобры» В. И. Лыткина представлены 2 таких причитания. Одно из них (в 15 стихов) построено на мотиве сетования невесты о тяготах жизни в новой семье: «Олі по ѡд ме гортас татѡн / Пѡсь пѡрог дѡно чѡтьчѡ...» – «Жила ведь я дома здесь / К горячим пирогам вставала...» [10; 46–47]; другое (4 стиха) – обращено к подругам, парившим невесту в бане: «Кок йѡрыд ед ез ор, / Вын йѡрыд ед ез быр, / Том гажыд ез чег, / Мѡно пылсьѡдѡгѡн» – «Жилы ног твоих ведь не лопнули, / Жилы силы твоей ведь не иссякли, / Молодое веселье не сломалось, / Когда меня парили» [10; 47]. Оба текста записаны от Сафьи¹³ Емельяновны Тебенковой [10; 47].

Две публикации, подготовленные А. С. Сидоровым, содержат условно выделенные ученым 4 свадебных плача. В статье «Из причитаний Палевицкой¹⁴ волости» приводится 3 текста. Первые стихи одного из них, записанного в 1928 году в д. Ивановской Палевицкой волости «со слов Ирины», звучат так: «Дубѡвѡй пызансѡ ме сувтѡді... / Ай рѡд ме бѡрѡй, ыджыд рѡдѡс-вужѡес...» – «Дубовый ведь стол я поставила... / Отцовскую ведь я выбрала большую родню...». Текст озаглавлен «После ужина на девичнике» и сопровождается примечанием о ситуации исполнения плача. Он состоит из 28 стихов и полностью соответствует обрядовому контексту: включает мотивы накрывания стола, угощения пришедших на последний девичий ужин. Второй и третий тексты в этой же публикации содержат по 35 стихов, оба исполнены Евдокией Торлоповой в Палевицах в 1928 и 1927 годы соответственно. В одном из них представлены мотивы обращения к подругам с воспоминанием о молодежных гуляниях, благодарения братьям за катание на праздники («Шонды банѡй, тѡйанкѡд ветлѡмѡй да мунѡмѡй! / Тѡйанкѡд вѡд тавун ныв медбѡрѡя ужунѡс ужнайті...» – «Лицо солнца, с вами хождение-гуляние! / С вами ведь я сегодня провела свой последний девичий ужин...»). Текст имеет подробное примечание¹⁵. Следующий текст из этой публикации («Кѡлысь локтѡ гымалѡг тырѡй, вѡрдалѡг тырѡй. / Кыпѡдчѡс кымѡрыс куйѡм вежавун чѡж...» – «Свадьба идет с громом и молнией. / Поднималась туча целых три недели...») включает мотивы прихода свадьбы – громовой тучи, состояния невесты (сопоставления с надломленным деревом и т. п.), обращения к родителям с опасениями о расходах на свадебный стол, благодарения матери за «содержание и воспитание»; причитание приурочено к моменту «после прихода жениховой стороны свадьбы» [5; 71–73].

Четвертый плач относится к верхней Лузе (с. Ношуль). Это самый большой по объему текст – насчитывает 340 стихов. Он зафиксирован в с. Ношуль со слов Евдокии Андреевны Супрядкиной в марте 1930 года, однако стихи с 292 по 340, как указывает А. С. Сидоров,

«записаны от нее же учениками ношульской школы семилетки» [9; 85]. Текст причитания в публикации поделен на несколько имеющих подзаголовки-комментарии фрагментов: 1) «начинается при заварке пива после расплетения косы» (Четчис менам матушкааной / Возькинью возь асыл возаной... – Встала моя матушка / Раным рано поутру...) [9; 76, 85]; 2) «после бани во время плетения косы» (Пукала-кө ме батюшко ордын енулт пельосын... – Сижу я у батюшки в красном углу...) [9; 76, 86]; 3) «если отца нет» (Шоньд борд ултын... – Под теплым крылышком...) [9; 76, 86]; 4) «если нет матери» (Куйлө сия менам кыз му ултын... – Лежит она у меня под тяжелой землей...) [9; 77, 86]; 5) «если жених солдат» (Дөндзис меным салдат шөнаной... – Присчитался мне солдат плохой...) [9; 82–92]; 6) «сестре» (Муса сочаной! / Рытъя соръя, асыл воддза уна жö бырöдй ме тэнчид... – Милая сестрица! / Рано утром, поздно вечером / Много я у тебя перетерла...) [9; 83–93].

В причитании перечисляются тяготы предстоящей жизни в семье жениха-вдовца, которые противопоставляются «солнечной девической жизни» («Югид лун менам дай ныл олöманой. / Шондй бан менам кокныд олöманой!» – «Светлое солнышко, моя девическая жизнь. / Солнечная сторона, мое легкое житье!» [9; 77, 87]). Также в плаче говорится о неготовности стать невестой, о неумении что-либо делать по хозяйству, об осмеянии и унижении, о передразнивании и перемене имени с красивого на ругательное [9; 88].

Федор Васильевич Плесовский в своей монографии «Свадьба народа коми: Обряды и причитания» использует материалы В. И. Лыткина, записанные в 1924 году от Акулины Григорьевны Мингалёвой в д. Мингалеве Жешартской волости, но цитирует не по Сборнику комиссии, а по полевым тетрадям, которые Ф. В. Плесовскому передала Людмила Алексеевна Сидорова, дочь А. С. Сидорова [15; 191, 304]. Цитируемый в монографии фрагмент незначительно отличается от публикации в Сборнике комиссии (кроме «осенней ночью» – «в весеннюю ночь»¹⁶), хотя

Плесовский, как он сам указывает, использует перевод В. И. Лыткина.

В Сборнике комиссии имеются также единичные образцы детского, песенного и игрового фольклора. Это песня-сказка «Бобо, бобо, кытчо ветлин? – Выйöн-няньöн сьойны...» с переводом на русский язык («Бобо, бобо, куда ходил? – Хлеб с молоком есть...») [10; 43–44], русская лирическая песня «Маменька же да маменька, / Маленьким родила...» на коми языке [10; 45], а также описание игры «в чурочку-палочку» с фиксацией игровых вербальных формул [10; 46]. Все тексты записаны в Кобре в 1928 году [10; 46].

В отличие от Записок Общества и «Коми му», изобилующих пересказами поверий [21], в Сборнике комиссии мы практически не встречаем такого материала. Лишь в статье Г. А. Старцева «Парне-девичий условный язык у коми», находящейся вне «Фольклорного отдела», обнаруживаем небольшое замечание о верованиях: «Медведь, по мнению коми охотников, понимает язык человека. Поэтому, встречая берлогу, охотники говорят: “абу, абу” (нет, нет медведя)», а «в охотничьей практике у коми <...> медведя называют стариком, майбыр» [19; 51]. Вероятно, нацеленность на составление словаря требовала точности языковых образцов и исключала тексты в «вольной передаче».

Итак, подводя итоги, следует сказать о ценности материалов, представленных на страницах Сборника комиссии. Это аутентичные записи 20-х годов XX века в оригинале и с переводом, которые получили паспортизацию, что вписывается в академическую практику, хотя научных учреждений в Коми еще не было. Сами сборники комиссии сегодня представляют библиографическую редкость, являясь своего рода памятником раннего периода коми фольклористики, в связи с чем уместно говорить о переиздании если не сборников целиком, то хотя бы фольклорных текстов. На страницах сборников комиссии представлены фольклорные произведения таких довольно мало описанных в науке традиций, как Кобра и Палевицы¹⁷, большинство текстов не введены в широкий научный оборот.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Второй этап начался в 1989 году, когда на учредительной конференции было возобновлено и зарегистрировано Общество изучения Коми края [4; 11–13].

² Например, книги В. И. Лыткина «Коми гижисьяс (Коми писатели)» (1926) и А. С. Сидорова «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» (1928) [4; 5–6].

³ Сборник имел параллельное название на немецком, которое давалось на обложке: Sammlung der Kommission für Auflese von Wörtern und Studium der Dialekte der Komisprache Herausgegeben von V. I. Lytkin.

⁴ См., например: [17; 182].

⁵ О других записях этой сказки у коми см. в статье Н. С. Коровиной [6; 79].

⁶ О других записях этой сказки у коми см. в статье Н. С. Коровиной [6; 77].

⁷ Коммунистический университет трудящихся Востока им. И. В. Сталина.

⁸ Авторами публикации, подписанной «группа лиц», являются, как указано в «Библиографии» в выпуске II Сборника комиссии, В. И. Лыткин, Г. А. Нечаев, С. А. Попов, Е. А. Чеусова [1; 53].

⁹ Автор выражает благодарность Надежде Степановне Коровиной за консультации по атрибуции сказочных сюжетов.

¹⁰ Пронумерован и каждый 5-й стих причитаний, как это принято в академических изданиях.

¹¹ Судя по этой дате, при работе комиссии использовались и более ранние записи, в частности сделанные «студентами («слушателями»)» педтехникума в 1920-х гг. по заданиям преподавателей А. С. Сидорова и В. И. Лыткина [15; 303].

- ¹² В монографии Ф. В. Плесовского – д. Мингалева [15; 191, 304].
- ¹³ Через «а» – в статье, вероятно, опечатка.
- ¹⁴ Палевицы – село на правом берегу р. Вычегда, Сыктывдинский р-н [3; 177].
- ¹⁵ «Это причитание происходит после ужина для сверстников невесты на девичнике. Настоящее (так! без предлога “в” – в статье, возможно, опечатка. – В. Ф.) время это причитание обычно выпускается из ритуала. Раньше оно обставлялось известными церемониями. Молодежь после ужина садится вокруг убранного стола. Невеста причитывает, ударяя руками по четырем углам стола попеременно, причем при каждом ударе парни перед рукой невесты подбрасывают на стол ножницы, производя этим большой звон. Таким образом невеста последовательно проделявает церемонию три раза, ударив по столу 12 раз. Вместе с тем невеста всех участвующих целует, жмет руки и угощает пивом три раза. Участвующие за это три же раза в чашку кладут мелкие деньги (набирается до шести рублей). Напоследок за столом невеста оставляет двух самых близких подруг и с ними оплакивает свою девическую жизнь» [5; 69].
- ¹⁶ Возможно, ошибочно. В оригинале – «арся войнас» – осенняя ночь [15; 191].
- ¹⁷ В известном трехтомнике «Коми народные песни» эти традиции представлены единичными образцами фольклора: 4 текста записаны в Палевицах и 2 – в Койгородке [11; 134, 163–164, 178, 204, 237–238, 267].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Библиография. Книги и статьи о коми-языке, вышедшие в 1929 и 1930 годах // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М.: Центриздат, 1931. С. 53–59.
2. Группа лиц [Лыткин В. И., Нечаев Г. А., Попов С. А., Чеусова Е. А.]. Некоторые фонетические особенности ижемского говора // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. I. Сыктывкар, 1930. С. 65–68.
3. Жеребцов И. Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми: Историко-демографический справочник. Сыктывкар, 1994. 272 с.
4. Жеребцов И. Л., Мацук М. А., Рощевская Л. П. 75 лет Обществу изучения Коми края // Научно-практическая конференция, посвященная 75-летию Общества изучения Коми края, 85-летию Национального музея РК и 625-летию коми письменности. Сыктывкар, 1997. 19 с.
5. Из причитаний Палевицкой волости / Зап. А. С. Сидоров // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М.: Центриздат, 1931. С. 67–73.
6. Коровина Н. С. Сюжетно-тематический фонд коми сказок о животных (Опыт создания систематического указателя) // Фольклористика коми. Региональные фольклорные традиции Европейского Северо-Востока и Зауралья в межкультурном контексте. Сыктывкар, 2012. С. 66–84.
7. Краткий отчет о работе комиссии по собиранию коми словаря // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка / Под ред. В. И. Лыткина. Вып. I. Сыктывкар, 1930. С. 69–70.
8. Летка. «Ванька» (сказка) // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М.: Центриздат, 1931. С. 96–98.
9. Лузско-летские тексты. Нижняя Луза. Ношульские свадебные причитания / Зап. А. С. Сидоров // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М.: Центриздат, 1931. С. 74–95.
10. Лыткин В. И. Диалект Кобры // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. I. Сыктывкар, 1930. С. 29–47.
11. Микущев А. К., Чисталёв П. И. Коми народные песни. Т. I. Вычегда и Сысола. 2-е изд. Сыктывкар, 1993. 284 с.
12. Некрасова Г. А., Жеребцов И. Л. К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Деятельность В. И. Лыткина в Комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка // *Linguistica Uralica*. Т. XXXII. 1996. С. 47–49.
13. Нижне-вычегодские свадебные причитания. Жешарт / Зап. В. И. Лыткин // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М.: Центриздат, 1931. С. 64–67.
14. Они любили край родной / Отв. ред. и сост. И. Л. Жеребцов. Сыктывкар, 1993. 302 с.
15. Плесовский Ф. В. Свадьба народа коми: Обряды и причитания. Сыктывкар, 1968. 320 с.
16. Предисловие // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. I. Сыктывкар, 1930. С. 4–6.
17. Садовников Д. Н. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач. СПб., 1876. 345 с.
18. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. 438 с.
19. Старцев Г. А. Парне-девичий условный язык у коми (Заметка) // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. II. М.: Центриздат, 1931. С. 51–52.
20. Туркин А. И. К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина. Малоизвестные страницы жизни. II // *Linguistica Uralica*. 1995. Т. XXXI. № 4. С. 288–293.
21. Филимонов В. В. Фольклор на страницах журнала «Коми му» (1924–1929 гг.) // Народная культура в слове и тексте: Сборник исследований и материалов памяти Валентины Викторовны Филипповой. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2013. С. 239–251.
22. Чеусова Е. А. Среднесыольский диалект (с. Вотча) // Сборник комиссии по собиранию словаря и изучению диалектов коми языка. Вып. I. Сыктывкар, 1930. С. 57–63.

Filimonov V. V., Institute for Human Sciences, Syktvkar State University (Syktvkar, Russian Federation)

FOLKLORE IN NON-PERIODIC PUBLICATIONS OF SCIENTIFIC SOCIETY STUDYING KOMI REPUBLIC: “COMMISSION’S DIGEST ON DICTIONARY COMPOSITION AND KOMI DIALECTS STUDY”

The article is concerned with the review and evaluation of folklore materials and beliefs of the Komi-Zyryans. Publications of authentic folklore texts in “Commission’s Collection on Dictionary Composition and Komi Dialects Study” of 1930–1931 are analyzed. Particular attention is paid to the publication of lamentations and folktale texts in Komi language with translations into Russian carried out by the authors of the articles.

Key words: folklore, traditional culture, Komi-Zyryane, local history, study of folklore, lamentation, folktale

REFERENCES

1. Bibliography. Books and articles about the Komi language, published in 1929, 1930 [Bibliografiya. Knigi i stat' i o komi-yazyke, vyshedshie v 1929 i 1930 godakh]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. II. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. P. 53–59.
2. Gruppа lits [Lytkin V. I., Nechaev G. A., Popov S. A., Cheusova E. A.]. Some phonetic features Izhemskiy dialect [Nekotorye foneticheskie osobennosti izhemsogo govora]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. I. Syktyvkar, 1930. P. 65–68.
3. Zherebtsov I. L. *Gde ty zhivyosh': Naselyennye punkty Respubliki Komi: Istoriko-demograficheskiy spravochnik* [Where do you live: Municipalities of the Republic of Komi: Historical and demographic reference]. Syktyvkar, 1994. 272 p.
4. Zherebtsov I. L., Matsuk M. A., Roshchinskaya L. P. 75th anniversary of the company studying the Komi region [75 let Obshchestvu izucheniya Komi kraya]. *Nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 75-letiyu Obshchestva izucheniya Komi kraya, 85-letiyu Natsional'nogo muzeya RK i 625-letiyu komi pis'mennosti* [Scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of the Society for the Study of the Komi region, the 85th anniversary of the National Museum of the Republic of Komi and the 625th anniversary of Komi literature]. Syktyvkar, 1997. 19 p.
5. Lamentations of Palevitskaya Parish [Iz prichitaniy Palevitskoy volosti]. Recorded A. S. Sidorov. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. II. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. P. 67–73.
6. Korovina N. S. Plot and thematic fund of Komi tales about animals (Experience of systematic pointer) [Syuzhetno-tematicheskiy fond komi skazok o zhivotnykh (Opyt sozdaniya sistematicheskogo ukazatelya)]. *Fol'kloristika komi. Regional'nye fol'klornye traditsii Evropeyskogo Severo-Vostoka i Zaural'ya v mezhkul'turnom kontekste*. Syktyvkar, 2012. P. 66–84.
7. A summary of the Commission on the collection of Komi dictionary [Kratkiy otchet o rabote komissii po sobiraniyu komi slovary a]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Recorded V. I. Lytkin. Is. I. Syktyvkar, 1930. P. 69–70.
8. Letka. "Vanya" (fairy tale) [Letka. "Van'ka" (skazka)]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. II. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. P. 96–98.
9. Luza and Letka texts. Lower Luza. Wedding lamentations of the village Noshul [Luzsko-letskie teksty. Nizhnyaya Luza. Noshul'skie svadebnye prichitaniya]. Recorded A. S. Sidorov. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. II. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. P. 74–95.
10. Lytkin V. I. Dialekt of Kobra [Dialekt Kobry]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. I. Syktyvkar, 1930. P. 29–47.
11. Mikushev A. K., Chistalyev P. I. *Komi narodnye pesni. Vol. I. Vyhegda i Sysola* [Komi folk songs. Vol. I. Vyhegda and Sysola]. Syktyvkar, 1993. 284 p.
12. Nekrasova G. A., Zherebtsov I. L. The 100th anniversary of the birth of V. I. Lytkin. Activity of V. I. Lytkin in Commission for collecting and studying vocabulary dialect of Komi language [K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Lytkina. Deyatel'nost' V. I. Lytkina v Komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka]. *Linguistica Uralica*. Vol. XXXII. 1996. P. 47–49.
13. Wedding lamentations of Lower Vyhegda. Zhesart [Nizhne-vyhegodskie svadebnye prichitaniya. Zhesart]. Recorded V. I. Lytkin. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. II. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. P. 64–67.
14. *Oni lyubili kray rodnoy* [They loved native land]. Managing editor and compiler I. L. Zherebtsov. Syktyvkar, 1993. 302 p.
15. Plesovskiy F. V. *Svad'ba naroda komi: Obryady i prichitaniya* [Wedding traditions of Komi people: Rites and lamentations]. Syktyvkar, 1968. 320 p.
16. Preface [Predislovie]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. I. Syktyvkar, 1930. P. 4–6.
17. Sadovnikov D. N. *Zagadki russkogo naroda: Sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* [Riddles of the Russian people: Collection of riddles of issues, parables, and objectives]. St. Petersburg, 1876. 345 p.
18. *Sravnitel'nyy ukazatel' syuzhetov. Vostochnoslavianskaya skazka* [Comparative Index of subjects. Slavic fairy tale]. Compilers: L. G. Barag, I. P. Berezovskiy, K. P. Kabashnikov, N. V. Novikov. Leningrad, 1979. 438 p.
19. Startsev G. A. Guy-girl's conditional language of Komi (Note) [Parne-devichiy uslovnnyy yazyk u komi (Zametka)]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. II. Moscow, Tsentrizdat Publ., 1931. P. 51–52.
20. Turkina A. I. The 100th anniversary of the birth of V. I. Lytkin. Little known pages of life. II [K 100-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Lytkina. Maloizvestnye stranitsy zhizni. II]. *Linguistica Uralica*. 1995. Vol. XXXI. № 4. P. 288–293.
21. Filimonov V. V. Folklore in the magazine "Komi mu" (1924–1929) [Fol'klor na stranitsakh zhurnala "Komi mu" (1924–1929 gg.)]. *Narodnaya kul'tura v slove i tekste: Sbornik issledovaniy i materialov pamyati Valentiny Viktorovny Filippovoy*. Syktyvkar, Syktyvkar State University Publ., 2013. P. 239–251.
22. Cheusova E. A. Central Sysola dialect (village Votcha) [Srednesysol'skiy dialekt (s. Votcha)]. *Sbornik komissii po sobiraniyu slovary a i izucheniyu dialektov komi yazyka*. Is. I. Syktyvkar, 1930. P. 57–63.

Поступила в редакцию 05.07.2013

ИРИНА МИХАЙЛОВНА СУВОРОВА

кандидат философских наук, доцент кафедры философии,
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
suvmih@list.ru

ЭСТЕТИЧЕСКИЙ ЭСКАПИЗМ ШКОЛЬНИКА КАК АКТУАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Актуальность решения проблемы эстетического эскапизма (эмоционального ухода в виртуальный мир иллюзий) современного ученика продиктована необходимостью преодоления отчуждения и эмоциональной глухоты ребенка. Причинами эскапизма школьника являются утилитаризм современной российской системы образования, превращенной в сферу услуг; засилье прагматичной методики в преподавании школьных предметов; негласное третирование предметов эстетического цикла в школьной практике. Школьник, лишенный возможности эстетического переживания и эстетических коммуникаций в реальном мире, находит эмоционально-чувственный канал коммуникаций в виртуальном мире. Следствием этого является деформация эстетических и этических ценностей, что ведет к инфантилизму и асоциальному поведению в реальном мире. Для решения проблемы предлагается предусмотреть большую адекватность в использовании новых мощных социальных и информационных технологий, изменения в оценке и значимости предметов эстетического цикла в школьной программе, а главное – живое участие взрослых и детей в эмоциональных коммуникациях реального мира, богато насыщенного эстетическими объектами и процессами.

Ключевые слова: эстетический эскапизм, современное школьное образование, проблема отчуждения личности

Общественные и научные дискуссии по проблемам современного российского образования являются настолько популярными, что едва ли уступают политическим и экономическим темам. Этот неподдельный интерес обусловлен целым рядом причин: заботой о будущем страны, проблемой конкурентоспособности российского выпускника на рынке труда, последствиями затянувшегося реформирования образовательной системы и анализом новых государственных образовательных стандартов. Тем не менее в ходе разноплановых дискуссий по образовательной тематике игнорируется важнейшая экзистенциальная проблема современного школьника – его эмоционально-чувственная элиминация (удаление, исключение) и эскапизм. Как правило, педагогическая и родительская общественность обсуждает лишь последствия эмоционально-чувственного ухода от реальности: отчуждение, эмоциональную глухоту, отсутствие сострадания, инфантилизм. Но что является причиной и сутью такой эстетической трансформации личности школьника и как изменить сложившуюся негативную тенденцию?

Одной из причин эстетической элиминации школьника является превращение образовательной системы в сферу услуг, ориентированную на формирование узкоспециализированного выпускника с набором заданных утилитаристских характеристик (владение иностранным языком, информационными технологиями и т. п.), которые не включают развитый эстетический вкус или эстетическую потребность к творчеству, тем более эстетическую способность сопере-

живания. Поскольку вплоть до 2015 года единственным критерием успешности выпускника остаются баллы ЕГЭ, то его достижения в творческих сферах (художественной, технической) не учитываются главным «заказчиком» образовательной сферы услуг – социумом. Данный утилитарный подход полностью исключает не утилитарную эстетическую сферу. Вытекая из первой, второй причиной является засилье прагматизма в современной образовательной системе – это всеохватывающие тестовые методики, рассчитанные в первую очередь на проверку памяти выпускника, его логических навыков и умений, но исключающие рефлексивные способности личности и также не предусматривающие развитую эмоционально-чувственную отзывчивость ученика.

Третьей причиной вытеснения эстетического опыта школьника является определенное пренебрежение и даже третирование предметов эстетического цикла в образовательной программе (литературы, музыки, изобразительного искусства, мировой художественной культуры) не только за счет сокращения часов на данные предметы (достаточно сравнить учебные планы школьного образования разных периодов), но и за счет снижения интереса в самом профессиональном сообществе к предметам эстетического цикла (на уровне организации школьных олимпиад, курсов повышения квалификации учителей и т. п.). Данная проблема проявляется в отсутствии качественной системы художественного образования и воспитания современного школьника, которая была, например, в совет-

ской школе. Несмотря на определенные недостатки (например, идеологическую подоплеку) система художественного образования и воспитания, созданная Д. Кабалевским, Б. Неменским, Л. Предтеченской, была призвана воспитывать чуткого читателя, слушателя, зрителя через последовательное формирование эстетического сознания ученика.

Суть проблемы эстетической элиминации заключается в том, что пренебрежение эмоциональным переживанием-проживанием каждого момента детства является губительным для социального здоровья и полноценного развития личности, поскольку опыт образности, формируемый в детстве, – золотой запас детства, во многом определяющий будущую творческую активность человека, оказывается несостоятельным. Причиной такой несостоятельности является отсутствие эстетических представлений о прекрасном и безобразном, возвышенном и низменном, а также неспособность ученика к эстетической оценке всего окружающего. Ведь если ученик не имеет опыта восприятия многообразия эстетических объектов (например, шедевров разных видов искусства), не ознакомлен с языковыми средствами искусства, не способен дать эстетическую оценку произведению, не может высказать и отстоять свою точку зрения в реальном общении, то в данном аспекте и возникает следующая экзистенциальная проблема «ухода чувства непосредственной связи и ответственности за тот единственный реальный мир, в котором протекает наша необратимая жизнь» [4; 6], т. е. теряется подлинная и глубокая (неформальная) связь школьника с реальностью. Не происходит формирования специфически человеческого отношения к внешнему миру природы и социальности, который М. М. Пришвин назвал «родственным вниманием» [5; 31].

Поэтому педагоги и родители все чаще сталкиваются с эмоциональной глухотой и барьером отчуждения, который психологически отделяет наше «я» от окружающего «не-я». Формируется фундаментальное отчуждение от внешнего мира, который уже невозможно определить, по словам М. М. Бахтина, как «выразительное и говорящее бытие» [1; 363]. Но эмоциональная сфера ребенка все равно требует своей реализации, выхода в любые пласты бытия, и все чаще таким вариантом выхода является виртуальное бытие. Ведь здесь, ярко проявляя свою инфантильность и социальную дезориентацию, школьники эскапируют от утилитарной и прагматичной школы и семьи в сеть Интернет, которая становится для них основным каналом чувственно-эмоциональных коммуникаций.

В контексте нашего рассмотрения эстетического отношения к миру виртуальность носит явные черты неподлинности, начиная от преображенной чувственности и заканчивая неясным онто-

логическим статусом. Как пишет С. С. Хоружий, «виртуальная реальность – недо-выступившее, недо-рожденное бытие, и одновременно – бытие, не имеющее рода, не достигшее “постановки в род”. Это – недород бытия в смысле таксономических категорий, равно как и в смысле рождающего бытийного импульса» [6; 63].

Собственно термин «виртуальность» возник в классической механике XVII века как обозначение некоторого математического эксперимента, совершаемого преднамеренно, но стесненной реальностью, в частности наложенными ограничениями и внешними связями.

Главным и решающим отличием современной виртуальной реальности является тот факт, что она не столько отражает действительность, сколько соперничает с ней, творя искусственно созданную среду, в которую можно проникнуть, изменить ее и испытать реальные ощущения. «Понятие “виртуальный мир” воплощает в себе двойственный смысл: мнимость, кажимость, потенциальность и истинность» [2; 57]. Если представить визуально, то картина виртуального мира действительно похожа на паутину, бесконечно запутанную, сложную, имеющую огромный потенциал в области общения, образования, бизнеса, сферы услуг и др.

Специфика виртуального мира и привлекательность для развивающейся личности заключаются в интерактивности, позволяющей заменить мысленную интерпретацию реальным воздействием, материально трансформирующим любой объект. Теперь зритель (читатель) становится сотворцом виртуальной реальности, испытывающим эффект обратной связи, «что формирует новый тип эстетического сознания. Модификация эстетического созерцания, эмоций, чувств, восприятия связана с шоком проницаемости эстетического объекта, утратившего границы, целостность и стабильность» [2; 57]. Таким образом, виртуальная паутина представляет нам множество эстетических объектов, которые безграничны в пространстве и времени, а главное, могут измениться под воздействием любого пользователя. В виртуальном мире ребенок может проникнуть в мир искусства и природы изнутри, благодаря пространственным иллюзиям трехмерности и тактильным эффектам, а также может погрузиться в него.

В виртуальном мире школьник получает возможность перевоплотиться, испытать половозрастные изменения и контакты между виртуальным и реальным миром (голографические проекции частей тела и их «приращения»), что еще более стимулирует ребенка как творца, так как удовлетворяется насущная эстетическая потребность.

Таким образом, в центре этой сложной виртуальной паутины находится человек-творец, способный сознательно направлять свою волю

на создание эстетических объектов в соответствии со своим представлением о прекрасном и безобразном, о возвышенном и низменном, о трагическом и комическом, о форме и содержании эстетического объекта (компьютерный морфинг как способ превращения одного объекта в другой путем его постепенной деформации лишает форму классической определенности).

В силу этого суждения об эстетической ценности какого-либо произведения явления природы теряют свой четкий смысл. Компьютерные спецэффекты способствуют возникновению амбивалентной мультиреальности, населенной виртуальными персонажами, которые обитают в фантастической сфере дематериализующих объектов. Фантастические и реальные объекты в виртуальной среде становятся практически неразличимыми. Так, например, в виртуальном мире можно начать жизнь героя сначала, можно сканировать конкретных людей, контактировать с вымышленными персонажами. Следовательно, фантазия ребенка в эстетической среде виртуального мира является источником создания новых образов и явлений. Одним из таких явлений считается перфекционизм – принципиальная незакончиваемость творческого процесса, пределов совершенствованию которого нет. Н. Б. Маньковская называет такую актерскую «склонность к виртуальности» новой эстетической категорией, создающей абсолютную модель бытия. Благодаря перфекционизму в эстетической картине виртуального мира образы представлены в виде «матрешек», позволяющих посредством отступлений, комментариев заглянуть в головокружительную бездну сюжетов и миров.

В теоретическом плане виртуальная реальность – одно из сравнительно новых понятий неклассической эстетики. «Эстетика виртуальности концептуально шире постмодернистской эстетики. В центре ее интересов – не “третья реальность” постмодернистских художественных симулякров, пародийно копирующих “вторую реальность” классического искусства, но виртуальные артефакты как компьютерные двойники действительности, иллюзорно-чувственная квазиреальность» [3; 30].

Возможности конструирования виртуальных миров по идеальным законам моделирования психологических реакций, а также вторжения в искусственные миры других участников виртуальной игры влияют на восприятие реального мира как иррациональной данности, поддающейся неограниченному контролю. Такая иллюзия участия в любых событиях создает искусственный катарсис у ребенка. С одной стороны, воздействуя на подсознательное, художественная виртуальная реальность обеспечивает мгновенное осознание целостности эстетических воздействий, что способствует расширению сферы эстетического сознания и видения картины

мира. Например, новейшие опыты с биохимической виртуальной реальностью направлены на искусственное стимулирование эмоций – чувства радости, горя, гнева, любовно-сексуальных переживаний. С другой стороны, исследователи-психологи отмечают некое отрешение – эскапизм детей, приобщившихся к виртуальному миру, тягу вновь погрузиться в искусственный мир, нарушение социальных контактов личности и даже семейные трагедии. Привыкание детей к динамике компьютерных игр снижает способность к созерцанию, а сами участники процесса становятся интернетоголиками. Таким образом, происходит замена реального мира виртуальным симулякром, что размывает чувство эстетической дистанции, снижая эстетическую критичность личности. И виртуальному творцу уже трудно оперировать классическими эстетическими категориями прекрасного и безобразного, возвышенного и низменного. Например, ему трудно назвать смерть человека трагичной, так как она в виртуальном мире обратима.

Виртуальность деформирует моральные и эстетические ценности, например формирование толерантного отношения к насильственной смерти, создание поддельного видеокompromата – фальсифицированных печатных, звуковых, фото- и видеофактов. Такие пространственно-временные метаморфозы, основанные на сетевых способах передачи любой информации, ведут к нарушению причинно-следственных связей у несформировавшейся личности. Таким образом, забота о поддержании чистоты каналов эстетического восприятия – еще одна новая проблема, поставленная виртуалистикой перед педагогами, родителями и общественностью.

Неоднозначная и противоречивая картина виртуального мира, основывающаяся на фантастическом, во многом возрождает эстетику волшебных сказок и театральных чудес. И ребенок, входящий в этот мир, привычно ищет пространственно-временные ориентиры и границы культуры нереального, ведь именно процесс поиска представляет для него интерес. Этот ценностный аспект виртуального мира свидетельствует о формировании новых перспектив развития эстетических ориентаций. «Новая эстетическая картина виртуального мира отличается отсутствием хаоса, идеальной упорядоченностью, сменившей постмодернистскую игру с хаосом» [3; 30]. В этой смене ученые видят определенный прогресс и подтверждение идеи обратимости культурного континуума. Виртуальную реальность можно считать итогом уже известных миру утопий и антиутопий, а также генератором новых космологических фантазий. В данном случае виртуальная утопия, как и идеология, является проявлением мифологического сознания, где человек может проявить себя как активный творец.

Но сначала творить и порождать новые смыслы человек должен научиться в реальном мире, вырабатывая навыки эстетической оценки, потребности и высшую способность – эстетический вкус. Именно на школьные годы приходится этот ответственный момент формирования эстетических способностей личности, и именно в школьном образовании и воспитании должен произойти пересмотр оценки и значимости предметов эстетического цикла.

Для решения проблемы эстетической элиминации школьников необходимы тщательные исследования и продуманные мероприятия как на уровне государственной политики, так и в социально-профессиональном сообществе. В качестве рекомендаций для будущего рассмотрения можно было бы пожелать большей адекватности в использовании новых мощных социальных и информационных технологий. Кроме того, назрела необходимость создания

качественной, подготовленной теоретиками и практиками, концепции художественного образования школьников, соответствующей запросам времени и уровню развития самих учеников. Реализация такой концепции должна обязательно включать интеграцию школьного образования в культурную среду социума, где ученик может воспринимать живое искусство музыки, живописи, архитектуры, танца. И тогда, возможно, погруженный в мир реальных эстетических переживаний и удивленный собственным открытием прекрасного, ученик сможет дать эстетическую оценку произведению искусства. В этом социокультурном контексте возможности виртуального мира необходимо использовать для развития вторичного креативного опыта после состоявшегося первичного опыта в реальном мире, который призван создавать подлинную эмоционально-чувственную отзывчивость ребенка в подлинном мире идей и вещей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. К методологии гуманитарных наук // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. С. 361–374.
2. Маньковская Н. Б., Могилевский В. Виртуальный мир и искусство // Архетип. 1997. № 1. С. 57–61.
3. Маньковская Н. Б. Эстетика русского постмодернизма // КорневиЩЕ 2000: Книга неклассической эстетики. СПб., 2000. С. 24–36.
4. Мелик-Пашаев А. А., Новлянская З. Н., Адашкина А. А., Никитина А. Б., Чубук Н. Ф. Художественная одаренность и ее развитие в школьные годы: Методическое пособие. М., 2010. 111 с.
5. Пришвин М. М. Дневники. 1926–1927. М.: Русская книга, 2003. 592 с.
6. Хоружий С. С. Род или недород? Заметки к онтологии виртуальности // Вопросы философии. 1997. № 6. С. 53–68.

Suvorova I. M., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

AESTHETIC STUDENTS' ESCAPISM AS RELEVANT PROBLEM OF MODERN EDUCATION

The relevance of solving a problem of aesthetic escapism inherent to contemporary school students (emotional withdrawal into the virtual world of illusions) is dictated by the need to overcome alienation and emotional “deafness” of the child. Utilitarianism of contemporary Russian system of education, which was transformed into the industry of educational services, is a cause of escapism development in school students. Domination of pragmatic methods of teaching and covert trampling of aesthetic school subjects are facilitative in escapism spread and enhancement. Students devoid of any possibility to gain personal aesthetic experience and proficiency in aesthetic communication in the real world find emotional and sensual channels of communication in the virtual world. Such practices lead to the process of aesthetic and ethical values’ deformation, which results in infantilism and antisocial behaviour. To solve the problem the author suggested that contemporary pedagogical community employed new powerful social and information technologies more adequately, reassessed the role and importance of aesthetic subjects included into the school curriculum, and above all, participated more actively in emotional communication of its students in real life.

Key words: aesthetic escapism, modern school education, problem of alienation of the personality

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. To the methodology of humanities [K metodologii gumanitarnykh nauk]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creation]. Moscow, Art Publ., 1979. P. 361–374.
2. Man'kovskaya N. B., Mogilevskiy V. Virtual peace and art [Virtual'nyy mir i iskusstvo]. *Arkhetip* [Archetype]. 1997. № 1. P. 57–61.
3. Man'kovskaya N. B. Esthetics of Russian postmodernism [Estetika russkogo postmodernizma]. *KorneviSHCHE 2000: Kniga neklassicheskoy estetiki* [Rhizome 2000: Book of nonclassical aesthetics]. St. Petersburg, 2000. P. 24–36.
4. Melik-Pashaev A. A., Novlyanskaya Z. N., Adaskina A. A., Nikitina A. B., Chubuk N. F. *Khudozhestvennaya odarennost' i ee razvitiye v shkol'nye gody: Metodicheskoe posobie* [Artistic endowment and its development during school years: the methodology benefit]. Moscow, 2010. 111 p.
5. Prishvin M. M. *Dnevnik. 1926–1927* [Diaries. 1926–1927] Moscow, Russian book Publ., 2003. 592 p.
6. Khoruzhiy S. S. Kind or poor harvest? Notes to ontology of virtuality [Rod ili nedorod? Zametki k ontologii virtual'nosti]. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1997. № 6. P. 53–68.

Поступила в редакцию 12.11.2013

СВЕТЛАНА ОЛЕГОВНА АБРОСИМОВА

аспирант кафедры онтологии и теории познания Института социально-политических наук Департамента философии, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Российская Федерация)

s_abrosimova@mail.ru

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВОСПРИЯТИЯ ФЕНОМЕНА БИОТЕХНОЛОГИЙ В КОНТЕКСТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ЦЕННОСТЕЙ*

В формировании социально-гуманитарного образа биотехнологий свою негативную роль играет страх человечества перед неизведанным, но нельзя умалять и влияния общественных институтов, тем более когда речь идет о таком социальном институте, как религия. Даже в светских государствах религия играет большую роль в формировании отношения общественности к крупным событиям в области науки, что часто находит отражение в праве. Анализ восприятия феномена биотехнологий разными религиями (католицизм, православие, иудаизм, ислам и буддизм) имеет существенное значение для прогнозирования судьбы научных исследований. В частности, рассматривается, как в мировых религиях ставятся вопросы обретения эмбрионом статуса человека, моральной допустимости искусственного оплодотворения, генной инженерии, клонирования и др. Установлено, что по многим принципиально важным моментам позиции мировых религий расходятся. Кроме того, в одной и той же религии может не существовать единой точки зрения, принимаемой всеми. Все это затрудняет выработку общей позиции к биотехнологиям, которая бы разделялась всеми религиями.

Ключевые слова: биотехнологии, католичество, православие, иудаизм, ислам, буддизм

С развитием института биоэтики религиозные течения получили инструменты для влияния на развитие науки даже в светских государствах. Цель статьи – в понимании оценки биотехнологий в разных религиях, сравнение их позиций по отношению к той или иной разновидности биотехнологий, выявление общих моментов.

Наибольшее внимание к феномену биотехнологий проявила Католическая церковь. Ее позиция изложена в документах *Donue Vitae* (1987) и *Dignitas Personae* (2008). Ватикан рассматривает биотехнологии с точки зрения их соответствия идеям «достоинства человека» и святости супружеского союза. Человек воспринимается как личность и отделяется от животных, поэтому методы и средства, применимые к животным, не всегда допустимо применять к человеку, а всякие эксперименты над эмбрионами, которые могут повредить им, объявляются незаконными, даже если их родители согласны [9]. Эксперименты, связанные со скрещиванием человека с животными либо с пересадкой человеческих эмбрионов в организм животных, замораживанием их и яйцеклеток, клонированием, воспринимаются Церковью как противоречащие человеческому достоинству и святости супружеского союза [5], [9].

Негативно относится Церковь и к искусственному оплодотворению. По мнению верующих, человек, проводящий оплодотворение «в пробирке», мыслит абортивно. Даже без уничтожения «лишних» эмбрионов искусственное оплодотворение кажется католикам неестественным, отделяющим создание детей от супружеской

жизни, что делает его неприемлемым методом репродукции. Если в процессе применяется материал донора, то, по мнению Ватикана, наносится ущерб личным отношениям в семье и обществу. Подчеркивается, что каждый ребенок имеет право рождаться в браке и знать своих родителей [9]. Утешением для бесплодных пар может служить усыновление [5]. Ватикан с осторожностью относится к генной терапии в терапевтических целях и даже против ее применения, если изменения наследуются или она применяется не для лечения. Особенно в этой биотехнологии Ватикан не устраивают перспективы создания нового человека и углубление неравенства [5]. Использование дородовой диагностики не в терапевтических целях также порицается как евгеническая практика [9].

Терапевтическое использование стволовых клеток считается этически нейтральной технологией, при условии, что источником стволовых клеток не являются человеческие эмбрионы. В последнем случае такие процедуры трактуются как преднамеренное убийство.

Что касается *клонирования*, то Ватикан считает, что эта биотехнология одна из самых безнравственных, поскольку именно в ней доводятся до апогея все негативные стороны искусственного оплодотворения. Репродуктивное клонирование, имеющее целью получить потомка, генетически идентичного прототипу, по мнению Церкви, является формой биологического рабства и отрицает право каждой личности на уникальность. Терапевтическое клонирование оценивается как

еще более аморальное, ведь зародыш создается на верную смерть, будучи источником стволовых клеток [5]. Стоит отметить, что для мировоззрения католиков клонирование обернулось серьезной богословской проблемой о наследовании первородного греха людьми, появившимися без полового акта [11]. Ватикан аргументирует свою позицию по отношению к биотехнологиям, ссылаясь на права человека, но также он выражает недовольство правовой интерпретацией проблематики аборта и применения биотехнологий в законодательстве многих стран [5], [9].

Позиции Православной церкви по поводу биотехнологий отражены в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000). Она, как и Католическая церковь, скептически относится ко многим правовым нормам в целом, поскольку рассматривает право как вынужденную меру. Так, Церковь негативно относится к правовым решениям, противоречащим религиозной этике, особенно к праву женщины на аборт. Церковь считает, что вместе с биотехнологиями распространяется идеология *репродуктивных прав*, пропагандирующая примат интересов взрослого человека над интересами ребенка и общества [8], что противоречит православным ценностям. Поэтому настороженно Православная церковь воспринимает применение биотехнологий для решения репродуктивных проблем. Бесплодным парам предлагается смириться или усыновлять детей. Но, отвергая практически все репродуктивные биотехнологии как противоречащие принципу «достоинства человека», семейным ценностям, Церковь не исключает применение экстракорпорального оплодотворения с использованием спермы мужа как не идущее вразрез с семейными отношениями, без уничтожения созданных эмбрионов и без использования суррогатного материнства [8].

Использование биотехнологий для борьбы с наследственными заболеваниями не кажется Церкви предосудительным, если они не направлены на усовершенствование человеческого рода. Генетическое тестирование может стать как помощью в профилактике проявлений наследственных заболеваний, так и служить поводом для дискриминации. Использование пренатальной диагностики для отбора эмбрионов по желательным признакам, а не лечения Церковью отвергается [4]. Православная церковь относится к клонированию негативно, указывая на то, что у клона нет души. Клонирование сравнивается с убийством Каином Авеля, когда старший брат, руководствуясь своей пользой, убивает младшего; данную разновидность биотехнологий называют новой Вавилонской башней, очередной попыткой стать равным Богу [11].

Инициативой Конгресса еврейских религиозных организаций и объединений в России (КЕРООР) стали «Основы социальной концепции

русского иудаизма». В них содержится призыв ориентироваться в медицинской деятельности на уважение целостности личности, свободу выбора и человеческое достоинство. Отрицается право женщин на аборт, а также право на эвтаназию. В «Основах» прописано, что клонирование клеток и тканей допустимо, но репродуктивное клонирование сравнивается с грехопадением Адама и Евы, чем дают понять аморальность этого действия [7]. Галаха, нормативная часть иудаизма, определяющая все сферы жизни евреев, не содержит в себе запрета на клонирование. Несмотря на это, в иудаизме имеются разные мнения: от признания клонирования не противоречащим законам Бога до заявлений о том, что клон не человек, а попросту животное [10].

Применение генетической инженерии оправдано только в целях спасения жизни, как и различных генетически модифицированных организмов, чье появление способствует сохранению и продлению жизни человека [15]; все остальное ставится под сомнение. Использование репродуктивных технологий для мусульман определено представлением о том, что эмбрион обретает душу только на 40–42-й день своего развития. Поэтому аборт допускается только до 7-й недели беременности [1]. Такое отношение к эмбриону открывает широкие возможности экспериментирования без этических последствий.

Например, в исламе редукция лишних зародышей при экстракорпоральном оплодотворении не кажется чем-то предосудительным. Экстракорпоральное оплодотворение допускается как крайний способ решения репродуктивных проблем пары, если не будут нарушены брачно-родственные отношения. Категорически запрещено пользоваться материалом доноров и суррогатным материнством во избежание смешения и потери родства. Сперматозоид должен быть только мужа, а яйцеклетка – жены, которая впоследствии и выносит ребенка. Нарушение этого принципа приравнивает использование репродуктивных технологий к измене супругу [1].

Оценка клонирования в исламе неоднозначна. Допускается клонирование животных и растений. Некоторые считают, что клонирование, осуществленное делением клеток на эмбриональной стадии развития, допустимо, если брачно-родственные отношения не нарушаются при этом. Клонирование путем ядерного переноса многими отрицается, потому что противоречит законам шариата о семье [1]. Г. Джемаль опровергает однозначно отрицательное отношение ислама к биотехнологиям. Он указывает, что в некотором смысле Адам и пророк Иса (Иисус Христос) являются клонами, так как произошли от одного биологического родителя. Он утверждает, что, если верить древним мифам, люди до Адама были способны к партеногенезу. Г. Джемаль верит, что все случается согласно воле Алла-

ха и создание ребенка с помощью клонирования ничем не предосудительнее, чем естественным путем [3]. Ф. Фукуяма считает спецификой восточных религий отсутствие четкого разделения между животными и человеком. Это делает их более сочувственными к животным, но также уменьшает ценность человеческой жизни [12]. Одним из следствий такого отношения является то, что последователи буддизма, даосизма и синто не видят большой разницы между клонированием человека и животного [6], и, вероятно, это касается и других биотехнологий.

Буддистская этика отличается от христианской и мусульманской – она не опирается на такие понятия, как «грех» или «зло», не обращается к моральному благу. Для определения характера действия сторонники буддизма используют понятия «умелый» и «неумелый» вместо «правильно» и «неправильно». Неумелые действия приносят вред и страдания субъекту или окружающим, умелые действия – пользу. Расплата или награда содержится в самом действии [14].

Представления о статусе зародыша и аборте схожи с видением христиан. Буддисты верят, что в зародыше содержатся все черты будущей личности, он отличается от матери, поэтому аборт – это лишение жизни живого существа. Представление о теле как своей собственности – иллюзия разума. Поэтому не признается право женщины распоряжаться своим телом, совершая аборт.

Главными условиями допустимости для буддизма использования современных технологий должны быть польза и отсутствие вреда для всех участников, включая эмбрионов [14].

При изучении буддистского восприятия биотехнологий также нужно понимать, как они соотносятся с традиционными ценностями религии. Р. Эпстейн выделяет четыре аспекта буддистского мировоззрения, определяющих позицию

к биотехнологиям. Это ахимса, преодоление (духовный рост), понимание Космоса как открытой системы и некартезианский подход к живому существу. Ахимса означает уважение ценности жизни любых существ, а не только человека, вне зависимости от их полезности. Применительно к генетической инженерии этот принцип отрицает инструментальное отношение к человеческой и нечеловеческой жизни. Понимание мира как открытой системы делает сомнительным для буддистов оценку последствий применения биотехнологий с помощью моделирования ситуаций в закрытых системах, которыми оперирует западная наука. Преодоление – это способность живого существа к духовному росту и освобождению. Некартезианский подход к живому существу выражается в том, что разум, дух и тело взаимно влияют друг на друга и они не являются двойственными и качественно различными. Применение генной инженерии происходит без оглядки на связь тела живого существа с разумом и духом, без оценки ущерба, который может быть принесен, не учитывается и снижение потенциала к духовному росту и спасению [13].

Отношение к феномену биотехнологий хорошо демонстрирует специфику каждой религии. В фокусе внимания оказываются биотехнологии, связанные с ценностями вероисповедания. Стоит отметить положительную роль религий в развитии науки, а именно отстаивание моральных норм, но, как показывает анализ точек зрения вероисповеданий на биотехнологии, их интерпретации в приложении к последним немного варьируются, что не позволяет выработать позиции по отношению к биотехнологиям, равно поддерживаемой всеми религиями. Прогресс в науке дает надежду, что со временем биотехнологии станут более гуманными и не будут входить в противоречие с ценностями той или иной религии.

* Исследование проведено при финансовой поддержке молодых ученых УрФУ в рамках реализации программы развития УрФУ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксёнов И. Отношение к современным вспомогательным репродуктивным технологиям в исламе [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/3602434.html>
2. Апшерони А. О проблемах современной биоэтики [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.libma.ru/filosofija/islam_i_nauka/p7.php
3. Джемаль Г. Исламский взгляд на клонирование [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ingnet.ru/forum/printthread.php?s=5cfea8cbd053f967c9e5a2d158933252&t=91>
4. Иеромонах Димитрий (Першин). Экстракорпоральное оплодотворение: от медицины к биоэтике [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/ekstrakorporalnoe-oplodotvorenje-ot-mediciny-k-bioetike/>
5. Левада У., Ладария Л. Ф. DIGNITAS PERSONAE. Инструкция по некоторым вопросам биоэтики // Конгрегация вероучения. DONUM VITAE. Инструкция об уважении к зарождающейся человеческой жизни и о достоинстве деторождения. DIGNITAS PERSONAE. Инструкция по некоторым вопросам биоэтики. М., 2009. С. 49–92.
6. Овчинский В. С. Ужас биотехнологий [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.biosafety.ru/index.php?idp=23&idn=741>
7. Основы социальной концепции российского иудаизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/judaism/>
8. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
9. Ратцингер Й., Бовоне А. DONUM VITAE. Инструкция об уважении к зарождающейся человеческой жизни и о достоинстве деторождения // Конгрегация вероучения. DONUM VITAE. Инструкция об уважении к зарождающейся человеческой жизни и о достоинстве деторождения. DIGNITAS PERSONAE. Инструкция по некоторым вопросам биоэтики. М., 2009. С. 3–47.

10. Романовский Г. Б. Клонирование: pro et contra [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.jurisprudence-media.ru/archive/2006/3/18.php>
11. Силуанова И. Испытание клонированием. Человек как подобие человека [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/17s/siluanova/cloning/contents.html>
12. Фукучи Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции. М., 2008. 349 [3] с.
13. Epstein R. Buddhism and Biotechnology Edited from a Talk Delivered at "Spiritual Dimensions of Our Technological Future", AHIMSA Sixth Annual Conference, International House. University of California at Berkeley, 1998. Available at: <http://online.sfsu.edu/rone/GEessays/Buddhism%20and%20Biotechnology.htm>
14. Taniguchi S. Biomedical Ethics From a Buddhist Perspective. Available at: <http://enlight.lib.ntu.edu.tw/FULLTEXT/JR-MAG/mag133029.pdf>
15. Wolff A. Jewish Perspectives on Genetic Engineering. Available at: <http://www.jcpa.org/art/jep2.htm>

Abrosimova S. O., Ural Federal University named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russian Federation)

PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF BIOTECHNOLOGY PHENOMENON PERCEPTION IN CONTEXT OF RELIGIOUS VALUES

Human fear of the unknown plays its negative role on the establishment of contemporary biotechnology image. Development of the image is also affected by close attention paid by public institutions, which is only rare when it comes to such social institutions as religion. Even in secular societies, religion plays its important role in public opinion formation. It influences significant developments in the field of science and legislature. Analysis of the attitude demonstrated by such religions as Catholicism, Orthodoxy, Judaism, and Buddhism toward biotechnology is rather significant. It helps to define further prospects of possible scientific research in this area. It is pivotal to understand how world religions approach questions dealing with the status of human embryo, morals of artificial fertilization, genetic engineering, cloning, and etc. It was found out that the above listed world religions have different views on many key questions. Moreover, in some cases there could be no unanimously accepted point of view within a single confession. All these factors make it difficult to reveal common grounds for a single attitude toward contemporary biotechnology.

Key words: biotechnology, Catholicism, Orthodoxy, Judaism, Islam, Buddhism

REFERENCES

1. Aksenov I. *Otnoshenie k sovremennym vspomogatel'nym reproduktivnym tekhnologiyam v islame* [The modern assisted reproductive technologies in Islam]. Available at: <http://www.bogoslov.ru/text/3602434.html>
2. Apsheroni A. *O problemakh sovremennoy bioetiki* [On the problems of modern bioethics]. Available at: http://www.libma.ru/filosofija/islam_i_nauka/p7.php
3. Dzhegal' G. *Islamskiy vzglyad na klonirovanie* [Islamic perspective on cloning]. Available at: <http://www.ingnet.ru/forum/printthread.php?s=5cfea8cbd053f967c9e5a2d158933252&ti=91>
4. Ieromonakh Dimitriy (Pershin). *Ekstrakorporal'noe oplodotvorenie: ot meditsiny k bioetike* [In vitro fertilization: from medicine to Bioethics]. Available at: <http://www.pravmir.ru/ekstrakorporalnoe-oplodotvorenie-ot-mediciny-k-bioetike/>
5. Levada U., Ladariya L. F. DIGNITAS PERSONAE. Instruction Dignitas Personae on Certain Bioethical Questions [DIGNITAS PERSONAE. Instruksiya po nekotorym voprosam bioetiki]. *Kongregatsiya veroucheniya. DONUM VITAE. Instruksiya ob uvazhenii k zarozhdayushcheyssya chelovecheskoy zhizni i o dostoinstve detorozhdeniya. DIGNITAS PERSONAE. Instruksiya po nekotorym voprosam bioetiki* [Congregation for the Doctrine of the Faith. DONUM VITAE. Instruction on Respect for Human Life in Its Origin and on the Dignity of Procreation, Replies to Certain Questions of the Day. Instruction Dignitas Personae on Certain Bioethical Questions]. Moscow, 2009. P. 49–92.
6. Ovchinskiy V. S. *Uzhas biotekhnologiy* [Fear of biotechnology]. Available at: <http://www.biosafety.ru/index.php?idp=23&idn=741>
7. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii rossiyskogo iudaizma* [Basics of the Social Concept of Russian Judaism]. Available at: <http://www.archipelag.ru/agenda/strateg/konfess/conception/judaism/>
8. *Osnovy sotsial'noy kontseptsii Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>
9. Rattsingher Y., Bovone A. DONUM VITAE. Instruction on Respect for Human Life in Its Origin and on the Dignity of Procreation, Replies to Certain Questions of the Day [DONUM VITAE. Instruksiya ob uvazhenii k zarozhdayushcheyssya chelovecheskoy zhizni i o dostoinstve detorozhdeniya. Kongregatsiya veroucheniya. DONUM VITAE. Instruksiya ob uvazhenii k zarozhdayushcheyssya chelovecheskoy zhizni i o dostoinstve detorozhdeniya. DIGNITAS PERSONAE. Instruksiya po nekotorym voprosam bioetiki] [Congregation for the Doctrine of the Faith. DONUM VITAE. Instruction on Respect for Human Life in Its Origin and on the Dignity of Procreation, Replies to Certain Questions of the Day. Instruction Dignitas Personae on Certain Bioethical Questions]. Moscow, 2009. P. 3–47.
10. Romanovskiy G. B. *Klonirovanie: pro et contra* [Cloning: pro et contra]. Available at: <http://www.jurisprudence-media.ru/archive/2006/3/18.php>
11. Siluanova I. *Iskushenie klonirovaniem. Chelovek kak podobie cheloveka* [Temptation by cloning. A human as a resemblance of human being]. Available at: <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/17s/siluanova/cloning/contents.html>
12. Fukuchima F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee: Posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutsii* [Our Posthuman Future: Consequences of Biotechnology Revolution]. Moscow, 2008. 349 [3] p.
13. Epstein R. Buddhism and Biotechnology Edited from a Talk Delivered at "Spiritual Dimensions of Our Technological Future", AHIMSA Sixth Annual Conference, International House. University of California at Berkeley, 1998. Available at: <http://online.sfsu.edu/rone/GEessays/Buddhism%20and%20Biotechnology.htm>
14. Taniguchi S. Biomedical Ethics From a Buddhist Perspective. Available at: <http://enlight.lib.ntu.edu.tw/FULLTEXT/JR-MAG/mag133029.pdf>
15. Wolff A. Jewish Perspectives on Genetic Engineering. Available at: <http://www.jcpa.org/art/jep2.htm>

Поступила в редакцию 31.10.2013

ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА ГЕРАЩЕНКОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга экономического факультета, Брянская государственная сельскохозяйственная академия (Брянск, Российская Федерация)
 gerash-tatyana@yandex.ru

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИННОВАЦИОННО-ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Развитие инновационно-инвестиционной деятельности и специфика среды ее осуществления требуют соответствующего методического обеспечения процессов оценки эффективности, базирующегося на мировом и отечественном опыте проведения данных видов анализа. Совершенствование подходов при этом должно обеспечивать получение комплексной и объективной оценки протекающих процессов, способной всесторонне охарактеризовать целесообразность внедрения тех или иных инноваций и результаты их влияния на макро- или микроэкономику, предприятие или управление производством, а также отдачу на вложенные средства. Существующие в настоящее время подходы имеют ряд недостатков как в части используемой базы для анализа эффективности, так и в отношении объектов оценивания, которыми нередко являются лишь инновационные процессы, а не изменения, произошедшие в организации в целом. Предлагаемый подход к оценке эффективности инновационно-инвестиционной деятельности требует учета динамизма данного процесса, рассмотрения понятия эффективности как с позиций инноваторов, так и инвесторов. Непременными условиями являются комплексность и системность при рассмотрении эффективности. Основными видами анализа при этом должны стать научно-технологический, маркетинговый, финансово-экономический, социальный и, в зависимости от ситуации, экологический анализ. Использование описанного подхода к оценке эффективности инновационно-инвестиционной деятельности позволит получить всесторонне обоснованный ответ на вопрос о целесообразности ее осуществления, результативности как отдельных этапов, так и всего комплекса мероприятий в целом.

Ключевые слова: эффективность инновационно-инвестиционной деятельности, подходы к оценке эффективности, методы анализа, виды эффекта

Успешное развитие отечественной экономики в соответствии с потребностями современности требует разработки и адаптации хозяйствующими субъектами новых продуктов и технологий, что, в свою очередь, обуславливает потребность в адекватном ресурсном обеспечении, базирующемся на эффективном их распределении.

Рассмотрим предложенный нами алгоритм процесса стратегически ориентированного инвестиционного обеспечения инновационной деятельности (см. рисунок). Обязательным элементом данного алгоритма является возможность корректировки. Причем в условиях высокой степени соответствия использованного при разработке прогноза развития рыночной среды корректировка будет носить локальный характер и сведется к оптимизации функционирования системы инвестиционного обеспечения инновационных процессов (переход от блока 9 к блоку 7). Если же фактическое развитие ситуации будет существенно отличаться от прогнозируемого, то потребуются принципиальная корректировка стратегии, то есть всей совокупности инновационно-инвестиционных процессов (переход к блоку 5).

Принимаемые решения должны обеспечивать достижение основной цели инновационно-

Алгоритм формирования и реализации инновационно-инвестиционной стратегии развития предприятия

инвестиционной деятельности, заключающейся в получении прибыли от реализации конкурентоспособных проектов, позволяющей не только на сегодняшний день устойчиво развиваться хозяйствующему субъекту, но и в перспективе обеспечить приток дополнительных инвестиционных ресурсов. Базируются эти решения на оценке эффективности осуществления инновационно-инвестиционной деятельности, которая позволяет сделать заключение о целесообразности инвестирования в инновации.

Описанные в научной литературе подходы к подобному анализу предполагают определение доходности вложения средств. Основоположником в данном направлении можно считать Дж. Уильямса, который в 1938 году предложил модель, позволяющую оценить стоимость финансового актива – метод дисконтированного денежного потока [8; 45–48]. Согласно этому подходу, сравнение различных проектов или разных вариантов одного проекта проводится с использованием показателей чистого дисконтированного дохода, индекса доходности, внутренней нормы доходности, срока окупаемости инвестиционных вложений.

Отечественный опыт аналитической работы здесь представлен в первую очередь официально утвержденной в 1977 году в Советском Союзе «Методикой определения экономической эффективности использования в народном хозяйстве новой техники, изобретений и рационализаторских предложений». Отчасти данный документ не потерял своей актуальности и сегодня, однако в нем содержатся и такие положения, использование которых принципиально невозможно в связи с их ориентацией на другие условия хозяйствования. Это касается в первую очередь главного исследуемого показателя: годового экономического эффекта, так как доходность и окупаемость значительно колеблются и в период освоения инноваций, и в ходе последующего массового производства. Нельзя игнорировать и тот факт, что рыночные условия обуславливают необходимость дифференцированного подхода к определению цен на этапах жизненного цикла товара, учета вероятности и степени многочисленных рисков. Помимо этого следует определять не только экономическую эффективность, но и социальную, бюджетную и прочие. Наконец, повсеместно применяемые информационные технологии требуют унификации информационных потоков, что также накладывает свой отпечаток на использование методик определения эффективности деятельности.

Активизация привлечения в Россию в последние годы иностранных инвесторов расширила практику использования международного стандарта, сформированного на основе методических разработок ЮНИДО (United Nations Industrial Development Organization – специализированное

отделение ООН по промышленному развитию). Однако использование данной методики расчета эффективности, облегчая прохождение международной экспертизы инвестиционных проектов, в России сталкивается с определенными проблемами применимости, обусловленными российской спецификой налогообложения, системой ведения бухгалтерского учета и т. п.

Попытки адаптации ЮНИДО путем учета российских условий хозяйствования тем не менее базируются на общих принципах разработки, анализа и экспертизы инвестиционных проектов, применимых для любых инвестиций в инновации и, соответственно, не учитывающих отраслевые или региональные особенности.

Очевидно, что для комплексной и объективной оценки эффективности инновационных проектов следует исходить из необходимости множественности критериев, среди которых непременно должны присутствовать показатели, определяющие степень новизны разработки, ее технологическую и экономическую эффективность, социальную значимость и экологическую безопасность ее применения [2], [3].

Основными значимыми характеристиками рыночно ориентированных инноваций, на наш взгляд, помимо новизны, способности на более высоком уровне удовлетворять запросы потребителей и повышать производительность труда, следует считать максимально возможное ресурсосбережение, способность обеспечивать гибкость производства и его экологическую безопасность. Таким образом, говоря об эффективности инноваций, мы подразумеваем конечные результаты реализации инновационного процесса, будь то влияние на макро- или микроэкономику, организацию или процессы управления производством.

Существует еще один подход к оценке результатов проведения научно-исследовательских работ, который сформировался в системе государственных заказов на исследования и разработки. В этом случае индикаторами являются: размер внутренних затрат на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР), количество приобретаемого высокотехнологичного оборудования, число полученных в рамках выполнения проектов патентов, число содержащих результаты проекта публикаций, объем продаж новой или усовершенствованной высокотехнологичной продукции, число новых созданных в рамках проекта рабочих мест, в том числе для высококвалифицированных работников.

По нашему мнению, несмотря на многоаспектность представленных подходов, их использование позволяет оценить лишь сами инновационные процессы, в то время как изменения в других сферах хозяйственной деятельности, возникающие часто как цепная реакция, не рассматриваются. В целом проведенные исследования

Сравнительные характеристики инвестиционной и инновационной деятельности

Сравниваемый признак	Инвестиционная деятельность	Инновационная деятельность
Цель	Микроуровень: получение прибыли; достижение иного полезного эффекта. Макроуровень: формирование благоприятного инвестиционного климата	Создание, освоение, распространение и использование инноваций
Средства	Инвестиционные ресурсы и инвестиционный потенциал, наличие и использование которых определяет инвестиционная политика предприятия	Совокупность научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий
Результат	Формирование более высокого уровня инвестиционной привлекательности хозяйствующего субъекта, создание тем самым условий для увеличения инвестиционных ресурсов и их эффективного использования, а также благоприятного инвестиционного климата на макроуровне	Новые или дополнительные товары/услуги или товары/услуги с новыми качествами [10]
Основные методы оценки и их предназначение	Формализованные: чистый дисконтированный доход, индекс доходности, внутренняя норма доходности, период окупаемости с целью определения целесообразности инвестиций. Неформализованные: перспективность	Формализованные: оценка преимуществ по сравнению с аналогами. Неформализованные: перспективность, техническая реализуемость, коммерциализуемость
Критерии эффективности	Экономическая эффективность. Социальная эффективность. Экологическая эффективность. Бюджетная эффективность	Патентно-лицензионная частота. Принципиальная новизна. Мировой уровень конкурентоспособности. Производственная применимость. Рыночная успешность. Экологическая направленность

позволили выделить основные группы используемых для анализа эффективности методов: статистические и динамические. Статистические методы основаны на сравнении затрат, прибыли, рентабельности и не учитывают фактор времени. Динамические методы учитывают выплаты и поступления во времени. Отметим, что динамические методы, несмотря на их большую обоснованность, не имеют достаточного методического обеспечения в вопросах учета инфляции при оценке эффективности научно-технических проектов.

Все вышеизложенное свидетельствует о необходимости развития подходов к определению эффективности инновационной деятельности и инвестиций, направляемых на их реализацию, предполагающих не формальный расчет традиционных для зарубежной практики критериев, а обоснованную отечественной практикой ведения бизнеса совокупность показателей и их приемлемых значений, учитывающих специфику отрасли, региона, самих инноваций.

Помимо этого используемые показатели должны учитывать динамизм инновационно-инвестиционного процесса и позволять осуществить оценку его эффективности как с позиций инноваторов, так и инвесторов.

Основными методами, позволяющими осуществить анализ инновационно-инвестиционной деятельности, являются [1], [4], [5], [7], [10]: 1. *Организационные методы*. Данная группа включает сравнительный (выявление различий в инновационных разработках, привлекательности условий инвестирования, особенностей регионального рынка) и лонгитюдный (опреде-

ление индивидуальных особенностей потребителей, прослеживание динамики изменения изучаемых характеристик и т. д.) методы, которые применяются на протяжении всего исследования. 2. *Эмпирические методы*. Это прежде всего наблюдение и эксперимент, метод экспертных оценок, метод анализа процесса и продуктов деятельности, биографический метод. 3. *Методы обработки данных*. К ним относятся количественный (статистический) и качественный (дифференциация материала по группам, его анализ) методы. 4. *Интерпретационные методы*. В эту группу входят генетический (анализ материала в плане развития с выделением отдельных фаз, стадий, критических моментов и т. п.) и структурный (выявление связи между всеми характеристиками объектов исследования) методы.

Непременным условием определения эффективности инновационно-инвестиционной деятельности является уяснение цели, средств и предполагаемых результатов, методов и критериев оценки как инновационной, так и инвестиционной деятельности, сравнительная характеристика которых, проведенная нами с использованием материалов [6], [9], представлена в таблице. Таким образом, оценка инновационно-инвестиционной деятельности как совокупность инновационной и инвестиционной подсистем требует наличия соответствующего методического обеспечения, включающего в себя целеполагание, определение задач, механизмов и алгоритма их достижения, критериев и методов оценки результатов деятельности. Основными подходами к проведению анализа при этом сле-

дует считать: 1) комплексный подход, позволяющий наряду с расчетом прямого экономического эффекта от реализации научно-технических проектов учитывать и другие виды эффектов; 2) системный подход, который выражается в том, что эффект определяется по конечному результату.

Итак, с целью получения достоверной информации о ходе и результатах инновационно-инвестиционной деятельности необходимо использовать комплексный подход, при этом целесообразно осуществлять научно-технологический, маркетинговый, финансово-экономический, социальный и, возможно, экологический анализ. При управлении разработкой и коммерциализацией инноваций в отдельных сферах народного хозяйства России маркетинговому анализу эффективности проектов часто уделяется недостаточное внимание. Вместе с тем именно рынок в наибольшей степени определяет успех или неудачу инновационных проектов, соответственно, маркетинговый анализ должен являться наиболее значимым. Содержанием маркетингового анализа должно стать глубокое исследование рынка, для которого предполагается выпуск инновационной продукции, его емкости, исследование вопросов снабжения проекта необходимыми ресурсами, возможной цены реализации, необходимых мероприятий коммуникационной политики и т. п.

Финансово-экономический анализ предполагает исследование денежных потоков и расчет экономических показателей эффективности реализации проекта. Комплексный подход к управлению инновационно-инвестиционной деятельностью предусматривает также проведение научно-технического анализа, в ходе которого исследуются уровень и степень научной новизны финансируемых инновационных разработок, соответствие предлагаемых решений современным требованиям, новым технологическим укладам, их перспективность и техническая обоснованность. С позиций системного подхода к управлению инновационными проектами центральную роль в исследовании эффективности играет социальный анализ. Социальная значимость инновационно-инвестиционной деятельности характеризует степень соответствия результатов деятельности интересам различных социальных групп. Актуальной такая информация является в связи с тем, что позитивные социальные тенденции как результат инновационных преобразований обеспечивают поддержку данных мероприятий населением.

Если при формировании цели инновационно-инвестиционной деятельности социальному анализу и обеспечению эффективности в данном направлении уделяется недостаточное внимание, то может оказаться, что вся работа будет ориентирована на социальные ценности самих

инициаторов проекта, а не на интересы потребителей и общества в целом. Такое изначальное сужение группы заинтересованных в результатах деятельности лиц обычно приводит к ее низкой эффективности. В большинстве случаев социальная ориентация проекта связана с дополнительными затратами на осуществление деятельности, в связи с чем важно оценить необходимость этих затрат, возможность обеспечения таким образом благоприятных условий для реализации инновационных продуктов, услуг, технологий. Системный анализ эффективности инновационно-инвестиционной деятельности предполагает также ее исследование с точки зрения экологической безопасности. В этом отношении следует иметь в виду, что в случае нарушения экологического законодательства инициаторы проекта несут значительные материальные потери.

При построении систем оценки инновационно-инвестиционной деятельности следует соблюдать следующие принципиальные моменты: 1) при разработке и экспертизе проектов показатели как исходных ресурсов, так и конечных результатов должны быть представлены в денежном выражении; 2) при оценке эффективности проектов сопоставление затрат и результатов требует учета изменения ценности денег с течением времени; 3) при осуществлении инновационно-инвестиционной деятельности необходимо учитывать неопределенность и риски, связанные с ней; 4) при наличии оборудования, предполагаемого к замене, или других активов, требующих вывода из оборота, в рамках проекта следует учитывать возникающие при этом расходы.

Расчеты эффективности инновационно-инвестиционной деятельности должны производиться с учетом риска и неопределенности, так как ее осуществление относится к будущему периоду и нет возможности определить ее результаты с абсолютной точностью. Риск и неопределенность связаны с уменьшением реальных результатов по сравнению с ожидаемыми. Для всестороннего анализа такой деятельности необходимо определить величину риска, обусловленного действиями разработчиков проекта, и размеры риска в ходе ведения предпринимательской деятельности. При оценке эффективности проекта с расчетом чистого дисконтированного дохода учитываются все виды риска независимо от причин их возникновения. Проведенный на основе описанных подходов в указанных направлениях и с использованием соответствующих критериев анализ эффективности инновационной деятельности способен дать всесторонне обоснованный ответ на вопрос о целесообразности, в том числе в стратегической перспективе, инициации процессов инновационно-инвестиционной деятельности, эффективности как отдельных ее этапов, так и всего комплекса мероприятий в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баканов М. И., Шеремет А. Д. Теория экономического анализа. М.: Финансы и статистика, 1998. 416 с.
2. Баутин В. М. Инновационная деятельность – основа экономического прогресса // Экономика сельского хозяйства России. 2009. № 3. С. 21–28.
3. Инновационный менеджмент: Учебник для вузов / С. Д. Ильенкова, Л. М. Гохберг, С. Ю. Ягудин и др.; Под ред. проф. С. Д. Ильенковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 343 с.
4. Крутиков В. К., Зайцев Ю. В., Костина О. И. Методология и методика в экономических исследованиях: Учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Калуга: Эйдос, 2012. 170 с.
5. Малавкина Л. И. Затраты, незавершенная продукция, готовая продукция // Бухгалтерский учет. 2003. № 24. С. 4–8.
6. Милюткина Н. Теоретические подходы к исследованию инновационно-инвестиционной деятельности // Актуальные проблемы науки, экономики и образования XXI века: Материалы II Международной научно-практической конференции, 5 марта – 26 сентября 2012 года: В 2 ч. Ч. 1 / Отв. ред. Е. Н. Шереметьева. Самара: Самарский ин-т (фил.) РГТЭУ, 2012. С. 181–186.
7. Ренева Ю. В. Учет затрат и калькулирование себестоимости в современных условиях // Все для бухгалтера. 2004. № 16. С. 8–11.
8. Теоретические основы финансового менеджмента: Учебно-методический комплекс / В. И. Квочкина. Мичуринск, 2007. 122 с.
9. Харгадон Э. Управление инновациями. Опыт ведущих компаний = How Breakthroughs Happen. The Surprising Truth About How Companies Innovate. М.: Вильямс, 2007.
10. Шеремет А. Д., Сайфулин Р. С., Негашев Е. В. Методика финансового анализа. М.: ИНФРА-М, 2002. 368 с.

Gerashchenkova T. M., Bryansk State Agricultural Academy (Bryansk, Russian Federation)

APPROACHES DETERMINING EFFECTIVENESS OF INNOVATIVE INVESTMENT ACTIVITY

Development of innovative investment activity and environment specificity of its implementation require appropriate methodological support. Evaluation of the process effectiveness is based on the global and domestic experience. Improvement of approaches should provide for comprehensive and objective assessment of the process. The new assessment technique should fully characterize feasibility of those or other innovations and their impact on the results of macro or micro-economics, business or production management, as well as return on investment. Currently existing approaches have several disadvantages: the database used to analyze effectiveness; methodology of evaluation processes, which often become the focus of estimation and not the changes that occurred as a result of reorganization. The proposed approach, evaluating effectiveness of innovative investment activity, requires consideration of dynamics inherent to the process. The approach also involves understanding of the concept effectiveness by both parties: innovators and investors alike. The types of analysis used for targeted evaluation are scientific, technological, marketing, financial, economic, social, and ecological ones. The use of the described approach to evaluating effectiveness of innovation and investment activities will provide a reasoned answer to the question of its implementation, effectiveness of separate steps, as well as effectiveness of the complex as a whole.

Key words: innovation and efficiency of investment, approaches to evaluating the effectiveness of methods of analysis, types of effect

REFERENCES

1. Bakanov M. I., Sheremet A. D. *Teoriya ekonomicheskogo analiza* [Theory of Economic Analysis]. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1998. 416 p.
2. Bautin V. M. Innovation activities – the basis of economic progress [Innovatsionnaya deyatel'nost' – osnova ekonomicheskogo progressa]. *Ekonomika sel'skogo hozyaystva Rossii* [Economics of Agriculture of Russia]. 2009. № 3. P. 21–28.
3. *Innovatsionnyy menedzhment: Uchebnik dlya vuzov* [Innovation Management: Textbook for Universities] / S. D. Il'enkova, L. M. Gokhberg, S. Yu. Yagudin i dr.; Pod red. prof. S. D. Il'yenkovoy. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow, YUNITY-DANA Publ., 2003. 343 p.
4. Krutikov V. K., Zaitsev Yu. V., Kostina O. I. *Metodologiya i metodika v ekonomicheskikh issledovaniyakh: Uchebno-metodicheskoe posobie* [Methodology and methods in economic research: Teaching aid]. 2-e izd., pererab. i dop. Kaluga, Eydos Publ., 2012. 170 p.
5. Malyavkina L. I. Costs, unfinished products and finished products [Zatraty, nezavershennaya produktsiya, gotovaya produktsiya]. *Bukhgalterskiy uchët* [Accounting]. 2003. № 24. P. 4–8.
6. Milyutkina N. Theoretical approaches to the study of innovation and investment activity [Teoreticheskie podkhody k issledovaniyu innovatsionno-investitsionnoy deyatel'nosti]. *Aktual'nye problemy nauki, ekonomiki i obrazovaniya XXI veka: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 5 marta – 26 sentyabrya 2012 goda: V 2 ch. Ch. 1 / Otvet. red. E. N. Sheremet'eva* [Actual problems of science, economy and education of XXI Century: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, March 5–26 September 2012: In 2 parts. Part 1 / Num. Ed. E. N. Sheremetyeva]. Samara: Samarskiy institut (fil.) RGTU, 2012. P. 181–186.
7. Reneva Yu. V. Cost of expenses and calculation of the cost in modern conditions [Uchet zatrat i kal'kulirovanie sebestoimosti v sovremennykh usloviyakh]. *Vse dlya bukhgaltera* [All for an accountant]. 2004. № 16. P. 8–11.
8. *Teoreticheskie osnovy finansovogo menedzhmenta: Uchebno-metodicheskii kompleks* [Theoretical Foundations of Financial Management: Teaching Materials] / V. I. Kvochkina. Michurinsk, 2007. 122 p.
9. Khargadon E. *Upravlenie innovatsiyami. Opyt vedushchikh kompaniy = How Breakthroughs Happen. The Surprising Truth About How Companies Innovate* [Innovation Management. Experience leading companies = How Breakthroughs Happen. The Surprising Truth About How Companies Innovate]. Moscow, Vil'yams Publ., 2007.
10. Sheremet A. D., Sayfulin R. S., Negashev E. V. *Metodika finansovogo analiza* [Financial analysis technique]. Moscow, INFRA-M Publ., 2002. 368 p.

Поступила в редакцию 31.01.2013

СВЕТЛАНА ВИКТОРОВНА СТЕПАНОВА

кандидат экономических наук, научный сотрудник отдела региональной экономической политики, Институт экономики Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Российская Федерация)
svkorka@mail.ru

СТРАНЫ – ЛИДЕРЫ ДАЛЬНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПО ФОРМИРОВАНИЮ ВЫЕЗДНОГО И ВЪЕЗДНОГО ПОТОКОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Под влиянием глобализации и современных интеграционных процессов в мировом сообществе на рубеже XX–XXI веков в государстве значительно изменились объемы и направления выездного и въездного потоков. Исследуются динамика и особенности выездного и въездного потоков Российского государства, формируемых странами дальнего зарубежья, в начале XXI века. Динамика количественных показателей мобильности граждан за 2000–2012 годы выявила пять стран-лидеров: Германию, Китай, Литву, Финляндию и Эстонию. Определены доли стран-лидеров в формировании выездного и въездного потоков РФ, рассмотрена структура потоков. Представлена динамика мобильности граждан в данные государства в исторической ретроспективе (1985–2011 годы). Исследование динамики показателей позволило выявить тенденции мобильности граждан между странами-лидерами и Российским государством на ближайшую перспективу: потеря Литвой лидирующих позиций в формировании выездного и въездного потоков РФ, снижение роли Эстонии, рост значения Финляндии в выездном и сокращение во въездном потоке, усиление роли Германии и Китая.

Ключевые слова: выездной поток, въездной поток, мобильность граждан, страны-лидеры, туризм

Современные глобализационные тенденции и интеграционные процессы в мировом сообществе, изменяющие траектории развития национальных социально-экономических систем и сопровождаемые увеличением числа международных прибытий (например, туристских более чем в 5,5 раза за период 1970–2010 годов [10]), обуславливают актуальность научных исследований, посвященных международной мобильности граждан. Различные аспекты данного вопроса на протяжении длительного периода времени рассматриваются в работах многих отечественных и зарубежных ученых-экономистов, демографов, социологов, географов и др. В настоящее время в научной литературе особое место отводится вопросам схожести и сопоставления процессов мобильности, туризма и миграции граждан в современном мировом сообществе [11], [12], [13], [14].

В российской практике на объемы и направления въездного и выездного потоков, в том числе на развитие международного туризма, наряду с современными общемировыми тенденциями оказали существенное влияние трансформация социально-экономического пространства государства и изменение геополитического положения страны на мировой арене [9]. В этой связи в последние годы в работах российских авторов особое внимание уделяется различным аспектам взаимодействия России с сопредельными государствами дальнего зарубежья, развитию приграничного туризма, миграции, мобильности населения [3], [4], [5], [6]. Однако по большей части исследования, отражающие взаимодей-

ствие России с сопредельными государствами и регионами мира в аспекте мобильности граждан, носят разрозненный характер, остаются не достаточно изученными вопросы комплексного исследования мобильности граждан, которые являются стратегическими для Российского государства, требуя детального исследования и изучения.

Актуальность исследований миграционных процессов, трансграничных туристских миграций [3], мобильности граждан обуславливается ролью в «фактической интеграции» [5] приграничных регионов, основанием для дальнейшей интенсификации всех трансграничных обменов в различных сферах деятельности [5], [6], а также увеличением межкультурных контактов, лучшим взаимопониманием, толерантностью народов и взаимопроникновением культур [3], [7], [13]. При этом направленность передвижения населения в значительной мере зависит от исторических связей между государствами, географической и культурно-лингвистической близости стран, семейных стратегий существования, а также сложившихся миграционных сетей между странами [1].

Учитывая кардинальные изменения, отразившиеся в динамике, объемах и направлениях выездного и въездного потоков РФ, исследование вопроса мобильности граждан в современных условиях, особенно по направлению дальнего зарубежья, представляется достаточно интересным и актуальным. Так, на рубеже XX–XXI веков увеличение численности въездного и выездного потоков по направлению страны дальнего

Таблица 1

Страны дальнего зарубежья по приему российских граждан

Рейтинг	Годы										
	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
1	Финляндия	Финляндия	Финляндия	Китай	Китай	Китай	Финляндия	Финляндия	Финляндия	Финляндия	Финляндия
2	Литва	Китай	Китай	Финляндия	Финляндия	Финляндия	Китай	Турция	Турция	Турция	Турция
3	Польша	Турция	Турция	Турция	Турция	Турция	Турция	Египет	Египет	Китай	Китай
4	Эстония	Эстония	Эстония	Эстония	Эстония	Египет	Египет	Китай	Китай	Эстония	Египет
5	Китай	Литва	Германия	Германия	Польша	Эстония	Эстония	Эстония	Эстония	Египет	Эстония
6	Турция	Германия	Литва	Польша	Литва	Литва	Германия	Германия	Германия	Германия	Германия
7	Германия	Польша	Египет	Литва	Германия	Германия	Литва	Литва	Литва	Таиланд	Таиланд

зарубежья произошло: за период 1985–2011 годов в 1,7 раза и 8,7 раза соответственно (за период 1993–2011 годов – в 2 раза и 5,8 раза). Следует учитывать, что около 70 % въездного потока в СССР в 80-х годах XX века формировалось за счет граждан соцстран [9].

Динамика выездного потока за исследуемый период 2000–2011 годов показывает устойчивую тенденцию роста интереса российских граждан к посещению стран дальнего зарубежья (рост в 2,4 раза, в количественном выражении – 14,5 млн чел.; здесь и далее данные Федерального агентства по туризму).

При росте в последнее десятилетие общего выездного потока иностранных граждан на территорию Российского государства на 18 % наблюдается сохранение устойчивого интереса иностранных посетителей из стран дальнего зарубежья: показатели 2000 и 2011 годов сопоставимы и в количественном выражении составляют более 7 млн чел. (можно охарактеризовать как «исчерпание спроса»).

Таким образом, более половины российских граждан, выезжающих за рубеж, находят предпочтительными для посещения именно страны дальнего зарубежья, однако въездной поток за счет граждан данных государств формируется лишь на треть. При этом следует учитывать, что разрыв в превышении выездного потока над въездным из данных государств постепенно увеличивался (в 2010–2011 годах более чем в три раза; в количественном выражении, например, в 2011 году это 16,8 млн чел.).

В этой связи достаточно интересным представляется вопрос о том, граждане каких стран дальнего зарубежья проявляют наибольший интерес к посещению территории России, тем самым формируя в большей степени въездной поток на территорию государства, и аналогично интерес россиян.

Выявление государств дальнего зарубежья, формирующих основной поток на территорию Российского государства и одновременно принимающих доминирующую часть россиян, вы-

езжающих в данные страны, возможно благодаря проведению рейтинга (в динамике) выездного и въездного потоков (учитываются только количественные показатели мобильности граждан).

Предпочтения российских граждан в посещении стран дальнего зарубежья можно представить в виде рейтинга семи стран, где первое место занимает государство, принимающее наибольшее число россиян (табл. 1).

В число стран, принимающих основной поток российских граждан, входит восемь государств: Германия, Китай, Литва, Турция, Финляндия, Эстония, а также Польша (с 2007 года занимающая восьмое место) и Египет (с 2007 года). При этом доли стран в приеме россиян претерпевали определенные изменения, как в сторону увеличения (например, Турция), так и ее снижения (Литва, Польша). Абсолютным лидером по приему российских граждан является Финляндия.

Следует учитывать, что при ранжировании стран дальнего зарубежья по посещаемости их россиянами с туристскими целями перечень государств и их порядок будут иными: Турция (2,5 млн чел.), Египет (1,9 млн чел.), Китай (1,3 млн чел.), Таиланд, Испания, Германия и Греция (данные 2012 года) [2].

Лидирующие позиции во въездном потоке в страну из стран дальнего зарубежья прочно удерживают финские граждане (исключение – 2005 год). Эстония и Литва занимают 5-е и 7-е места рейтинга. Последние 6 лет Китай уверенно занимает 2–3-е места, Германия в последние четыре года удерживает 3-е место. Польша показывает достаточно разнонаправленные тенденции в данном аспекте (табл. 2).

Совмещение представленных рейтингов позволяет выделить страны-лидеры, одновременно формирующие как выездной, так и въездной потоки, что позволяет с уверенностью представлять их в качестве основных партнеров России во взаимодействии между государствами на уровне мобильности граждан. Согласно рейтингам, к данным государствам следует отнести следующие пять: Германию, Китай, Литву,

Таблица 2

Страны дальнего зарубежья, формирующие основной въездной поток на территорию РФ

Рейтинг	Годы										
	2000	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
1	Финляндия	Польша	Польша	Литва	Польша	Польша	Финляндия	Финляндия	Финляндия	Финляндия	Финляндия
2	Литва	Финляндия	Финляндия	Польша	Финляндия	Финляндия	Китай	Эстония	Литва	Китай	Польша
3	Польша	Литва	Литва	Финляндия	Литва	Китай	Польша	Китай	Китай	Польша	Китай
4	Китай	Китай	Китай	Китай	Китай	Литва	Литва	Литва	Германия	Германия	Германия
5	Эстония	Германия	Германия	Латвия	Германия	Германия	Эстония	Германия	Латвия	Литва	Литва
6	Германия	Эстония	Эстония	Германия	Эстония	Латвия	Германия	Латвия	Эстония	Латвия	Эстония
7	Латвия	Латвия	Латвия	Эстония	Латвия	Эстония	Латвия	Польша	Польша	Эстония	Латвия

Финляндию и Эстонию. Однако темпы роста потоков, формируемых странами-лидерами, различны: если численность россиян, принятых совокупно странами, возросла к 2012 году более чем в два раза, то объем въездного потока сначала имел тенденцию роста, затем – снижения и в итоге к 2011 году остался сопоставимым с показателем 2000 года (прирост 1 %, максимальный показатель в 2005 году).

Вместе с тем данные пять стран-лидеров за период 2000–2011 годов принимают практически половину российских граждан, выезжающих в страны дальнего зарубежья, одновременно на половину формируя въездной поток из данных стран на территорию Российского государства. Кроме того, данные страны-лидеры принимают четверть всех россиян, выезжающих за рубеж, формируя общий въездной поток на территорию Российского государства на уровне 17 %. Однако, учитывая положительную динамику роста въездного потока из стран дальнего зарубежья, следует предполагать постепенное сокращение сектора данных государств. Одновременно при росте выездного потока, в том числе и в страны дальнего зарубежья, наблюдается тенденция постепенного сокращения интереса россиян к посещению данных пяти стран-лидеров.

Рассмотрение стран-лидеров в аспекте удержания ими лидирующих позиций (доля в приеме россиян составляла более 10 % от выездного потока в страны дальнего зарубежья в 2000 году) в 2011 году выявило, что данную позицию сохранили только две страны: Финляндия и Китай (рост количественного показателя составил 2,8 раза и 2,4 раза соответственно), прочно удерживающих позиции (при наличии колебаний). Доля Германии в приеме российских граждан возросла до 8 % к 2011 году, только в Литве и Эстонии наблюдается снижение российского сектора на 9 % и на 4 % соответственно. Однако в количественном выражении резкое сокращение числа принятых российских граждан в 2011 году по сравнению с показателем 2000 года в 1,5 раза наблюдается только в Литве. В Эсто-

нии при снижении доли принятых россиян наблюдается рост их числа в количественном выражении в 1,5 раза.

Рассмотрение въездного потока показывает, что Финляндия прочно удерживает лидирующие позиции при наблюдаемом снижении количественных и долевых показателей; сокращение доли Литвы произошло с 14 до 8 %, то есть –426 тыс. чел. КНР к 2011 году постепенно достигла уровня 10 %, Германия сохранила долю на уровне 5 % во въездном потоке в РФ.

Исследование динамики выездного и въездного потоков, формируемых странами-лидерами в исторической ретроспективе (1985–2011 годы) показывает увеличение в несколько раз численности принимаемых россиян каждым из трех государств: Германией, Китаем и Финляндией в 3,3 раза, в 90 раз и в 29 раз соответственно. Однако доли каждой из стран в приеме российских граждан имеют различные тенденции: как роста – Китай (1 % в 1985 году и 10 % в 2011 году) и Финляндия (5 % и 18 % соответственно), так и сокращения – Германия (14 % и 8 % соответственно). Аналогично въездной поток из стран дальнего зарубежья на протяжении последних 25 лет формируется данными государствами в среднем на уровне 30 % (минимальное значение 18 % в 1990–1991 годах, максимальное – 46 % в 1993 году). При этом динамика долей стран коррелирует с динамикой долей выездного потока.

Рассмотрение структуры потоков в аспекте цели посещения государств позволяет выявить значительные различия. Так, при достаточно сопоставимых показателях численности граждан, посещающих сопредельные Китай и Россию со служебными целями (около 300 тыс. чел.), въездной и выездной потоки РФ формируются на 30 % и 15 % соответственно. При этом около 60 % россиян въезжают на территорию КНР с туристскими целями, однако аналогичный въездной поток в РФ формируется лишь на треть (2011–2012 годы). Учитывая потенциал для развития и преимущество 20-летнего опыта взаимодей-

ствия РФ с КНР в данной сфере перед большинством стран мира, наблюдаемое устойчивое сокращение с 2000 года российского сектора в китайском выездном туризме (при фиксируемом увеличении числа принимаемых туристов) приводит к упущению экономической выгоды от развития выездного китайского туризма [4].

Выездной поток в Германию и въездной поток в РФ на половину формируется за счет туристов; со служебными целями в Россию въезжают около трети немецких граждан и только около 8 % россиян посещают территорию Германии с аналогичными целями. При этом следует учитывать историографию российско-германского сотрудничества, в которой исторические факторы имеют более приоритетное значение, нежели культурологические явления [7]; мотивации поездок из Восточной и Западной Германии в Россию различны [8].

В 2012 году произошло резкое сокращение вдвое (не свойственное) российского сектора на финском и литовском направлениях. Так, с 20 до 10 % снизилась доля россиян, посещающих Финляндию с туристскими целями (около 90 % – туристы Северо-Западного и Центрального федеральных округов РФ), и с 5 до 2 % – со служебными. Аналогичное снижение в Литве: с 6 до 4 % и до 2 % соответственно. При этом наблюдается устойчивая структура въездного потока из данных государств: более половины финских граждан посещают территорию сопредельной России со служебными целями и лишь десятая часть с туристскими целями; литовские граждане – 70 % и 4 % соответственно; эстонцы – 65 % и 7 % соответственно.

Учитывая вышеизложенное и выявленные тенденции, можно предположить следующие сценарии развития взаимодействия в аспекте мобильности граждан между выделенными

странами-лидерами и Российским государством. Наблюдаемое сокращение взаимного интереса российских и литовских граждан в посещении государств (снижение количественного показателя и доли) свидетельствует о потере Литвой весомого значения в формировании выездного и въездного потоков РФ. Падение доли в выездном потоке при росте количественного показателя и сохранении численности эстонских граждан во въездном потоке РФ предполагает постепенное снижение роли Эстонии в исследуемом аспекте.

Высокие показатели посещения российскими гражданами территории Финляндии обусловлены выгодным экономико-географическим расположением государства (самая протяженная государственная граница РФ со странами ЕС), развитием сотрудничества в различных сферах деятельности, общностью культуры, быта, традиций народов приграничных регионов. Вместе с тем Финляндии отводится двойственная роль, учитывая значительный рост интереса российских граждан в посещении страны-лидера при сокращении доли финских посетителей. Динамика показателей показывает, что данная тенденция будет усиливаться.

Развитие взаимодействия между РФ и Германией, РФ и КНР основывается на прочном фундаменте нормативно-правовой базы партнерства, включающей в себя значительный массив долгосрочных межгосударственных соглашений, а также принятие мер не только на уровне правительств обеих стран, но и общественных организаций и объединений [3; 8]. Устойчивая динамика роста количественных показателей, увеличение доли граждан стран-лидеров во въездном потоке РФ при сохранении доли россиян подтверждают, что роль Китая и Германии с каждым годом возрастает.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алиев М. Д. Россия в международных миграционных процессах: Автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2011. 26 с.
2. Лысикова О. В. Социальные практики российских туристов: предпочтения стран и городов посещения // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1 (17). С. 31–45.
3. Мирошниченко О. В., Понкратова Л. А. Международные туристские миграции как фактор интеграционных процессов между регионами Китая и России // Управление экономическими системами: Электронный научный журнал. 2011. № 32.
4. Нечаева А. В. Пространственная дифференциация выездного туризма Китайской народной республики: Автореф. дис. ... канд. геогр. наук. СПб., 2009. 22 с.
5. Понкратова Л. А. Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 6. С. 99–115.
6. Понкратова Л. А. Трансграничный вектор миграционных процессов населения между Россией и Китаем на Дальнем Востоке // Вестник КРСУ. 2011. Т. 11. № 7. С. 13–16.
7. Попутникова Л. А. Социокультурное сотрудничество России и Германии (на материалах Костромской области и земли Северный Рейн-Вестфалия в 1993–2010 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2012. 25 с.
8. Сахарчук Е. С. Некоторые аспекты кросскультурных отношений между народами России и Германии и их влияние на потенциальный въезд гостей из ФРГ в РФ // Современные проблемы сервиса и туризма. 2007. № 1. С. 38–45.
9. Степанова С. В., Шишкин А. И. Формирование выездного и въездного туристических потоков в условиях трансформации социально-экономического пространства Российского государства на рубеже XX–XXI веков // Экономика и управление. 2013. № 6 (92). С. 24–29.

10. Dudas A. I. The evolution of international tourist flows between years 1970–2010 // *Fascicula: Ecotoxicologie, Zootehnie și Tehnologii de Industrie Alimentară*. 2012. P. 59–62.
11. Hall C. Michael Reconsidering the Geography of Tourism and Contemporary Mobility // *Geographical Research*. 2005. June 43 (2). P. 125–139.
12. Leitão N. C., Shahbaz M. Migration and Tourism Demand // *Theoretical and Applied Economics*. 2012. Vol. XIX. № 2 (567). P. 39–48.
13. Rode, Nicolas Clemens Wilhelm. The Tourism-Migration Nexus: Towards a Theory of Global Human Mobility, 2008. Theses and dissertations. Paper 102.
14. Williams A. M., Hall C. Michael Tourism, Migration, Circulation and Mobility: the Contingencies of Time and Place // Williams A. M., Hall C. Michael Tourism and Migration – New Relationships Between Production and Consumption. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002.

Stepanova S. V., Institute of economics Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

INFLUENCE OF NON-CIS LEADING COUNTRIES ON IN-AND-OUTBOUND FLOWS OF RUSSIAN FEDERATION IN EARLY XXI CENTURY

The influence of globalization and modern integration processes on the world community development together with transformations in Russian socio-economic space at the turn of XX–XXI centuries have changed the volumes and directions of outbound and inbound flows. This article examines dynamics and characteristics of the outbound and inbound flows of Russia, which were formed by the non-CIS countries at the beginning of the XXI century. A study of the quantitative data on mobility dynamics during 2000–2012 helped to reveal five leading countries: Germany, China, Lithuania, Finland, and Estonia. Quantitative contribution of the leading countries to the development of the outbound and inbound flows of Russia was determined. The structure of the studied flows was examined. Mobility dynamics of the citizens on the territory of the leading countries was presented from its historical perspective for the period of 1985–2011. A research of the mobility indexes' dynamics revealed existing trends of citizens' mobility between the above mentioned leading countries and Russia for the nearest future: loss of the leading position by Lithuania on formation and development of the outbound and inbound flows in the Russian Federation; reduction of the role played by Estonia; enhancement of the influence exerted by Finland on the increase of the outbound flow and reduction of the inbound flow; amplification of the role played by Germany and China.

Key words: outbound flow, inbound flow, mobility, leading countries, tourism

REFERENCES

1. Aliev M. D. *Rossiya v mezhdunarodnykh migratsionnykh protsessakh: Diss. kand. ekon. nauk* [Russia in the international migration process. PhD. econ. sci. diss.]. St. Petersburg, 2011. 26 p.
2. Lysikova O. V. Social practices of Russian tourists: countries and cities preferred for visits [Sotsial'nye praktiki rossiyskikh turistov: predpochteniya stran i gorodov poseshcheniya]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State University]. 2012. № 1 (17). P. 31–45.
3. Miroshnichenko O. V., Ponkratova L. A. International tourist migration as a factor of integration processes between regions of China and Russia [Mezhdunarodnye turistskie migratsii kak faktor integratsionnykh protsessov mezhdru regionami Kitaya i Rossii]. *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [Management of the economic systems]. 2011. № 32.
4. Nechaeva A. V. *Prostranstvennaya differentsiatsiya vyezdnoy turizma Kitayskoy narodnoy respubliki: Diss. kand. geogr. nauk* [Spatial differentiation of the outbound tourism of China. PhD. geo. sci. diss.]. St. Petersburg, 2009. 22 p.
5. Ponkratova L. A. Cross-border exchanges and cooperation of border regions of Russia and China [Transgranichnye obmeny i vzaimodeystvie prigranichnykh regionov Rossii i Kitaya]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Problems of the Far East]. 2010. № 6. P. 99–115.
6. Ponkratova L. A. Cross-border vector migration of the population between Russia and China in the Far East [Transgranichnyy vector migratsionnykh protsessov naseleniya mezhdru Rossiei i Kitaem na Dal'nem Vostoke]. *Vestnik KRSU* [Herald of KRSU]. 2011. T. 11. № 7. P. 13–16.
7. Poputnikova L. A. *Sotsiokul'turnoe sotrudnichestvo Rossii i Germanii (na materialakh Kostromskoy oblasti i zemli Severnyy Reyn-Vestfaliya v 1993–2010 gg.): Diss. kand. ist. nauk* [Socio-cultural cooperation of Russia and Germany (on the materials of the Kostroma region and the state of North Rhine-Westphalia in 1993–2010). PhD. hist. sci. diss.]. Vladimir, 2012. 25 p.
8. Sakharuk E. S. Some aspects of cross-cultural relations between the peoples of Russia and Germany, and their potential impact on the entry of visitors from Germany to Russia [Nekotorye aspekty krosskul'turnykh otnosheniy mezhdru narodami Rossii i Germanii i ikh vliyanie na potentsial'nyy v'ezd gostey iz FRG v RF]. *Sovremennye problemy servisa i turizma* [Modern problems of service and tourism]. 2007. № 1. P. 38–45.
9. Stepanova S. V., Shishkin A. I. Formation of outbound and inbound tourist flows in the transformation of the socio-economic space of the Russian state at the turn of XX–XXI centuries [Formirovanie vyezdnoy i v'ezdnoy turisticheskikh potokov v usloviyakh transformatsii sotsial'no-ekonomicheskogo prostranstva Rossiyskogo gosudarstva na rubezhe XX–XXI vekov]. *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. 2013. № 6 (92). P. 24–29.
10. Dudas A. I. The evolution of international tourist flows between 1970–2010 // *Fascicula: Ecotoxicologie, Zootehnie și Tehnologii de Industrie Alimentară*. 2012. P. 59–62.
11. Hall C. Michael Reconsidering the Geography of Tourism and Contemporary Mobility // *Geographical Research*. 2005. June 43 (2). P. 125–139.
12. Leitão N. C., Shahbaz M. Migration and Tourism Demand // *Theoretical and Applied Economics*. 2012. Vol. XIX. № 2 (567). P. 39–48.
13. Rode, Nicolas Clemens Wilhelm. The Tourism-Migration Nexus: Towards a Theory of Global Human Mobility, 2008. Theses and dissertations. Paper 102.
14. Williams A. M., Hall C. Michael Tourism, Migration, Circulation and Mobility: the Contingencies of Time and Place // Williams A. M., Hall C. Michael Tourism and Migration – New Relationships Between Production and Consumption. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002.

Поступила в редакцию 13.08.2013

ДМИТРИЙ СЕРГЕЕВИЧ ТЕРЕЩЕНКО

аспирант кафедры экономической теории и менеджмента
экономического факультета, Петрозаводский государ-
ственный университет (Петрозаводск, Российская Феде-
рация)
dter@petrsu.ru

ЗНАЧЕНИЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАН ТРАНЗИТИВНОГО ТИПА*

В работе проводится оценка близости российской модели экономического роста к модели роста стран транзитивного типа с точки зрения системы институциональных факторов. В качестве институциональных факторов рассматриваются эффективность бюрократического аппарата, эффективность бизнес-коалиций, эффективность гражданского общества, уровень демократии, качество судебной системы, уровень антикоррупционного контроля и уровень информационной открытости. Проводится сравнительная оценка институциональных моделей Российской Федерации, бывших республик СССР, стран с формирующимся рынком (на примере стран БРИКС), а также среднемировой институциональной модели. По итогам работы можно отметить следующее: институциональное моделирование российского народного хозяйства как экономики транзитивного типа может лишь частично объяснить институциональное развитие Российской Федерации. С точки зрения показателей статистики институциональных факторов российская модель экономического роста близка к модели бывших советских республик, а по показателям темпов прироста – к модели стран БРИКС.

Ключевые слова: экономический рост, институты, институциональные факторы, экономический транзит, транзитивная экономика

Важной тенденцией в науке на сегодняшний день становятся разработки в вопросах обоснования деления стран мира в зависимости от различных черт их развития на группы с целью разработки рекомендаций в области социально-экономической политики для конкретного типа страны. Построение национальной модели развития может производиться по различным классификационным признакам. При этом ни один из критериев не позволяет с абсолютной точностью идентифицировать ту или иную социально-экономическую систему, поэтому для анализа общественной действительности необходимо применение междисциплинарного подхода, исследование различных аспектов развития [2; 49]. Целью данной работы является оценка близости российской модели экономического роста к модели роста стран транзитивного типа с точки зрения системы институциональных факторов.

В России переходный период связывают как с экономическими (построение рыночной экономики), так и с политическими преобразованиями (демократизация политического режима). Однако два этих процесса являются независимыми друг от друга: процесс демократизации необязательно сопровождает становление рыночной экономики и институтов капитализма ввиду того, что эти цели могут быть достигнуты и при авторитарной форме правления [1; 102].

Процесс экономического перехода можно рассматривать в двух смыслах: широком и узком. Оба указанных понятия, в определенной степени отражающие состояние российской эко-

номики, означают расположение страны в промежуточном состоянии между развитыми и развивающимися странами.

Под странами с переходной экономикой в узком смысле понимаются бывшие социалистические страны, к которым относятся бывшие советские республики, а также ряд стран Центральной и Восточной Европы. Отнесение этих стран в одну группу связано с тем, что все они сталкиваются на современном этапе с однотипными экономическими проблемами из-за наличия у них общего социалистического прошлого. При этом отсутствие завершенных институциональных реформ в странах с переходной в узком смысле экономикой является основным препятствием их успешного экономического развития. Институты, образованные в рамках социалистического строя, не могли обеспечить эффективной защиты прав частной собственности и механизмов исполнения контрактов, поэтому все страны с переходной экономикой столкнулись с проблемой построения новых институтов [6].

Таким образом, для понимания процесса экономического перехода нужно рассмотреть характерные для данной группы стран особенности системы институциональных факторов. К институциональным факторам функционирования экономики относятся: эффективность бюрократического аппарата, эффективность бизнес-коалиций, эффективность гражданского общества, уровень демократии, качество судебной системы, уровень коррупции и уровень информационной открытости [4].

Для включения проблем экономического перехода в процесс институционального моделирования экономики большей целесообразностью обладает изучение именно бывших республик СССР, так как страны Центральной и Восточной Европы, не относящиеся к бывшим советским республикам, могут считаться намного более успешными как с точки зрения институционального развития, так и с позиций экономического роста.

Под странами с переходной экономикой в широком смысле, иначе говоря, странами с формирующимся рынком, понимаются страны, находящиеся в процессе проведения экономических реформ по перестроению народного хозяйства с тем, чтобы догнать экономически развитые страны. При этом критерием, определяющим существование реального процесса перехода, считается наличие явных успехов в экономическом развитии и росте народного хозяйства страны. Поэтому при анализе институциональных факторов роста российской экономики в рамках данной группы государств особое значение приобретает изучение объединения стран, получившего название БРИКС (BRICS; Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР).

В качестве основных причин, по которым данную группу стран принято рассматривать как обладающее перспективами объединения, называют то, что эти страны обладают значительными экономическими, военными и политическими властными ресурсами, желают играть более важную роль в международных отношениях, активно взаимодействуют друг с другом, а также «заметно отличаются от остальных стран второго порядка и держав средней величины» [7; 1–3].

В то же время, несмотря на высокие темпы экономического роста, в странах БРИКС фактически отсутствовали положительные сдвиги в институциональном развитии [5; 124]. При этом зачастую указывают на низкий уровень развития РФ по отношению к остальным странам БРИКС. В частности, отмечается факт качественного отставания социально-экономической сферы и науки России от развитых, а также от других стран, входящих в группу [3; 140].

Таким образом, основными задачами на данном этапе исследования становятся сопоставление институциональной и экономической динамики в отдельно взятой России в среднем по группе бывших советских стран и группе БРИКС, а также в среднем по миру.

По данным Всемирного банка, РФ на протяжении десяти лет производит ВВП на душу населения, превышающий как среднемировое значение (8933,3 междунар. долл.), которое наиболее близко к российскому (12134,4), так и средние значения по странам бывшего СССР (5419,3) и странам БРИКС (3975,2). Если рассматривать

экономическую динамику (темпы прироста величины ВВП на душу населения), то российская модель экономического роста (5,2 % в год) ближе к постсоветским странам (6,1) нежели к странам БРИКС (7,5) или среднемировому уровню (2,3).

В институциональной гипотезе экономического роста предполагается, что фундаментальной причиной экономической динамики являются институты, поэтому близость величины душевого ВВП к среднемировому могла быть вызвана зависимостью от мировой конъюнктуры, а близость к бывшим советским республикам по темпам прироста этого показателя – схожестью институционального развития.

Для количественной оценки институциональных факторов используются индикаторы, разработанные Всемирным банком, Freedom House и Организацией Объединенных Наций¹. Обобщенные результаты расчетов по каждому фактору по группам стран представлены в табл. 1 (показатели статистики) и 2 (показатели динамики).

Таблица 1

Экономический рост и его институциональные факторы в период 2001–2010 годов (показатели статистики)

Выборка	Показатель							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Мир	8933,3	49,9	49,9	62,5	60,7	49,9	50,0	30,3
РФ	12134,4	42,0	43,7	33,3	21,7	31,9	31,8	34,6
Бывшие республики СССР	5419,3	41,4	43,3	47,7	41,9	38,6	37,4	29,4
БРИКС	3975,2	53,0	50,6	60,8	64,2	47,0	46,5	50,6

Примечание. Расчетные показатели: 1 – ВВП на душу населения, междунар. долл., 2 – эффективность бюрократического аппарата, 3 – эффективность бизнес-коалиций, 4 – эффективность гражданского общества, 5 – уровень демократии, 6 – качество судебной системы, 7 – уровень антикоррупционного контроля, 8 – уровень информационной открытости

Таблица 2

Экономический рост и его институциональные факторы в период 2001–2010 годов (показатели динамики)

Выборка	Показатель (темпы прироста, %)							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Мир	2,3	0,1	0,1	1,0	0,0	0,2	0,1	3,6
РФ	5,2	–0,2	–0,4	0,0	–5,6	0,8	–1,1	15,9
Бывшие республики СССР	6,1	1,5	1,4	1,5	–0,8	1,2	0,6	16,9
БРИКС	7,5	0,0	–0,1	0,8	0,0	0,4	–0,3	–5,8

Примечание. Расчетные показатели: 1 – ВВП на душу населения, междунар. долл., 2 – эффективность бюрократического аппарата, 3 – эффективность бизнес-коалиций, 4 – эффективность гражданского общества, 5 – уровень демократии, 6 – качество судебной системы, 7 – уровень антикоррупционного контроля, 8 – уровень информационной открытости

Значения эффективности бюрократического аппарата для России (42,2 балла) и для постсоветских стран (41,4) очень близки друг к другу и при этом уступают среднемировому значению

(49,9) и среднему значению по группе БРИКС (53,0). При этом анализ темпов прироста значений этого фактора показывает близость РФ (–0,2 %) в первую очередь к странам БРИКС (0,0), во вторую – к среднемировым тенденциям (0,1) и только в третью – к бывшим советским республикам (1,5).

Значения показателей статистики фактора эффективности бизнес-коалиций для России (43,7) и стран бывшего СССР (43,3) на протяжении десяти лет уступают значениям, показываемым в среднем по миру (49,9) и в странах БРИКС (50,6), что опять же подтверждает выдвинутый выше тезис. При этом темпы прироста значений фактора эффективности бизнес-коалиций для РФ (–0,4) делают российскую модель экономического роста с этой точки зрения ближе к модели стран БРИКС (–0,1), нежели к среднемировой (0,1) или модели постсоветских государств (1,4).

По показателю эффективности гражданского общества РФ (33,3 балла) значительно уступает как среднемировому уровню (62,5), так и среднему уровню стран БРИКС (60,8) и стран бывшего СССР (47,7). Анализ темпов прироста институциональной эффективности гражданского общества показывает: для РФ они равны нулю (0,0 %), то есть также значительно ниже аналогичных показателей для стран БРИКС (0,8), которые вновь являются наиболее близкими по темпам прироста, бывших советских республик (1,5), а также среднемировых значений (1,0).

Значения уровня демократии для РФ находятся на крайне низких позициях (21,7 балла) и имеют тенденцию к понижению (темпы прироста составляют –5,6 %). Темпы прироста значений данного фактора в бывших республиках СССР также имеют нисходящий характер (–0,8), в отличие от ситуации в странах БРИКС (0,0) и общемировых тенденций (0,0). При этом уровень демократии в странах на постсоветском пространстве (41,9) существенно уступает уровню, наблюдаемому в странах БРИКС (64,2), а также среднемировому уровню (61,7).

Анализ фактора качества судебной системы подтверждает близость российской институциональной модели экономического роста (31,9 балл.) к модели стран постсоветского про-

странства (38,6) по сравнению с моделями стран БРИКС (47,0) и среднемировой (49,9), если судить по показателям статистики этого фактора. Однако с точки зрения темпов прироста его значительная российская модель (0,8 %) одинаково близка как к бывшим республикам СССР (1,2), так и к странам БРИКС (0,4), но заметно отличается от среднемировой модели (0,2).

Уровень антикоррупционного контроля в странах БРИКС (46,5 балла) уступает среднемировому уровню (50,0), но превышает среднее значение этого показателя в постсоветских странах (37,4); результат же России (31,8) находится еще на более низком уровне, то есть и по этому параметру модель РФ ближе к модели постсоветских государств (с точки зрения показателей статистики). С точки зрения темпов прироста российская модель (–1,1 %) ближе к модели стран БРИКС (–0,3), обе модели имеют отрицательные темпы прироста, в отличие от среднемировых тенденций (0,1) и модели бывших советских республик (0,6).

Показатели уровня информационной открытости указывают на то, что РФ в статике (34,6 балл.) ближе к среднемировой модели (30,3), нежели к моделям бывших советских республик (29,4) и стран БРИКС (50,6). В то же время по темпам прироста Россия (15,9 %) ближе к показателям группы постсоветских государств (16,9), чем к среднемировым значениям (3,6) и показателям стран БРИКС (–5,8).

Таким образом, институциональное моделирование РФ как страны транзитивного типа лишь частично объясняет российское институциональное развитие. С точки зрения показателей статистики институциональных факторов российская модель близка к модели бывших советских республик, а по показателям темпов прироста – к модели стран БРИКС. Следовательно, при планировании проведения институциональных реформ нельзя замыкаться на одной модели экономического роста – нужно учитывать различные аспекты развития страны и комплексно подходить к анализу институциональных показателей, опираться на опыт многих государств, а также учитывать уникальные особенности, присущие экономике России.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований («Влияние институциональных факторов на инвестиционный климат стран с транзитивной экономикой»), проект № 13–32–01269, и при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Конкретно используются следующие показатели: индикатор эффективности органов государственного управления семейства индексов Worldwide Governance Indicators (WGI) – для измерения эффективности бюрократического аппарата; индикатор качества законодательного регулирования WGI – для измерения эффективности бизнес-коалиций; индикатор гражданских свобод Freedom House – для измерения эффективности гражданского общества; индикатор политических прав Freedom House – для измерения уровня демократии; индикатор верховенства закона WGI для измерения качества судебной системы; индикатор антикоррупционного контроля WGI – для измерения уровня антикоррупционного контроля; подындекс развития правительственных веб-сайтов индекса готовности стран к использованию электронного правительства (E-Governance), разрабатываемого Департаментом экономического и социального развития ООН – для измерения уровня информационной открытости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнаи Я. Что означает «изменение системы»? // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 99–112.
2. Левкин Н. В. Типология социально-экономических систем с позиций интегральной психологии: сила идей и образов // Ученые записки Санкт-Петербургского университета управления и экономики. 2012. № 4. С. 48–54.
3. Лобанов В. В. Модернизация государственного управления: проблемы и решения // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 2. С. 136–145.
4. Терещенко Д. С. Экономический рост в странах БРИКС: роль и влияние институциональных факторов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Социально-экономические науки. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 86–97.
5. Ясин Е., Снеговая М. Институциональные проблемы России в мировом контексте // Вопросы экономики. 2010. № 1. С. 114–128.
6. Beck T., Laeven L. Institution Building and Growth in Transition // Journal of Economic Growth. 2006. № 11. P. 157–186.
7. Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would Be Great Powers? // International Affairs. 2006. Vol. 82. № 1. P. 1–19.

Tereshchenko D. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

IMPORTANCE OF INSTITUTIONAL FACTORS FOR ECONOMIC GROWTH IN TRANSITION COUNTRIES

The paper assesses similarity of the Russian model of economic growth to the growth model of transition countries from the standpoint of institutional factors. Efficiency of bureaucracy, business coalitions, and civil society together with the level of democracy, anti-corruption control, information transparency, and quality of the established judicial system are considered institutional factors. The paper contains a comparative assessment of the institutional models of the Russian Federation, former Soviet republics, emerging markets (for example, the BRICS countries), and a global average institutional model. According to the results, the following may be noted: institutional modeling of the Russian economy, as a type of transitive economy, can only partially explain institutional development of the Russian Federation. In terms of indicators of institutional factors' statistics, the Russian model of economic growth is close to the model of the former Soviet Republics, and in terms of the growth rate – to the model of BRICS countries.

Key words: economic growth, institutions, institutional factors, economic transit, transition economy

REFERENCES

1. Kornai Ya. What does “Change of the System” mean? [Chto oznachaet “izmenenie sistemy”?]. *Voprosy ekonomiki*. 2008. № 2. P. 99–112.
2. Levkin N. V. Typology of Socio-Economic Systems from the Standpoint of Integral Psychology: the Power of Ideas and Images [Tipologiya sotsial'no-ekonomicheskikh sistem s pozitsiy integral'noy psikhologii: sila idey i obrazov]. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo universiteta upravleniya i ekonomiki*. 2012. № 4. P. 48–54.
3. Lobanov V. V. Modernization of Public Administration: Problems and Solutions [Modernizatsiya gosudarstvennogo upravleniya: problemy i resheniya]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. 2010. № 2. P. 136–145.
4. Tereshchenko D. S. Economic Growth in the BRICS Countries: the Role and the Impact of Institutional Factors [Ekonomicheskiy rost v stranakh BRIKS: rol' i vliyanie institutsional'nykh faktorov]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki*. 2012. Vol. 12. № 2. P. 86–97.
5. Yasin E., Snegovaya M. Russia's Institutional Problems in the Global Context [Institutsional'nye problemy Rossii v mirovom kontekste]. *Voprosy ekonomiki*. 2010. № 1. P. 114–128.
6. Beck T., Laeven L. Institution Building and Growth in Transition. *Journal of Economic Growth*. 2006. № 11. P. 157–186.
7. Hurrell A. Hegemony, Liberalism and Global Order: What Space for Would Be Great Powers? *International Affairs*. 2006. Vol. 82. № 1. P. 1–19.

Поступила в редакцию 24.09.2013

ИГОРЬ АЛЕКСАНДРОВИЧ ШАТАЛКИН
аспирант кафедры экономической теории и менеджмента
экономического факультета, Петрозаводский государствен-
ный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ishatalkin@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ИЗМЕРЕНИЯ ТРАНСАКЦИОННЫХ ИЗДЕРЖЕК И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

При измерении транзакционных издержек возникают следующие проблемы: вероятностный характер издержек, их неявная форма, суммарное отражение в бухгалтерском и управленческом учете, асимметрия информации. Для их преодоления следует использовать ряд методов, таких как: математическое ожидание транзакционных издержек; критерии Лапласа, Вальда, Гурвица; определение резервов, вмененных издержек, альтернативных издержек; проведение выборочных обследований и распространение их результатов на всю совокупность объектов; экспертное мнение. Кардиналистский подход имеет сферу применения, ограниченную ситуациями, в которых для достижения поставленной цели требуется количественная характеристика транзакционных издержек. При исследовании следует использовать подход обеспечения максимальной разницы между ожидаемым результатом от измерения транзакционных издержек и затратами на такое измерение.

Ключевые слова: транзакционные издержки, кардиналистский подход к измерению транзакционных издержек, проблемы измерения транзакционных издержек, теория игр

Существуют два подхода к измерению транзакционных издержек: ординалистский и кардиналистский [8; 265]. При использовании первого производится упорядочивание транзакционных издержек без их количественного измерения. Второй подход предполагает количественное измерение транзакционных издержек, однако связан с рядом сложностей. Например, временные затраты на поиск подходящего товара [8; 272–273], затраты на создание репутации [4; 51], затраты на юридическую защиту контракта [2; 18–19] поддаются измерению с большими издержками либо вовсе не поддаются измерению. Актуальным представляется анализ проблем, возникающих при измерении транзакционных издержек, а также рассмотрение способов их преодоления.

Целью работы является определение способов преодоления проблем, возникающих при применении кардиналистского подхода к измерению транзакционных издержек. Задачи: выявление проблем, возникающих при применении кардиналистского подхода; определение способов измерения транзакционных издержек, позволяющих преодолеть выявленные проблемы; определение границ применения кардиналистского подхода к измерению транзакционных издержек. Научная новизна работы заключается в предложенной методике измерения транзакционных издержек, имеющих вероятностный характер, а именно в применении критериев, разработанных в теории игр, что позволяет учитывать все издержки (как бухгалтерские, так и иные) при принятии решений; в предложенном критерии целесообразности применения кардиналистского подхода к измерению транзакционных издержек, отличительной особенностью которого являет-

ся использование признака «цель измерения». Методологией служат теория транзакционных издержек [7], концепция принятия решений с учетом всех издержек (как бухгалтерских, так и иных) [2; 15–22], теория игр [5]. Рассмотрим проблемы измерения транзакционных издержек и способы их преодоления:

А. Вероятностный характер транзакционных издержек [2; 18–19] означает, с одной стороны, что они не обязательно возникнут, с другой стороны, что их размер в различных случаях будет неодинаков. Поскольку транзакционные издержки – это издержки на согласование интересов [6; 678], они зависят не только от субъекта, который их несет, но и от внешних по отношению к нему агентов. Если разграничить транзакционные издержки на издержки до заключения сделки (*ex ante*) и после ее заключения (*ex post*) [7; 55], то получим, что на момент заключения сделки издержки *ex ante* уже понесены, поэтому не носят вероятностного характера, а издержки *ex post* имеют вероятностный характер.

По мнению автора, предприятие может обладать или не обладать следующей информацией об условиях возникновения транзакционных издержек: событиях, порождающих транзакционные издержки; числах указанных выше событий; вероятностях указанных выше чисел.

В зависимости от того, какие параметры известны предприятию о транзакционных издержках, оно находится в ситуации риска или неопределенности (см. таблицу). В ситуации риска для измерения транзакционных издержек следует использовать их математическое ожидание. Например, если в следующем году предприятие подаст 10 исков с вероятностью 70 % или 100 исков

Ситуации риска и неопределенности

Параметры	Риск	Неопределенность		
		Частичная	Численная	Полная
События	+	+	+	–
Числа событий	+	+	–	–
Вероятности чисел	+	–	–	–

Примечание. «+» – параметр известен; «–» – параметр не известен (таблица разработана автором).

с вероятностью 30 %, при этом затраты на подачу одного иска составляют 10 у.е., то транзакционные издержки следует считать равными $(10 * 70 \% + 100 * 30 \%) * 10 \text{ у.е.} = 370 \text{ у.е.}$

В ситуации частичной неопределенности для измерения транзакционных издержек следует использовать методики, разработанные в теории игр, а именно критерии: Гурвица (позволяющий учитывать склонность предприятия к риску), Вальда (отражающий полное неприятие риска), Лапласа (согласно которому, если вероятности неизвестны, то их следует признать равными) [5; 6–7]. Например, предприятию известно, что в следующем году возникнет потребность в подаче от 10 до 100 исков, при этом издержки на подачу 1 иска равны 10 у.е. С точки зрения критерия Вальда, транзакционные издержки следует принять равными издержкам при худшем развитии событий, то есть $100 * 10 = 1\,000 \text{ у.е.}$

В случае численной неопределенности для измерения транзакционных издержек следует использовать либо критерии, описанные выше для ситуации частичной неопределенности (если получение дополнительной информации возможно и целесообразно), либо определение резерва, описанное ниже для ситуации полной неопределенности (если получение информации невозможно и/или нецелесообразно).

При полной неопределенности непредвиденные транзакционные издержки при принятии решений должны учитываться, поскольку полная неопределенность означает, что не известны никакие параметры транзакционных издержек, однако не означает, что непредвиденные транзакционные издержки не возникнут. Непредвиденные транзакционные издержки следует учитывать в виде резерва – процента от общих транзакционных издержек, причем чем сильнее неопределенность, тем выше процент.

Б. Неявный характер транзакционных издержек означает, что часть из них не принимает формы денежного потока и отсутствует в данных бухгалтерского учета. Для измерения неявных издержек следует определять вмененные издержки, то есть издержки, которые необходимо было бы понести при отсутствии собственных ресурсов, или альтернативные издержки, то есть доходы, которые предприятие могло бы получить при альтернативном использовании ресурсов.

В. Данные бухгалтерского, а часто и управленческого, учета содержат суммарные издержки, возникающие при выполнении нескольких

транзакционных и/или трансформационных видов деятельности. Для выделения заданных транзакционных издержек из суммарных следует использовать долю времени, которое затрачивается на оказание транзакционных услуг. Например, заработная плата мастера составляет 1 000 у.е., при этом 80 % времени он занят выполнением производственных заданий, 20 % времени – надзором. Транзакционные издержки надзора здесь составляют $1\,000 * 20 \% = 200 \text{ у.е.}$

Г. Информация о транзакционных издержках является асимметричной и затруднительной для получения вследствие оппортунистического поведения. Надзор является средством выявления оппортунистического поведения, однако он не всегда осуществим, а если и осуществим, то не всегда может быть сплошным. Например, кредитные организации имеют возможность осуществлять сплошной надзор за заемщиками, в то время как страховые компании не имеют такой возможности (в частности, речь идет о моральном риске [1; 274]). Для измерения транзакционных издержек оппортунистического поведения следует использовать экспертное мнение, а также выборочный надзор и распространение его результатов на всю совокупность исследуемых субъектов.

Несмотря на ряд проблем, существующих при измерении транзакционных издержек, кардиналистский подход был успешно применен в ряде исследований (см., например, [3], [9], [10]). Этот подход имеет сферу применения, ограниченную целями, для достижения которых нужна количественная характеристика указанных издержек. Оценка эффективности менеджмента требует количественных данных по транзакционным издержкам: согласование интересов – основная функция менеджмента [2; 29], а транзакционные издержки – это издержки согласования интересов, поэтому для оценки эффективности менеджмента следует использовать сравнительный анализ транзакционных издержек, возможный лишь при наличии количественных данных.

В целом кардиналистский подход к измерению транзакционных издержек должен применяться лишь тогда, когда ожидаемый результат его применения превосходит затраты, возникающие при измерении, при этом указанная разница между результатом и затратами превосходит аналогичную разницу при использовании ординалистского подхода. Мы считаем, что в ряде случаев издержки измерения могут быть снижены путем снижения необходимой точности результатов. Таким образом, измерение транзакционных издержек сопряжено с рядом проблем: часть из них имеет вероятностный характер, часть – неявную форму, часть отражается в бухгалтерском, а часто и в управленческом, учете суммарно с другими издержками; информация о части транзакционных издержек не может быть получена из-за оппортунистического поведения.

Для преодоления обозначенных выше проблем следует использовать ряд методов: математическое ожидание транзакционных издержек; критерии Лапласа, Вальда, Гурвица; определение резервов, вмененных издержек, альтернативных издержек; проведение выборочных обследований и распространение их результатов на всю совокупность объектов; экспертное мнение. По нашему мнению, сфера применения кардиналистского подхода ограничена ситуациями, в которых для достижения поставленной цели требуется количественная характеристика

транзакционных издержек. Следует использовать такой подход к измерению транзакционных издержек, который обеспечивает максимальную разницу между ожидаемым результатом от измерения транзакционных издержек и затратами на такое измерение. Исследование проблем, возникающих при измерении транзакционных издержек, и способов их преодоления должно быть продолжено. В частности, предложенные в настоящей работе способы преодоления проблем должны быть опробованы в эмпирическом исследовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов В. Б. Теория экономической организации: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 296 с.
2. Акулов В. Б. Финансовый менеджмент: [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.petrsgu.ru/Chairs/Finans/fm_book.pdf
3. Григорьева Е. М. Возникновение рынков транзакционных услуг // Государственная служба. 2008. № 1. С. 116–119.
4. Григорьева Е. М. К вопросу измерения и минимизации транзакционных издержек в экономике // Финансы и кредит. 2008. № 30 (318). С. 49–53.
5. Луньков А. Д. Теория игр [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nto.immpu.sgu.ru/sites/default/files/3/_pdf_67262.pdf
6. Половинкина Н. В. Методологические основы анализа транзакционных издержек // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. «Экономика и финансы». 2005. № 1. С. 677–682.
7. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая» контрактация / Под ред. В. С. Каткало; Пер. Ю. Е. Благова, В. С. Каткало, Д. С. Славнова [и др.]. СПб.: Лениздат: CEV Press, 1996. 702 с.
8. Шаститко А. Е. Новая институциональная экономическая теория. М., 2002. 591 с.
9. Demsetz H. The Cost of Transacting // The Quarterly Journal of Economics. 1968. Vol. 82. № 1. P. 33–53.
10. Wallis J., North D. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970 // Long-Term Factors in American Economic Growth. Chicago: University of Chicago Press, 1986. P. 95–162.

Shatalkin I. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

PROBLEMS OF TRANSACTION COSTS' MEASUREMENT

There are two approaches to transaction costs measuring: ordinal and cardinal. Cardinal approach deals with quantitative characteristics of transaction costs but is connected with some issues. The aim of the work is to determine possible ways of solving issues arising from cardinal approach employment in case of transaction costs' measurement. The goals of the work are to define issues arising from cardinal approach usage; to determine means of transaction costs measuring applicable for the solution of defined issues; to determine cardinal approach's scope. The methodology is based on transaction costs theory, the concept of decision-making incorporating total costs and the game theory. The author concludes that transaction costs' measuring is connected with the following issues: costs' probabilistic nature, their implicit form, total costs' reflection in book-keeping and frequently in management accounts, information asymmetry. To solve these issues it is necessary to use such methods as: transaction costs' expectation value; Laplace, Bayes, Hurwitz criterions; reserves', imputed costs', opportunity costs' evaluation; selective survey work and expansion of its results on all objects; expert opinion. It seems that the scope of cardinal approach is limited by the aims that can be achieved only with quantitative characteristics of transaction costs. It is necessary to use such transaction costs' measuring approach that can show maximum difference between expected results and costs of measuring.

Key words: transaction costs, cardinal approach to transaction costs' measuring, transaction costs' measuring issues, game theory

REFERENCES

1. Akulov V. B. *Teoriya ekonomicheskoy organizatsii: Ycheb. posobie* [Economic Organization Theory]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2009. 296 p.
2. Akulov V. B. *Finansovyy menedzhment* [Financial Management]. Available at: http://www.petrsgu.ru/Chairs/Finans/fm_book.pdf
3. Grigor'eva E. M. The Occurrence of Transaction Services Markets [Vozniknovenie rynkov transaktsionnykh uslug]. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Government Service]. 2008. № 1. P. 116–119.
4. Grigor'eva E. M. Discussion of Transaction Costs' Measuring and Minimization in Economics [K voprosu izmereniya i minimizatsii transaktsionnykh izderzhek v ekonomike]. *Finansy i kredit* [Finances and Credit]. 2008. № 30 (318). P. 49–53.
5. Lun'kov A. D. *Teoriya igr* [Game theory]. Available at: http://nto.immpu.sgu.ru/sites/default/files/3/_pdf_67262.pdf
6. Polovinkina N. V. Methodological Foundations of Transaction Costs Analysis [Metodologicheskie osnovy analiza transaktsionnykh izderzhek]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Ser. "Ekonomika i finansy"* [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Economics and Finances ser.]. 2005. № 1. P. 677–682.
7. Williamson O. E. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. New York, The Free Press, 1985. 450 p.
8. Shastitko A. E. *Novaya institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya* [New Institutional Economics]. Moscow, 2002. 591 p.
9. Demsetz H. The Cost of Transacting. *The Quarterly Journal of Economics*. 1968. Vol. 82. № 1. P. 33–53.
10. Wallis J., North D. Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970. *Long-Term Factors in American Economic Growth*. Chicago, University of Chicago Press, 1986. P. 95–162.

Поступила в редакцию 09.01.2014

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ЛАРИЧЕВ

кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и конституционного права юридического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
alexander.larichev@gmail.com

ОБЪЕДИНЕНИЕ МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ, ФИНЛЯНДИИ И КАНАДЕ: ПРОЦЕДУРА И ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ*

Дается краткий анализ процедур объединения муниципальных образований в России, Финляндии и Канаде. Целью является изучение вопроса о том, поддерживают ли установленные законодательные процедуры вовлечение всех заинтересованных групп в процесс муниципальных преобразований. Установлено, что действующее в указанных странах законодательство в вопросе объединения муниципальных образований непропорционально дисбалансированно в пользу органов государственной власти и не предусматривает реального привлечения местного населения к решению подобных вопросов. Реформа соответствующих положений с усилением роли местного населения явилась бы важным шагом на пути развития и укрепления муниципальной демократии.

Ключевые слова: объединение муниципальных образований, правовое регулирование, участие местного населения

INTRODUCTION

Any state which recognizes local government as a form of public authority has to deal in detail with its territorial organization, because the proper territorial organization is a factor of its performance efficiency. The indicated efficiency, in turn, is possible only when municipal boundaries support for the match between the needs of local people in solving a particular set of local issues and the possibility of addressing them within a specific geographic territory.

Over time, changes in population, social and economic conditions and (or) volume of issues to be dealt with locally may entail the need to change the boundaries of municipalities or even transform them as entities. Hence, legislative rules for the territorial organization of local government should provide for the possibility and the mechanism of such changes.

One important form of territorial restructures of municipalities is their amalgamation. In contrast to such form as boundary changes, amalgamation requires elimination of several 'old' municipalities as corporate entities and creation of a 'new' unified municipality, with all relevant consequences such as development of a new structure of municipal bodies, rearrangement of the schemes of municipal service delivery, and changes in local economic management within unified territories.

It is thus logical to assume that the relevant legislation, defining municipal amalgamation, should provide clear rules for addressing the following questions: 1) what are the criteria and conditions under which it is possible (necessary) to amalgamate municipalities, 2) who has the right to initiate municipal amalgamation, and 3) what is the procedure provides for the implementation of changes.

The main goal of this article is to analyze municipal amalgamation procedures in three countries – Canada, Russia and Finland, and to examine their central governments' involvement in the process. The choice of these countries is not incidental. Russia, as well as Canada, is a vast Federal state, with rather autonomous subjects influencing the performance of local governments within their borders, albeit not to the extent done by their Canadian counterparts (provinces). Finland, in contrast, is a unitary state, but with strong and long tradition of local governments' autonomy.

The issue in question is whether the established procedures for municipal amalgamation support for accommodation of the stakeholders (local and central governments, businesses, but most importantly – citizens) interests, or whether the current procedures exist primarily to accommodate central governments' policy on relevant issues. What are the abilities of local citizens in the examined states to influence decision-making regarding the territorial organization of local government, and whether it is really a privilege of central governments to decide such matters without considering local citizens' views?

LEGAL FRAMEWORK FOR MUNICIPAL AMALGAMATIONS

In Russian Federation general principles of local government operation is in the joint jurisdiction of the Federal center and regions (part 'n' of the Article 72 of the Russian Constitution). It is worth noting that in the area of joint jurisdiction, Federal laws are paramount. The basic act on the organization of local government, Federal Law 131, provides for the possibility of changes in the territorial organization

of local government, including amalgamation of municipalities.

Territorial changes are implemented by regional laws upon the initiative of local citizens, local governments, regional or Federal public authorities. The presence of the latter ones on the list is questionable, since Federal authorities are not supposed to have any particular interest in specific municipal boundaries and, except for the power to initiate changes, are not in any way involved in the boundaries' redrawing procedure.

Russian law lacks any criteria for the necessity of municipalities' amalgamation, even though they are envisaged for certain other forms of territorial changes (for example, the abolition). The legislators, apparently, believe that the circumstances triggering amalgamation may be different and the emergence of the corresponding initiatives is itself a sufficient precondition for addressing this issue in the manner prescribed by law.

The vote in a regional legislature should be preceded by a certain form of conciliation procedures. These procedures, however, dependent on the type of the territorial changes involved, range from mandatory receipt of the local citizens' consent through a local referendum to non-binding vote in a local council. Surprisingly enough, in case of amalgamation there is no direct citizens' vote. Amalgamation of lower-tier municipalities (urban and rural settlements) requires consent of respective local councils, whereas for the same action with the upper-tier municipalities (districts) only non-binding, 'advisory' local council vote is needed. In any case, the federal law does not make the outcome of conciliation procedures imperative for regional legislators. They may simply refuse to support the proposed plan of amalgamation or de-amalgamation, although they are also limited in the ability to push through their own plan without taking relevant preliminary steps.

The interpretation of the discussed procedures leads to the conclusion that local citizens' abilities to influence amalgamation of municipalities they live in are in reality very limited. Although the local citizens are vested with the power to initiate the amalgamation, they cannot directly influence the outcome, whether on the stage of consultations or the vote in regional legislature.

MUNICIPAL AMALGAMATIONS IN FINLAND: IS COMMUNAL AUTONOMY REAL?

In Finland, the issues of territorial organization of local government are partially regulated by the Constitution and several national acts including one notable Law on the municipal division (Kuntajakolaki, 2009).

In contrast to Russian legislation, the Finnish law defines the premises, at least one of which is required to conduct municipal restructure. The map of municipalities can be altered if the change

improves: 1) functional and economic conditions for the municipal service delivery, 2) quality of municipal services and living conditions of the inhabitants of the region, 3) possible forms of employment in the region, and 4) the flexibility of social organization in the region.

The initiative to amalgamate municipalities ('communes') can be pushed by local councils, preparing an appropriate joint decision. In some cases, a proposal to amalgamate communes or transfer part of their territory to other municipalities may be prepared by the national Ministry of Interior through the special procedure called 'survey of the municipal division'. The Ministry may initiate such a survey either itself, or at the request of a commune or a group of not less than twenty per cent of the citizens of a commune.

In any case, the survey results are advisory for the communes. As a Finnish researcher A. Koski points out, in Finland municipal integration is a voluntary process: judgments of the need to merge municipalities are the responsibility of local government, the central government is unable to make decisions on the enlargement contrary to the will of communes [1; 36].

However, the final decision on the amalgamation lies in the hands of the State Council of Finland, which acts as a registration chamber for the corresponding agreements, drawn up by municipalities involved in the merger. The State Council may either approve or reject the agreement. The decision of the Council is based on the assessment of the agreement's compliance with the above mentioned premises. With that prior, the possible difficulty in reaching non-biased and reasonable decision by the Council lies in the hazy language of the preconditions. For example, how is it possible to reach a firm ground when deciding whether amalgamation of municipalities will promote 'flexibility of social organization in the region'?

Considering this problem, it is interesting to examine the ruling of the Russian Constitutional Court (№ 15-П of November 30, 2000), which declared unconstitutional the provisions of the Charter of the Kursk region, envisaging the principle of 'the maximum efficiency of solving social and economic issues' as a criterion for the decisions on whether to incorporate certain territory as a municipality.

According to the Court's decision, the guidelines produced for the municipalities' incorporation should not restrict the citizens' constitutional rights to local self-government. The Court held that such 'vague' definitions as 'maximum efficiency' may unduly expand the powers of the regions to decide the fate of municipalities without observing the citizens' rights. One could argue, that such a ruling is possible only if there is the specific constitutional protection of the citizens' right to local government, which, for example, is absent in the case of Canada. However, there could be another message received

from the discussed ruling. Whatever powers central governments may have to influence the incorporation, amalgamation or other procedures affecting municipalities, their decisions should be reasonable and justified to the furthest extent possible.

Nevertheless, the logic of the Finnish legislator is clear: it is impossible to carry out the merger of municipalities without a thorough study of its effects.

MUNICIPAL AMALGAMATIONS IN CANADA: DISCRETION OF PROVINCES

In North America, unlike Europe, the constitutional arrangements for the establishment of the institute of local self-government were accompanied by a parallel alignment of federal relations, which determined the disentanglement of powers for legislative regulation of local government in favor of the regions (both in Canada and the U. S.).

The present Federal constitutional framework in Canada does not give local government an autonomous status, while avoiding the detailed regulation of related issues in principle. The Canadian Constitution contains only one provision relating to local government. Under Section 92 of the 1867 Constitutional Act of Canada, the municipal institutions within the province belong to the exclusive jurisdiction of the legislature of the province. This arrangement leads to the regulation of all of relevant organizational issues by Canadian provincial law, with significant differences in the approaches to territorial changes, including municipal mergers.

Since it is hard to generalize about the Canadian approach to amalgamation, only two, principally opposite provincial approaches toward relevant procedures are examined for the purpose of this section – ones of British Columbia and Ontario.

Under Section 279 of the British Columbia Community Charter of 2003, the patent incorporating a new municipality may not be issued unless a vote has been taken separately in each of the merging municipalities, and for each of those municipalities, more than 50 per cent of the votes counted as valid favor the proposed incorporation. The title of the Section, 'No forced amalgamations' speaks for itself.

According to Section 8 of the BC Local Government Act of 1996, municipal restructuring may be instigated by the council of a municipality all or part of which is in the area, the board of trustees of an improvement district all or part of which is in the area or by a municipal affairs minister, if the minister is of the opinion that territorial changes are in the public interest. Under Section 8 (2) (c), individual citizens in the number of two or more are allowed to initiate municipal restructuring only if they are residents of any part of the area that is not in an existing municipality.

The mentioned provisions of the Local Government Act and the Community Charter seem to be very liberal in comparison with the relevant provisions in the Ontario Municipal Act of 2001.

Section 172 of the Municipal Act provides seven municipal restructuring options, with amalgamation mentioned as a separate one and suitable for municipalities only of the same (lower or upper) tier. The Act envisages three general procedural options for the restructuring. It should be noted, however, that these options do not apply to several major cities like Toronto or Ottawa, along with regional municipalities or their lower-tier municipalities except with respect to minor restructuring proposals.

Under the first option (Section 173), the council of a municipality or local body in a geographic area may make a proposal to restructure municipalities by submitting to municipal affairs minister a report containing a description of the restructure and proof that the proposal has the necessary degree of support of the prescribed municipalities and that the municipality or local body consulted the public in the required manner.

In order to be implemented by the ministerial order, the proposal should be in compliance with the restructuring principles and standards, which under Section 179 may be set by the minister him- or herself. However, the current relevant Ontario Regulation 216/96 sets only one such principle: 'No restructuring is permitted if the municipality that would exist after the restructuring would consist of two or more parts that are not contiguous'. This 'principle' seems to be more of the restrictive exception not to conduct municipal restructuring, rather than a precondition to allow it. This technically means that the existing legal barrier to amalgamation is limited, giving the decision-makers broad discretion in finding a rationale for it.

Alternatively (Section 174), the minister may convene a special commission to develop a proposal for restructuring municipalities. Following consultations with stakeholders and the preparation of the restructuring proposal, the commission may make orders to implement it.

Under Section 182, there is a possibility to dissolve all or part of the single-tier municipality and (or) annex all or part of it to another municipality. The decision can be made by the special quasi-judicial body, the Ontario Municipal Board. The procedure may be initiated either by municipal affairs minister (with the approval of the provincial Government) or the affected single-tier municipality.

Hence, the list of actors able to initiate municipal mergers in Ontario is, in comparison with British Columbia, shorter. Furthermore, restructuring through commission option allows provincial authorities to push for amalgamation of municipalities without their consent. And, of course, none of the above mentioned options provide for the possibility of a direct citizens vote on the issue.

IS THERE A NEED FOR MORE PUBLIC INVOLVEMENT?

One could argue, though, that in a democratic state the authority of national or regional government is anyway rooted in the power of the people. Therefore, when central government pursues municipal restructure, it does so because it is entrusted by the people and receives a *carte blanche* to implement its policies. However, no one would be surprised with the fact that politicians too often break their promises after get elected. As evidenced in a recent research, 'parties, and the politicians who lead them, are about one overwhelmingly important thing: gaining office. Policy commitments are...secondary or non-existent' [2; 11].

Empirical data show frequent switch in positions towards municipal mergers by their fiercest opponents and vice versa. Andrew Sancton describes one such example from the Canadian practice: '[In 1993] Premier Donald Cameron of Nova Scotia (a Progressive Conservative), who favored the idea of municipal amalgamations in Cape Breton and Halifax... was replaced by John Savage (a Liberal), who proclaimed during the election campaign that amalgamation of the four Halifax municipalities was 'a crazy idea' [4; 143]. However, 'despite Premier Savage's initial declared opposition to amalgamation, he reversed his position in October 1994 as part of an overall strategy to reduce government spending and to promote economic development' [4; 144]. This slip in position led to the creation of the enormous Halifax Regional Municipality, performance efficiency of which is still disputed.

But, even if we agree that direct citizens' control in such matters as municipal amalgamation is necessary, can we be sure that the general public is capable of being actively involved in related procedures?

Although there is a widespread notion, that citizens in many countries tend to show little interest in local government operation, there are situations when they may become highly involved in relevant issues. This may concern not only cases when citizens are protective of their immediate local interests, like the NIMBY ('not-in-my-backyard') phenomenon [5; 345], but surprisingly when they get preoccupied with broader issues, like participation in decision-making and proliferation of democratic practices at the local level.

For example, in Toronto amalgamation case, reviewed by the Supreme Court of Canada [3], it seems that it was not the amalgamation itself, but rather the manner in which it was done that enraged certain groups of local citizens, demanding to have more power to influence such decisions.

Even in Russia, with a very low record of citizen participation in local government, there is evidence, that when people do get concerned, it is not always a concern regarding their certain daily wants. In a recent example, there has been a huge protest movement of local citizens in the Russian city of Petrozavodsk,

discontented with the local administration city planning policies. A major project, which involved construction of high-rise luxury apartments in the city center, had to be cancelled because representatives of several public groups challenged the construction permit in court. The construction itself did not affect immediate interests of most of the protesters, but as many of them described, they were disgusted with the way the related permits were given — in violation of the established rules of public hearings and through 'wringing of hands in private meetings'. So, the public does sometimes seem to get concerned with the *procedure*, rather than the *substance* in the decision-making regarding local issues.

The absence of necessary local democracy tools in the hands of citizens may, on the contrary, aggravate 'social apathy'. As Richard Tindal and Susan N. Tindal assert, 'over the past century...the notion somehow developed that once the government gets involved into with some subject, then it is the government's problem, not ours. Governments have contributed to this unfortunate development by appearing to exclude the public, by acting as if only professionals and experts could have the answer' [5; 403].

CONCLUSION

Summarizing the above, it is clear that the legal rules, established for municipal mergers in Canada, Finland and Russia, albeit different in the procedural specifics, tend to favor high involvement and decisive powers of central and regional governments. The procedures in all the three countries (except, to some extent, in Canada's British Columbia) do not provide for direct public control over proposed amalgamations.

Furthermore, the criteria for amalgamation is often inexistent or blurry and does not help public officials to forecast all circumstances that may result out of municipal mergers.

What could be done to counter this problem and to conduct amalgamations in a more predictable and rational way? It seems that the right answer for all of the examined countries would be to amend the relevant legislative procedures and implement (where they are non-existent) compulsory consultations with relevant stakeholders, most importantly, citizens (through public hearings). Perhaps the discussed countries (or their provinces) should look at the experience of British Columbia, and abandon practices of forced amalgamations, done without public consent.

Why is public involvement important? The simple answer would be that a democratic system is built on the perception that the base of it is the power of people, not the power of Government. Therefore, certain procedures that enable the expression of people's will and ability to influence the structure and substance of the government mechanism should be established at all levels of government. If the system

is to be fully democratic, no reservations should be left on any particular issues marked as 'exceptional'. Otherwise, an exception may soon turn into a rule.

However, there is one more weighty argument for greater public control over municipal mergers, and, possibly, other topical issues at the local level. It seems that the Government(s), upon which we vest our powers, and which we credit with our trust to

perform complex functions of public administration, may simply not possess enough expertise, and, most importantly, data on various local issues to decide the fate of municipalities unilaterally. Local citizens, better knowing the conditions of the places they settle in and live, should therefore be called upon as 'experts' to help decide relevant matters more effectively and for the common benefit.

* Работа выполнена при поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ в рамках реализации комплекса мероприятий по развитию научно-исследовательской деятельности на 2012–2016 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коски А. Государственные мероприятия в рамках политики укрупнения муниципальных образований // Объединение муниципальных образований: опыт Финляндии и основы российского законодательства. СПб., 2011. 128 с.
2. Bawn K. et al. A Theory of Political Parties: Groups, Policy Demands and Nomination in American Politics. Available at: www.vanderbilt.edu/csdi/TheoryofParty.pdf
3. Citizens' Legal Challenge Inc. et al. v. Attorney General of Ontario (Ont.). Available at: <http://scc.lexum.org/en/bulletin/1998/98-01-16.bul/98-01-16.bul.html>
4. Sancton A. Canadian local government: an urban perspective. Toronto: Oxford University Press, 2011. 376 p.
5. Tindal C. R., Tindal S. N. Local Government in Canada. 7th ed. Toronto: Nelson, 2009. 447 p.

Larichev A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

MUNICIPAL AMALGAMATIONS IN RUSSIA, FINLAND, AND CANADA: PROCEDURES AND PROBLEMS OF LOCAL CITIZENS' INVOLVEMENT

This paper briefly examines established procedures for municipal mergers in three states: Russia, Finland, and Canada. The aim of the article is to analyze whether existing procedures support all major stakeholders involved in the process of municipal restructuring. The evidence, presented in the article, leads to the conclusion, that municipal procedures of amalgamation are unreasonably imbalanced in all of the examined states in favour of central governments and do not seriously involve local citizens into the process. Relevant reforms empowering local citizens could profoundly improve the situation and serve as a good step toward proliferation and enhancement of local democracy.

Key words: municipal amalgamations, legal framework, public participation

REFERENCES

1. Koski A. State activities in the area of municipal institutions enlargement policy [Gosudarstvennyye meropriyatiya v ramkakh politiki ukрупneniya munitsipal'nykh obrazovaniy]. *Ob'edinenie munitsipal'nykh obrazovaniy: opyt Finlyandii i osnovy rossiyskogo zakonodatel'stva* [Merger of municipalities: Finnish experience and Russian legal framework]. St. Petersburg, 2011. 128 p.
2. Bawn K. et al. A Theory of Political Parties: Groups, Policy Demands and Nomination in American Politics. Available at: www.vanderbilt.edu/csdi/TheoryofParty.pdf
3. Citizens' Legal Challenge Inc. et al. v. Attorney General of Ontario (Ont.). Available at: <http://scc.lexum.org/en/bulletin/1998/98-01-16.bul/98-01-16.bul.html>
4. Sancton A. Canadian local government: an urban perspective. Toronto: Oxford University Press, 2011. 376 p.
5. Tindal C. R., Tindal S. N. Local Government in Canada. 7th ed. Toronto: Nelson, 2009. 447 p.

Поступила в редакцию 17.01.2014

САМИР МУРСАЛОВИЧ МИКАИЛОВ

кандидат юридических наук, полковник полиции, начальник, Управление вневедомственной охраны при МВД по РК (Петрозаводск, Российская Федерация)
smm45@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОДСИСТЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОЙ И АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

На основе анализа нормативных и правовых источников, регламентирующих работу различных органов и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению имущественной безопасности, а также научной и специальной литературы по данной тематике определяется, что частью единой государственной системы обеспечения имущественной и антитеррористической безопасности является ее региональная подсистема, которая представлена рядом субъектов (государственных и негосударственных) на территории Республики Карелия (РК). Обозначив существенную роль вневедомственной охраны полиции в области обеспечения имущественной и антитеррористической безопасности, предлагается рассматривать ее системообразующим элементом указанной подсистемы. Обеспечение безопасности является сложной, многоуровневой системой взаимосвязанных и взаимообеспечивающих элементов, поэтому функционирование региональной ее подсистемы должно основываться на комплексе базисных положений, закрепленных в Концепции обеспечения имущественной безопасности в РК и законе РК «Об основах имущественной безопасности в РК».

Ключевые слова: имущественная безопасность, антитеррористическая безопасность, вневедомственная охрана, полиция, региональная подсистема, концепция

Актуальность темы обусловлена тем, что обеспечение безопасности, в том числе имущественной и антитеррористической, является одной из важнейших задач государства и необходимым условием поступательного движения и развития общества, а также повышения благосостояния граждан. Конституция РФ, провозгласив Россию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, подразумевает и надлежащий уровень имущественной безопасности гражданина и, признавая высшей ценностью права и свободы человека, берет на себя обязанность их соблюдать и защищать. Данная задача решается различными ветвями власти как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов страны.

По мнению ряда исследователей, в РФ де-факто функционирует устойчивая система обеспечения имущественной безопасности, представленная государственными и негосударственными субъектами [5], [6].

Конституция РФ (ст. 72) устанавливает, что защита прав и свобод гражданина, обеспечение правопорядка, общественной безопасности, включающей профилактическую деятельность, находятся в совместном ведении РФ и ее субъектов.

Федеральный закон (ФЗ) РФ от 28 декабря 2010 года № 390-ФЗ «О безопасности» (ст. 4, 6) также устанавливает, что органы государственной власти субъектов РФ в пределах своей компетенции обеспечивают исполнение законодательства РФ в области обеспечения безопасности, являются

органами, реализующими государственную политику в области обеспечения безопасности и осуществляющими координацию деятельности по обеспечению безопасности. ФЗ РФ от 6 марта 2006 года № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ст. 5) гласит, что органы государственной власти субъектов РФ осуществляют деятельность по противодействию терроризму.

Так как одним из видов безопасности является имущественная безопасность (тесно связанная с обеспечением антитеррористической безопасности) [5], [6], можно предположить, что данные органы являются также органами, обеспечивающими исполнение законодательства РФ в области обеспечения имущественной безопасности, реализующими государственную политику в данной области и осуществляющими координацию деятельности по обеспечению данного вида безопасности.

Таким образом, можно предположить, что частью единой государственной системы обеспечения имущественной безопасности является региональная подсистема обеспечения имущественной безопасности субъектов РФ, в том числе и региональная подсистема обеспечения имущественной безопасности РК.

Правовой основой функционирования данной подсистемы служат вышеперечисленные и другие нормативно-правовые акты федерального уровня, определяющие государственную политику в рассматриваемой области и регламентирующие деятельность по обеспечению имущественной безопасности, а также нормативно-правовые акты РК, регулирующие

сферу обеспечения имущественной безопасности. Основным среди них является Конституция РК, статья 57 которой устанавливает, что Правительство РК осуществляет в пределах своих полномочий меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод гражданина, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью. Иными словами, Правительство РК вырабатывает в том числе и меры по обеспечению имущественной безопасности граждан и юридических лиц. Например, в соответствии с Распоряжением Правительства РК от 30 декабря 2011 года № 803-р-П «Об одобрении Концепции долгосрочной целевой программы “Профилактика правонарушений в РК на 2012–2016 годы”» целью данной программы является создание условий для снижения количества правонарушений, предупреждения террористических проявлений, представляющих опасность для жизни, здоровья и собственности граждан на территории РК, а среди задач для реализации данной цели обозначены деятельность по совершенствованию антитеррористической защищенности объектов с массовым пребыванием людей и потенциально опасных объектов, повышение уровня готовности сил и средств, участвующих в ликвидации (минимизации) последствий террористических проявлений, а также проведение воспитательной и пропагандистской работы с населением, направленной на предупреждение террористических проявлений. Данная программа предусматривает реализацию мер организационного, правового, правоохранительного, информационного, экономического и финансового характера для решения указанных задач и достижения обозначенной цели.

В соответствии с Указом Президента РФ от 16 февраля 2006 года № 116 «О мерах по противодействию терроризму» [1] в РК создана и функционирует Антитеррористическая комиссия, которая является органом, осуществляющим координацию деятельности на территории РК, федеральных органов исполнительной власти на территории республики, органов исполнительной власти РК и органов местного самоуправления по профилактике терроризма, вырабатывает меры по профилактике терроризма, устранению причин и условий, способствующих его проявлению, обеспечению защищенности объектов возможных террористических посягательств, а также по минимизации и ликвидации последствий террористических актов и осуществляет контроль за реализацией этих мер [7]. Данным органом определены перечни объектов особой важности, повышенной опасности, жизнеобеспечения и с массовым пребыванием людей, обеспечению безопасности которых уделяется особое внимание. По ряду из них выработаны методические рекомендации по организации

безопасности и оборудованию техническими средствами безопасности.

Ряд исследователей [5], [6] выделяют две группы субъектов, обеспечивающих имущественную безопасность в РФ, обозначив их как специализированные и неспециализированные субъекты. К группе неспециализированных субъектов они относят субъекты, основной целью которых не является обеспечение имущественной безопасности, но которые участвуют в деятельности по ее обеспечению, а к группе специализированных субъектов – субъекты, непосредственно осуществляющие деятельность по обеспечению имущественной безопасности в отношении объектов.

Представляется, что федеральная система обеспечения имущественной безопасности представлена субъектами, осуществляющими деятельность по обеспечению имущественной безопасности по территориальному признаку, то есть в регионах РФ. Следовательно, можно предположить, что региональная подсистема обеспечения имущественной безопасности представлена аналогичными субъектами, осуществляющими свою деятельность на территории соответствующего региона.

Таким образом, к группе неспециализированных субъектов региональной подсистемы обеспечения имущественной безопасности можно отнести субъекты, основной целью которых не является обеспечение имущественной безопасности, но которые участвуют в деятельности по ее обеспечению (это органы законодательной и исполнительной власти РК, призванные обеспечивать имущественную безопасность путем формирования законодательной основы функционирования региональной подсистемы обеспечения имущественной безопасности, органы региональной судебной системы, рассматривающие дела по нарушениям законодательства, регулирующие сферу обеспечения безопасности, а также общественные организации и лица, участвующие в обеспечении имущественной безопасности на территории РК).

К группе специализированных субъектов региональной подсистемы обеспечения имущественной безопасности в РК относятся субъекты системы обеспечения имущественной безопасности РФ, непосредственно осуществляющие деятельность по обеспечению имущественной безопасности в отношении объектов, расположенных на территории РК. В соответствии с действующим законодательством России к группе специализированных субъектов региональной подсистемы обеспечения имущественной безопасности могут быть отнесены следующие организации, осуществляющие деятельность по обеспечению имущественной безопасности в отношении объектов, расположенных на территории РК:

а) государственные организации, решающие задачи по обеспечению имущественной безопасности:

- подразделения ведомственной охраны и подразделения юридических лиц с особыми уставными задачами, осуществляющие охранную деятельность на территории РК на основании ФЗ РФ от 14 апреля 1999 года № 77-ФЗ «О ведомственной охране». На территории РК функционируют 14 подразделений (филиалов) ведомственной охраны и подразделений (филиалов) юридических лиц с особыми уставными задачами, обеспечивающих в совокупности имущественную и антитеррористическую безопасность около 300 объектов;

- Федеральное государственное казенное учреждение (ФГКУ) «Управление вневедомственной охраны МВД по РК» [3], которое в своей структуре имеет 8 межмуниципальных филиалов и обеспечивает имущественную безопасность более 2,5 тыс. объектов во всех муниципальных образованиях республики, из которых более половины составляют объекты с массовым пребыванием граждан, потенциально опасные и жизнеобеспечения, а также более 7 тыс. квартир и других мест хранения имущества граждан;

- филиал Федерального государственного унитарного предприятия (ФГУП) «Охрана» МВД России, созданный и осуществляющий деятельность по обеспечению имущественной безопасности на основании Постановления Правительства РФ от 11 февраля 2005 года № 66 «Вопросы реформирования вневедомственной охраны при органах внутренних дел РФ» [2], и его подразделения в муниципальных образованиях Республики, обеспечивающие имущественную безопасность более 180 объектов, в том числе объектов, подлежащих обязательной государственной охране;

б) негосударственные (частные) охранные организации – это частные охранные организации, осуществляющие деятельность по обеспечению имущественной безопасности на возмездной основе в соответствии с ФЗ РФ от 11 марта 1992 года № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в РФ». На территории РК зарегистрировано около 80 частных охранных организаций, обеспечивающих в совокупности имущественную безопасность более 2 тыс. объектов различных форм собственности.

Таким образом, можно предположить, что в РК (так же, как и в других регионах России) де-факто существует региональная подсистема обеспечения имущественной безопасности, представленная различными субъектами, преследующими единую цель и осуществляющими деятельность по обеспечению имущественной безопасности юридических и физических лиц.

В то же время, исходя из существующей базы нормативно-правовых актов, регламентирующих сферу обеспечения имущественной безопасности, сложно определить с органом, координирующим деятельность указанных структур.

Деятельность данных субъектов, за исключением вневедомственной охраны полиции и филиалов ФГУП «Охрана» МВД России, регулируется вышеперечисленными самостоятельными законами. В указанных законодательных актах имеется целый ряд норм, которые регулируют аналогичные для всех видов охраны правоотношения. Но нормативно-правовых актов или концептуальных (программных) документов регионального уровня, регулирующих отношения в сфере организации имущественной безопасности, не существует.

На наш взгляд, для формирования представления об имущественной безопасности как о целостной региональной подсистеме и для осуществления комплексной деятельности в данной области необходимо разработать Концепцию обеспечения имущественной безопасности в РК, суть которой должна заключаться в установлении ряда принципов или подходов к обеспечению имущественной безопасности (в первую очередь путем определения угроз имущественной безопасности) и разработке на этой основе эффективных мер противодействия этим угрозам. Данная Концепция должна определять приоритетные направления деятельности субъектов обеспечения имущественной безопасности в регионе, цели, задачи, принципы, формы и методы ее обеспечения, а также выступать в качестве основы для разработки целевых региональных программ в сфере обеспечения имущественной безопасности. В связи с этим в качестве цели региональной подсистемы обеспечения имущественной безопасности может выступать минимизация угроз имущественной безопасности на основе разработанного и реализуемого комплекса мероприятий правоохранительного, социально-экономического и организационного характера с учетом особенностей региона. В процессе достижения поставленной цели должны решаться конкретные задачи по реализации всех направлений обеспечения безопасности (прогнозирование возможных угроз имущественной безопасности; организация деятельности по их предупреждению (превентивные меры, профилактика); выявление, анализ и оценка возникших реальных угроз; принятие решений и организация деятельности по реагированию на возникшие угрозы; постоянное совершенствование региональной подсистемы обеспечения имущественной безопасности). Отправной точкой в реализации указанной Концепции мог бы выступить разработанный Закон РК «Об основах имущественной безопасности в РК», который бы систематизировал и унифицировал деятель-

ность по обеспечению имущественной безопасности в регионе, исходя из субъектного состава и особенностей региона, определил бы степень участия различных региональных органов власти в подсистеме обеспечения имущественной безопасности, а также конкретные формы возможного участия государственной и негосударственной охраны в обеспечении имущественной безопасности и борьбе с терроризмом и т. д.

Как пример реализации данного вывода можно привести Постановление Волгоградской областной думы от 14 декабря 2000 года № 18/520 «О концепции безопасности Волгоградской области», которое, определив ключевым направлением региональной безопасности борьбу с преступностью, предполагает «формирование региональной правовой базы, защищающей интересы личности, общества и государства и на основе концепции региональной безопасности ставит задачу необходимости разработки стратегии экономической, информационной, экологической и других видов безопасности. (Под другими видами безопасности, как мы понимаем, подразумевается в числе прочих и имущественная безопасность юридических и физических лиц. – С. М.) Для эффективного осуществления региональной безопасности по каждому из основных направлений ее обеспечения указанная Концепция ставит задачу о необходимости разработки соответствующих региональных целевых программ, в рамках которых предлагается определить главные проблемы и задачи региональной безопасности» [8].

Как известно, функционирование системы имущественной безопасности обеспечивается прежде всего в результате правоохранительной деятельности [5], [6]. Приказами МВД России, утвердившими уставы федеральных государственных казенных учреждений подразделений вневедомственной охраны по соответствующим субъектам РФ, определено, что вневедомственная охрана создается на договорной основе для защиты имущества собственников. Она обеспечивает охрану имущества, а также оказывает другие услуги, предусмотренные договорами, реализует в пределах своей компетенции на обслуживаемой территории единую техническую политику в области охраны имущества и объектов, а также проводит инспектирование подразделений охраны юридических лиц с особыми уставными задачами и подразделений ведомственной охраны [3].

Следовательно, вневедомственная охрана полиции как структурная часть МВД России является той организационной структурой, на которую возложено основное бремя по обеспечению имущественной безопасности в стране. Учитывая объем работы, выполняемый вневедомственной охраной полиции, связанный с обеспечением имущественной и антитеррористической

безопасности различных объектов, ее функции и задачи, а также территориальный масштаб деятельности (вневедомственная охрана полиции – единственный субъект системы обеспечения имущественной безопасности, функционирующий во всех муниципальных образованиях республики), представляется обоснованным рассматривать ее основным субъектом обеспечения имущественной безопасности в регионе.

Таким образом, основным и системообразующим субъектом региональной подсистемы обеспечения имущественной безопасности РК может стать вневедомственная охрана полиции региона, осуществляющая свою деятельность в тесном взаимодействии с Антитеррористической комиссией в РК и другими субъектами системы обеспечения данной безопасности.

В то же время важно осознавать, что, так как имущественная и антитеррористическая безопасность являются сложной, многоуровневой системой взаимосвязанных и взаимообеспечивающих элементов, их обеспечение – дело не только государства и органов государственной власти, но и всего общества в целом, включая каждого ее члена в отдельности.

Учитывая усиливающиеся требования общества к сфере безопасности, возрастает необходимость пристального внимания законодателей к данной сфере и детального ее изучения исследователями различных областей. При этом формирование устойчивой и эффективной региональной подсистемы обеспечения имущественной и антитеррористической безопасности должно основываться на комплексе разработанных в теории безопасности базисных положений [4], основополагающими среди которых являются:

1. Основная цель региональной подсистемы обеспечения имущественной и антитеррористической безопасности должна заключаться в защите жизни и здоровья людей, а также сохранении имущества и информации.
2. Системы, элементы данной подсистемы, а также меры ее обеспечения должны быть логическим продолжением общей системы обеспечения безопасности и находиться в тесной взаимосвязи друг с другом.
3. Данные средства и элементы не должны становиться препятствием для нормального функционирования объектов и опасными для персонала.
4. Меры обеспечения региональной подсистемы обеспечения имущественной и антитеррористической безопасности должны быть разумными, достаточными и сбалансированными, то есть они должны быть распределены с учетом ситуационного анализа и прогноза вероятных угроз и важности защищаемых зон.
5. Разработка и реализация превентивных мер должны базироваться на оптимальном сочетании и организованном взаимодействии элементов и процесса функционирования системы обеспечения региональной подсистемы обеспе-

чения имущественной и антитеррористической безопасности. 6. Учитывая дифференциацию систем безопасности в зависимости от различия объектов и задач, необходима интеграция всех видов обеспечения безопасности в единый механизм и концентрация самых различных сил и средств для решения особо сложных и масштабных задач с точки зрения обеспечения в целом

национальной безопасности. 7. Современная система обеспечения региональной подсистемы обеспечения имущественной и антитеррористической безопасности должна сводить к минимуму так называемый человеческий фактор, а также стремление получить максимальную положительную результативность от затраченных на ее обеспечение затрат.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Указ Президента РФ от 16 февраля 2006 года № 116 «О мерах по противодействию терроризму» // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 897.
2. Постановление Правительства РФ от 11 февраля 2005 года № 66 «Вопросы реформирования вневедомственной охраны при органах внутренних дел РФ» // СЗ РФ. 2005. № 8. Ст. 648.
3. Приказ МВД России от 5 мая 2012 года № 418 «Об утверждении Устава Федерального государственного казенного учреждения «Управление вневедомственной охраны МВД по РК»».
4. Елагин А. Г., Казаков А. Я. Управление деятельностью по обеспечению безопасности. М.: Академия управления МВД России, 2010. 320 с.
5. Микайлов С. М. Национальная и имущественная безопасность: соотношение понятий и аспекты обеспечения вневедомственной охраной полиции: Монография. М.: Перо, 2013. 266 с.
6. Хатуаев В. У. Система имущественной безопасности в России: Монография. Воронеж: Воронежский ин-т МВД России, 2000. 169 с.
7. Официальный портал органов государственной власти РК. Антитеррористическая комиссия в РК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Antiterror/>
8. Официальный сайт Волгоградской областной думы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://volgoduma.ru/zakonotvorchestvo/plany-rabot/kontrol-ispolneniya-npa.html>

Mikhailov S. M., Department of Private Security of the Ministry of Internal Affairs of Karelian Republic (Petrozavodsk, Russian Federation)

CHARACTERISTIC FEATURES OF REGIONAL SUBSYSTEM DEVELOPMENT ENSURING PROPERTY AND ANTITERRORIST SAFETY

A thorough analysis of statutory and legal acts regulating the work of various agencies and organizations ensuring antiterrorist safety of property and critical infrastructure, as well as a research of special scientific literature on the problem helped to identify the role executed by the regional subsystem in antiterrorist safety provision. Being a part of the unified antiterrorist state system, the regional subsystem, ensuring antiterrorist safety, is presented by a number of public and private agencies acting on the territory of Karelian Republic. Having highlighted significance of the role played by the non-departmental security forces, it was suggested to consider them a core element of the above-mentioned subsystem. Provision of property and antiterrorist safety is a complex, multilevel system consisting of a number of interdependent and interrelated components. Therefore, effective functioning of its regional subsystem should be based on the complex of principle provisions highlighted in the Concept ensuring property safety in the Republic of Karelia and in the law adopted by the Republic «On Basic Principles of Securing Property Safety in the Republic of Karelia».

Key words: property safety, anti-terrorist safety, private security, police, regional subsystem, concep

REFERENCES

1. The decree of the President of the Russian Federation. February 16, 2006, № 116 "On measures to combat terrorism" [Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 12 fevralya 2006 goda № 116 "O merakh po protivodeystviyu terrorizmu"]. *SZ RF*. 2006. № 8. St. 897.
2. The order of the Government of the Russian Federation. February 11, 2006, № 66 "The reform of private security departments affiliated with the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" [Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 11 fevralya 2005 goda № 66 "Voprosy reformirovaniya vnevedomstvennoy okhrany pri organakh vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii"]. *SZ RF*. 2005. № 8. St. 648.
3. Prikaz MVD Rossii ot 5 maya 2012 goda № 418 "Ob utverzhdenii Ustava Federal'nogo gosudarstvennogo kazyonnogo uchrezhdeniya «Ypravlenie vnevedomstvennoy okhrany MVD po Respublike Kareliya»" [The order of the Ministry of Internal Affairs of Russia. May 5, 2012, № 418 "On the adoption of the Charter of the Federal state institution «Management of Private Security of the Ministry of Internal Affairs across the Republic of Karelia»"].
4. Elagin A. G., Kazakov A. Ya. *Ypravleniye deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti* [Management of security]. Moscow, Academy of the Interior Ministry of Russia Publ., 2010. 320 p.
5. Mikhailov S. M. *Natsional'naya i imyshchestvennaya bezopasnost': sootnoshenie ponyatiy i aspekty obespecheniya vnevedomstvennoy okhrany politzii: Monografiya* [National security and property safety: the ratio of concepts and aspects of private police povision: monograph]. Moscow, Pero Publ., 2013. 266 p.
6. Khatayev V. Y. *Sistema imyshchestvennoy bezopasnosti v Rossii: Monografiya* [The system of property security in Russia: monograph]. Voronezh: Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2000. 169 p.
7. *Ofitsial'nyy portal organov gosudarstvennoy vlasti RK. Antiterroristicheskaya komissiya v RK* [The official portal of the government of the Republic of Karelia. Anti-Terrorism Commission in the Republic of Karelia]. Available at: <http://www.gov.karelia.ru/gov/Power/Antiterror>
8. *Ofitsial'nyy sayt Volgogradskoy oblastnoy dumy* [Official site of the Volgograd Regional Duma]. Available at: <http://volgoduma.ru/zakonotvorchestvo/plany-rabot/kontrol-ispolneniya-npa.html>

Поступила в редакцию 18.10.2013

ТАТЬЯНА ВАСИЛЬЕВНА БЕЛЕВСКИХ

кандидат экономических наук, доцент кафедры технологии и сервиса факультета художественного образования, технологии и дизайна, Мурманский государственный гуманитарный университет (Мурманск, Российская Федерация)
belevskih@mail.ru

Рец. на кн.: Акулов В. Б. Макроэкономика. Т. 1: Учебное пособие для студентов экономических специальностей. – 3-е изд., доп. и перераб. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. – 133 с.

Учебное пособие представляет собой развитие взглядов и представлений автора, высказанных ранее ([1], [3], [4]). Оно позволяет студенту освоить направление макроэкономики с точки зрения системного подхода. Его структура заметно отличается от предыдущей работы автора [2]. Выделены новые проблемы введения («погружения») в макроэкономику, что позволяет лучше понять и освоить внутреннюю логику функционирования национальной экономики (макроэкономической системы).

Представлены концептуальные основания макроэкономики как самостоятельного научного направления: понятие, инструментарий, общая постановка проблемы исследования. Рассмотрены функциональные и регулирующие субъекты национальной экономики. Уточнено понятие макроэкономической системы и ставится классический вопрос экономической науки об *эффективности и возможностях применения данной категории в макроэкономических исследованиях*. Заключительная часть пособия представляет собой решение основной задачи исследования – проблемы обеспечения эффективности национальной экономики. Для этого рассматриваются общие концептуальные проблемы организации макроэкономической системы: подходы к пониманию ее внутренней организованности, особенности рассмотрения национальной экономики как информационной системы, вопросы равновесия (неравновесия), сравнительная характеристика регулирования и управления как способов сознательного воздействия на основные макроэкономические пропорции. Автор в развитии проблемы достижения макроэкономической эффективности рассматривает значение экономических институтов и правильной постановки макроэкономических целей в национальной экономике, что позволя-

ет сделать вывод: для достижения макроэкономической эффективности необходимо взаимодействие поведения хозяйствующих субъектов и объективных параметров функционирования народно-хозяйственной системы в целом.

Теоретические выкладки подкрепляются примерами из опыта функционирования российской и зарубежной экономики. Обращают на себя внимание и авторские термины, введенные для лучшего осознания макроэкономических явлений: «горбономика», «сжатие времени».

Завершается первый том определением инструментария измерения народно-хозяйственной деятельности: «система национального счетоводства» и «основные макроэкономические показатели». Основное внимание уделяется проблеме определения ВВП, в том числе и с точки зрения особенностей применения национальных и международных подходов. Дается характеристика используемых понятий и категорий, а также приводятся соответствующие формулы.

Пособие дает возможность читателю познакомиться как с базовыми понятиями, категориями, законами макроэкономики, так и сформировать комплексное представление о формировании, функционировании и развитии национальной экономики в целом как сложной многосубъектной системы. Несомненным достоинством является логика изложения материала, которая позволяет раскрыть общую системность макроэкономики как научного направления. Постепенное введение в проблему макроэкономики на уровне отдельных категорий и понятий, затем усложнение материала до уровня построения системы связей и взаимодействий этих категорий позволяют сформировать понимание сложности организации национальной экономики.

Пособие будет полезно всем желающим освоить макроэкономику как научное направление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акулов В. Б. Кейнсианская модель макроэкономического регулирования: возможность использования в современной экономике. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1993. 158 с.
2. Акулов В. Б. Макроэкономика. 2-е изд., испр. М.: Флинта, 2008. 392 с.
3. Акулов В. Б. Макроэкономическая среда и эффективность национальной экономики // Предпринимательство. 2013. № 7. С. 11–17.
4. Маевский В. И., Акулов В. Б. К вопросу о причинах мирового финансового кризиса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2009. № 6 (100). С. 103–106.

Поступила в редакцию 31.01.2014

18 января 2014 года исполнилось 70 лет доктору философских наук, профессору кафедры философии Петрозаводского государственного университета, поэту, прозаику, переводчику, искусствоведу *Юрию Владимировичу Линнику*.

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИННИК

К 70-летию со дня рождения

Ю. В. Линник родился в г. Беломорске, раннее детство прошло в г. Сортавала. С 1951 года живет в г. Петрозаводске. После окончания средней школы учился в Литературном институте имени М. Горького в г. Москве на отделении художественного перевода. В 1964 году перевелся в Петрозаводский государственный университет имени О. В. Куусинена. Окончил аспирантуру Московского областного педагогического института. В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию («Объективность красоты в органической природе»), в 1988 году – докторскую («Эстетика космоса»). Доцент, затем профессор Карельской государственной педагогической академии, сейчас работает в ПетрГУ.

Философские интересы Ю. В. Линника универсальны: эстетика и этика, онтология и гносеология, философия и методология науки, философские проблемы естествознания, история философии, философия солидаризма. Им разработана оригинальная философская концепция, находящаяся в русле пифагорейско-платоновской традиции и софиологии. Защищая идею целостности и многообразия мироздания, в котором человек не должен претендовать на исключительность положения в ущерб всему остальному природному миру, Ю. В. Линник органично развивает идеи русского космизма. Вслед за Н. Федоровым, В. Вернадским, Н. Рерихом отстаивает особое значение культуры для повышения организованности Космоса. Ему близки идеи «монизма прекрасного» (И. Гете, Г. Зиммель, П. Кюри) и натурфилософские представления Б. Пастернака, Н. Заболоцкого, А. Тарковского. В начале 1990-х годов в творчестве Ю. В. Линника усилились религиозно-философские мотивы. Он является директором единственного в стране Музея космической живописи (г. Петрозаводск). В последнее время многопланово исследует духовно-культурное наследие Русского Севера. Ю. В. Линник пристально изучает феномен северного двоеверия. Особое его внимание привлекает Северная Фиваида – детище Сергия Радонежского. Автор более 500 научных работ, альманахов и поэтических сборников, эссе, философско-фантастических и философско-мистических повестей.

Юрий Владимирович является членом Союза писателей России, ему присвоено звание заслуженного деятеля науки Российской Федерации.

От всей души поздравляем Юрия Владимировича с юбилеем и желаем новых творческих открытий!

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Обращаем ваше внимание на то, что в связи с включением журнала в международные реферативные базы данных (БД) изменились требования к оформлению статей с 1 января 2013 года (см. на сайте: uchzap.petrstu.ru). Изменения касаются прежде всего аннотации и списка литературы.

Аннотация (объем от 120 до 250 слов) является кратким резюме большей по объему работы. Аннотация может публиковаться самостоятельно и, следовательно, должна быть понятной без обращения к самой публикации. Она является основным источником информации в отечественных и зарубежных информационных системах и базах данных, индексирующих журнал. Структура аннотации должна повторять структуру статьи и включать введение, цели и задачи, методы, результаты, заключение (выводы). Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье. Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних фраз (например, «автор статьи рассматривает...»), не включать несущественные детали, применять значимые слова из текста статьи. Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся. В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций. Аннотация предназначена для компетентной аудитории, включая международную, поэтому можно использовать техническую (специальную) терминологию дисциплины. Текст аннотации должен быть связным с использованием слов «следовательно», «более того», «например», «в результате» и т. д. («consequently», «moreover», «for example», «the benefits of this study», «as a result» etc.), либо разрозненные излагаемые положения должны логично вытекать один из другого. Необходимо использовать активный, а не пассивный залог, т. е. “The study tested”, но не “It was tested in this study”. Аннотация на английском языке должна быть безошибочной.

Список литературы должен быть представлен на отдельных листах в 2 вариантах:

1) на русском языке в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. Цитируемая в статье литература (автор, название, место, издательство, год издания и страницы (от и до или общее количество)) при-

водится в алфавитном порядке, сначала отечественные, затем зарубежные авторы;

2) список литературы должен быть записан на языке оригинала латинскими буквами (References). Если русскоязычная статья была переведена на английский язык и опубликована в английской версии, то необходимо указывать ссылку из переводного источника. Как правило, библиографические описания российских публикаций составляются в следующей последовательности: авторы (транслитерация), перевод названия статьи на английский язык, название статьи в транслитерированном варианте в квадратных скобках, название источника (транслитерация, курсив), выходные данные с обозначениями на английском языке. Примеры библиографических описаний русскоязычных публикаций смотрите на сайте журнала: uchzap.petrstu.ru

Просим обратить внимание на то, что законодательные акты, постановления, архивные и исторические источники оформляются в виде Примечаний, так как эти работы не авторские и не будут связаны с публикацией в БД.

На сайте <http://www.translit.ru/> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу. Выбрав вариант системы **Board of Geographic Names (BGN)**, мы получаем изображение всех буквенных соответствий.

Таблицы нумеруются, снабжаются заголовком, предоставляются в текстовом редакторе Microsoft Word. **Иллюстрации** (рисунки, фотографии, схемы, диаграммы) нумеруются, снабжаются подписями и предоставляются в виде отдельных растровых файлов (в формате .tif, .bmp). В бумажной версии на обороте каждой иллюстрации ставится номер и пометка «верх», «низ». В тексте статьи указывается место рисунка. Таблица и иллюстраций не должно быть более 5.

Правила предоставления иллюстраций. Растровые форматы: рисунки и фотографии должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, градации серого. Векторные форматы: рисунки должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial.

Графики и диаграммы должны быть созданы в табличном процессоре Excel и присылаться вместе с исходными численными данными в одном файле с расширением xls.

CONTENTS

HISTORY

- Antoshchenko A. V.*
YEARS OF GEORGE FEDOTOV'S POSTGRADUATE TRAINING 7
- Suni L. V.*
MAIN HISTORICAL SOCIETY OF FINLAND 12
- Blyshko D. V.*
PERSON OF LATE SOCIALISM: IMAGE CONSTRUCTION (ON MATERIALS OF RUNET) 17
- Krivosozhenko A. F.*
PROFESSORIAL CORPORATION OF PETROGRAD UNIVERSITY IN 1917–1922 21
- Ivanishcheva M. V.*
NEW DATA ON KARGOPOLSKAYA CERAMICS IN SOUTH PRIONEZH'E 24

CULTUROLOGY

- Shorokhova I. V.*
ON STATE FUNDING OF THEATRICAL ART IN KARELIA: END OF 1940s – FIRST HALF OF 1960s 29

PEDAGOGICS

- Timofeeva G. Yu., Tkacheva T. M.*
ASSESSMENT OF COMPETENCIES' DEVELOPMENT IN STUDENTS OF TECHNICAL UNIVERSITY: MADI EXPERIENCE 34

POLITICAL SCIENCE

- Tsumarova E. Yu.*
IDENTITY POLICY IN REPUBLIC OF KARELIA ... 39

PHILOLOGY

- Skwarska K.*
SYNTACTIC AND SEMANTIC ATTRIBUTES OF RUSSIAN, POLISH, AND CZECH VERBS IN VALENCY LEXICON *VALLEX* 42
- Shestakova L. L.*
OBSOLETE WORDS IN LEXICAL FUND OF SILVER AGE POETRY (ON MATERIALS OF COMPOSITE DICTIONARY OF POETIC LANGUAGE) 47
- Markova N. V.*
COMPUTERIZED GRAMMAR DEFINITION DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS IN KARELIA 51
- Lebedev A. A.*
SENTENCES WITH ABSTRACT COPULA IN POETIC WORKS OF P. A. VYAZEMSKY 54
- Romanenko S. N.*
ON UNIFICATION OF NOUN FORMS IN DATIVE SINGULAR (FROM XVII CENTURY HOUSE-BOOKS OF PSKOV MONASTERY OF CAVES) 57
- Antonov A. V., Cherednikova M. P.*
CHRONOTOPE FUNCTIONS IN ARKADY AND BORIS STRUGATSKY'S NOVEL "DISQUIET" 61
- Tarasov K. G., Sukhov A. O.*
DENMARK AND SWEDEN IN V. I. DAHL'S "DAILY JOURNAL..." 67

- Andrianova I. S.*
EPISTOLARY GENRE IN ANNA DOSTOEVSKAY'S WORKS 70
- Alekseeva L. V.*
PATRIARCHAL WORLD OF RUSSIAN OLD BELIEF IN MELNIKOV-PECHERSKY'S PERCEPTION (BASED ON THE NOVEL "IN THE WOODS") . . 74
- Akhrieva L. M.*
CONCEPT OF GENRE IN Y. TYNANOV'S ARTICLES "LITERARY FACT" AND "ON LITERARY EVOLUTION" 78
- Filimonov V. V.*
FOLKLORE IN NON-PERIODIC PUBLICATIONS OF SCIENTIFIC SOCIETY STUDYING KOMI REPUBLIC: "COMMISSION'S DIGEST ON DICTIONARY COMPOSITION AND KOMI DIALECTS STUDY" 81

PHILOSOPHY

- Suvorova I. M.*
AESTHETIC STUDENTS' ESCAPISM AS RELEVANT PROBLEM OF MODERN EDUCATION ... 86
- Abrosimova S. O.*
PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF BIOTECHNOLOGY PHENOMENON PERCEPTION IN CONTEXT OF RELIGIOUS VALUES 90

ECONOMICS

- Gerashchenkova T. M.*
APPROACHES DETERMINING EFFECTIVENESS OF INNOVATIVE INVESTMENT ACTIVITY . . 94
- Stepanova S. V.*
INFLUENCE OF NON-CIS LEADING COUNTRIES ON IN-AND-OUTBOUND FLOWS OF RUSSIAN FEDERATION IN EARLY XXI CENTURY 99
- Tereshchenko D. S.*
IMPORTANCE OF INSTITUTIONAL FACTORS FOR ECONOMIC GROWTH IN TRANSITION COUNTRIES 104
- Shatalkin I. A.*
PROBLEMS OF TRANSACTION COSTS' MEASUREMENT 108

LEGAL STUDIES

- Larichev A. A.*
MUNICIPAL AMALGAMATIONS IN RUSSIA, FINLAND, AND CANADA: PROCEDURES AND PROBLEMS OF LOCAL CITIZENS' INVOLVEMENT 111
- Mikhailov S. M.*
CHARACTERISTIC FEATURES OF REGIONAL SUBSYSTEM DEVELOPMENT ENSURING PROPERTY AND ANTITERRORIST SAFETY 116

Reviews

- Belevskikh T. V.*
The book review: Akulov V. B. Microeconomics. Vol. 1: A study guide for faculty of economics' students 121

Jubilation

- To the 70th Birthday Anniversary of Yu. V. Linnik ... 122
- INFO FOR THE AUTHORS 123